

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
ИНСТИТУТ АГРАРНЫХ ПРОБЛЕМ РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК

ISSN 2077-5598
№ 2, 2020

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по
надзору в сфере связи,
информационных
технологий и массовых
коммуникаций
(Роскомнадзор)

*Свидетельство о
регистрации средства
массовой информации:
Эл № ФС-77-34226
от 26.11.2008 г.*

Журнал входит в
перечень рецензируемых
научных журналов,
зарегистрированных в
системе «Российский
индекс научного
цитирования».

№ договора E-Library:
№20-05/09-2

Учредитель:
Федеральное
государственное
бюджетное учреждение
науки Институт аграрных
проблем Российской
академии наук

*Адрес учредителя,
редакции:*
410012, г. Саратов,
ул. Московская, 94

Сайт:
[http://www.iagpran.ru/
journal.php](http://www.iagpran.ru/journal.php)
[http://региональныеагро
системы.рф/index.php/ras](http://региональныеагро
системы.рф/index.php/ras)

e-mail: iagpran@mail.ru

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АГРОСИСТЕМЫ: экономика и социология

электронный научный журнал

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЕМ АПК

- ВЕКТОРНАЯ ЭКОНОМИКА АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ СИСТЕМНОГО УПРАВЛЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИЕЙ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ**
Анфиногентова А.А., академик РАН, ИАЭП РАН -5-
VECTOR ECONOMY OF AGRICULTURAL FOOD COMPLEX: NEW POSSIBILITIES OF SYSTEM MANAGEMENT OF IMPLEMENTATION OF NATIONAL PROJECTS
Anfinogentova A.A., academician of RAS, IAgP RAS
- ТЕНДЕНЦИИ СБАЛАНСИРОВАННОСТИ ЗЕРНОПРОДУКТОВОЙ ЦЕПОЧКИ РОССИИ**
Яковенко Н.А., д.э.н., ИАЭП РАН -10-
RUSSIA'S TRENDS OF BALANCE OF THE GRAIN-FOOD CHAIN OF RUSSIA
Yakovenko N.A., doctor of economic sciences, IAgP RAS
- УПРАВЛЕНИЕ СПРОСОМ НА ПРОДОВОЛЬСТВИЕ В КОНТЕКСТЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ**
Решетникова Е.Г., д.э.н., ИАЭП РАН -17-
FOOD DEMAND MANAGEMENT IN THE CONTEXT OF INSTITUTIONAL CONCEPT OF ECONOMIC DEVELOPMENT
Reshetnikova E.G., doctor of economic sciences, IAgP RAS
- ТЕНДЕНЦИИ И ПРИОРИТЕТЫ СТРУКТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА РОССИИ**
Курсанов В.В., к.э.н., ИАЭП РАН -25-
TRENDS AND PRIORITIES OF STRUCTURAL CHANGES IN THE AGRI-FOOD COMPLEX OF RUSSIA
Kirsanov V.V., candidate of economic sciences, IAgP RAS
- ВЛИЯНИЕ ДОЛГОСРОЧНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ ФОРМИРОВАНИЯ РЕСУРСНОГО ПОТЕНЦИАЛА АГРАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА НА РОСТ ЭКСПОРТА ПРОДОВОЛЬСТВИЯ**
Потапов А.П., к.э.н., ИАЭП РАН -32-
INFLUENCE OF LONG-TERM TRENDS IN THE FORMATION OF THE RESOURCE POTENTIAL OF AGRICULTURAL PRODUCTION ON GROWTH OF FOOD EXPORT
Potapov A.P., candidate of economic sciences, IAgP RAS
- ОБОСНОВАНИЕ ДОЛГОСРОЧНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА РОССИИ**
Дерунова Е.А., к.э.н., ИАЭП РАН -38-
SUBSTANTIATION OF LONG-TERM TENDENCIES OF THE SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL DEVELOPMENT OF THE AGRICULTURAL FOOD COMPLEX OF RUSSIA
Derunova E.A., candidate of economic sciences, IAgP RAS
- ТРАНСФЕР ТЕХНОЛОГИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ АГРАРНОЙ ЭКОНОМИКИ: ИССЛЕДОВАНИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЫ**
Монахов С.В., к.э.н., Шиханова Ю.А., к.э.н., Потоцкая Л.Н., к.э.н., Новикова Н.А., к.э.н., ФГБОУ ВО Саратовский ГАУ им. Н.И. Вавилова -45-
TECHNOLOGY TRANSFER IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION OF THE AGRICULTURAL ECONOMY: RESEARCH OF THE INSTITUTIONAL ENVIRONMENT
Monakhov S.V., candidate of economic sciences, Shikhanova J.A., candidate of economic sciences, Pototskaya L.N., candidate of economic sciences, Novikova N.A., candidate of economic sciences, Saratov State Agrarian University named after N.I. Vavilov

АКТУАЛЬНЫЕ ТRENДЫ РАЗВИТИЯ АПК РОССИИ В СОСТАВЕ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Решетникова Н.В., к.э.н., ИАЭП РАН

**ACTUAL TRENDS OF DEVELOPMENT OF THE AGRICULTURAL INDUSTRY OF RUSSIA
IN WORLD ECONOMY**

-49-

Reshetnikova N.V., candidate of economic sciences, IAgP RAS

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ СТАБИЛЬНОГО СПРОСА НА ПРОДОВОЛЬСТВИЕ

Иосипенко В.Д., к.э.н., ИАЭП РАН

FACTORS OF FORMATION OF STABLE FOOD DEMAND

-55-

Iosipenko V.D., candidate of economic sciences, IAgP RAS

**СОВРЕМЕННЫЕ ТRENДЫ В ИССЛЕДОВАНИИ ПРОБЛЕМ РАЗВИТИЯ
АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ СИСТЕМ (ПО МАТЕРИАЛАМ ФОРУМОВ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ)**

Фисенко Н.А., к.э.н., ИАЭП РАН

**CURRENT TRENDS IN RESEARCH OF PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF
AGRICULTURAL FOOD SYSTEMS (ON THE MATERIALS OF FORUMS OF
INTERNATIONAL ORGANIZATIONS)**

-62-

Fisenko N.A., candidate of economic sciences, IAgP RAS

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ
АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА**

**СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
МОЛОЧНОПРОДУКТОВОГО ПОДКОМПЛЕКСА В РЕГИОНАХ РФ, НЕБЛАГОПРИЯТНЫХ
ДЛЯ ВЕДЕНИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА**

Васильченко М.Я., к.э.н., Трифонова Е.Н., к.э.н., ИАЭП РАН

**STATE AND PROSPECTS FOR STRATEGIC DEVELOPMENT OF THE DAIRY PRODUCT
SUBCOMPLEX IN REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION THAT ARE
UNFAVORABLE TO AGRICULTURE**

-70-

Vasilchenko M. Ya., candidate of economic sciences,

Trifonova E. N., candidate of economic sciences, IAgP RAS

**ОСОБЕННОСТИ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ МЯСНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РЕГИОНОВ
РФ, НЕБЛАГОПРИЯТНЫХ ДЛЯ ВЕДЕНИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА**

Трифонова Е.Н., к.э.н., ИАЭП РАН

**FEATURES OF STRATEGY OF DEVELOPMENT OF MEAT INDUSTRY OF THE RUSSIAN
REGIONS, UNFAVORABLE TO AGRICULTURE**

-86-

Trifonova E.N., candidate of economic sciences, IAgP RAS

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

**ДЕРЕВНЯ В УСЛОВИЯХ НЕПРЕДВИДЕННЫХ СИТУАЦИЙ:
КРИСТАЛЛИЗАЦИЯ ХАРАКТЕРИСТИК СОЦИАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА**

Великий П.П., д.филос.н., ИАЭП РАН

**VILLAGE UNDER CONDITIONS OF UNFORESEEN SITUATIONS:
SUMMARY OF CHARACTERISTICS OF SOCIAL CAPACITY**

-95-

Velikiy P.P., doctor of philosophical sciences, IAgP RAS

ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ СЕЛА: ФЕНОМЕНОЛОГИЯ И ВЕКТОРЫ РОСТА

Виноградский В.Г., д.филос. н., Виноградская О.Я., с.н.с., РАНХиГС

**ATTRACTIVENESS OF THE VILLAGE: PHENOMENOLOGY AND
VECTORS OF GROWTH**

-100-

Vinogradskiy V. G., doctor of philosophical sciences,

Vinogradskaya O.Ya., senior researcher, RANEPa

ДЕПРИВАЦИОННАЯ БЕДНОСТЬ: МЕТОДЫ ИСЧИСЛЕНИЯ И ОЦЕНКИ

Шабанов В.Л., д.социол.н., ИАгП РАН

DEPRIVATION POVERTY: METHODS OF CALCULATION AND EVALUATION

Shabanov V.L., doctor of sociological sciences, IAgP RAS

-108-

**СЕЛЬСКО-ГОРОДСКИЕ РАЗЛИЧИЯ В ФОРМИРОВАНИИ НЕРАВЕНСТВА
ПО ОТНОШЕНИЮ К ЗДОРОВЬЮ**

Вяльшина А.А., к.социол.н., ИАгП РАН

RURAL-URBAN DIFFERENCES IN FORMING INEQUALITY IN RELATION TO HEALTH

Vyalshina A.A., candidate of sociological sciences, IAgP RAS

-114-

**ОБОСНОВАНИЕ ОСНОВНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ РАБОТНИКОВ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В
УСЛОВИЯХ ОБЩЕМИРОВЫХ ВЫЗОВОВ**

Бочарова Е.В., к.социол.н., ИАгП РАН

**SUBSTANTIATION OF THE BASIC TENDENCIES FOR FORMING AND
DEVELOPING PROFESSIONAL COMPETENCES OF AGRICULTURAL
WORKERS UNDER CONDITIONS OF WORLDWIDE CHALLENGES**

Bocharova E.V., candidate of sociological sciences, IAgP RAS

-121-

**ГЛОБАЛЬНЫЕ СОЦИОСТРУКТУРНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ТРАНСФОРМАЦИИ
МАЛОГО ФЕРМЕРСКОГО СЕКТОРА**

Нечаева И.В., к.социол.н., ИАгП РАН

**GLOBAL SOCIO-STRUCTURAL TRENDS OF TRANSFORMATION
OF THE SMALL FARMING SECTOR**

Nechaeva I.V., candidate of sociological sciences, IAgP RAS

-129-

ВЕКТОРНАЯ ЭКОНОМИКА АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ СИСТЕМНОГО УПРАВЛЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИЕЙ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ¹

Анфиногентова А.А., академик РАН, ИАГП РАН

В статье дано теоретическое обоснование понятия «векторная экономика» применительно к агропродовольственному комплексу. Показано, что такая интерпретация открывает новые возможности управления конечными результатами реализации национальных проектов вследствие использования преимуществ метода «затраты–выпуск» для обоснования инвестиционных программ, согласования параметров развития агропродовольственного комплекса федерального и регионального уровней, реализации проектов развития агропродовольственных корпораций, предприятий малого и среднего бизнеса, направленных на восстановление занятости и доходов населения, рост экономики и долгосрочные структурные изменения. Обоснованы на примере агропродовольственного комплекса содержание и методы определения экономических констант, раскрыты особенности их применения в прогнозировании в условиях неопределенности. Предложено использование российских таблиц «затраты–выпуск» в управлении агропродовольственным комплексом. Показаны возможности векторной экономики, связанные с включением таблиц «затраты–выпуск» российского агропродовольственного комплекса во Всемирную базу данных для обоснования параметров роста конкурентоспособного экспорта продовольствия.

Ключевые слова: векторная экономика, национальный проект, метод «затраты–выпуск», экономические константы, агропродовольственный комплекс, конечный продукт.

VECTOR ECONOMY OF AGRICULTURAL FOOD COMPLEX: NEW POSSIBILITIES OF SYSTEM MANAGEMENT OF IMPLEMENTATION OF NATIONAL PROJECTS

Anfinogentova A.A., academician of RAS, IAgP RAS

The article provides a theoretical justification for the concept of "vector economy" in relation to the agri-food complex. The advantages of using the "input-output" method to justify investment programs, agree on the development parameters of the agri-food complex at the federal and regional levels, implement projects for the development of agri-food corporations, small and medium-sized enterprises aimed at restoring employment and incomes of the population, economic growth and long-term structural changes are shown. The content and methods for determining economic constants are grounded on the example of the agri-food complex, the features of their application in forecasting under conditions of uncertainty are disclosed. The use of Russian input-output tables in managing the agri-food complex is proposed. The possibilities of the vector economy related to the inclusion of input-output tables of the Russian agri-food complex in the World Database to justify the growth parameters of competitive food exports are shown.

Key words: vector economy, national project, "input – output" method, economic constants, agri-food complex, final product.

Социально-экономическое развитие России и мира в условиях новых вызовов требует кардинального преобразования традиционных подходов к обоснованию национальных проектов, разработке и использованию новых перспективных методов прогнозирования в условиях неопределенности. Возможности метода «затраты–выпуск» в течение многих лет успешно исследуются российскими и зарубежными учеными. В экономической литературе обоснована необходимость перехода к векторной экономике для системной оценки экономического роста, «... во взаимосвязи со складывающимися векторами валового и конечного общественного продукта, вектором доходов членов общества, вектором цен, уровнем про-

¹ Статья подготовлена по гранту Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-010-00166).

центной ставки» [1, с. 301]. Теоретические и методологические принципы векторной экономики развиваются в трудах ученых Института аграрных проблем Российской академии наук с первых дней его существования [2]. В сложных условиях современного социально-экономического развития создаются предпосылки для реализации новых возможностей векторной экономики применительно к особенностям управления агропродовольственным комплексом [3; 4].

Важными задачами использования методов векторной экономики являются надежная оценка параметров экономического роста, обоснование программы выхода экономики страны из кризиса с учетом тенденций развития внешнеэкономических связей, создание эффективных механизмов реализации национальных проектов. Векторная экономика, методологическую основу которой составляет метод «затраты–выпуск», позволяет кардинально преобразовать процесс управления агропродовольственным комплексом с учетом его особого положения в системе многоотраслевых комплексов страны и регионов, открывает новые возможности надежного прогноза вектора потребления продовольствия в домашних хозяйствах и социальной сфере, обоснования векторов государственных запасов и резервов продовольствия.

Векторная экономика составляет методологическую основу исследования многоуровневой системы управления комплексом по регионам, агропродовольственным корпорациям и предприятиям. Разработка проблем, направленных на получение и анализ больших объемов данных, согласование ключевых социально-экономических показателей многоотраслевых комплексов различных типов и уровней является приоритетным направлением исследования в ряде научных учреждений страны [5; 6].

Возникающая неожиданно и принимающая глобальные масштабы непредсказуемость социально-экономического развития означает, что полученные ранее оценки и результаты, а также прогнозы на их основе, становятся неприемлемыми, практически нереализуемыми и невостребованными. Возникает настоятельная необходимость в применении нового подхода к прогнозированию, основанного на использовании экономических констант как относительно постоянных во времени структурных параметров, существующих вследствие особенностей исследуемых процессов и обеспечивающих фундаментальное теоретико-методологическое обоснование прогнозов в условиях неопределенности в соответствии с принципами векторной экономики [7]. Потребность в новых подходах к исследованию особенностей социально-экономических процессов в этой ситуации очевидна и обусловлена воздействием на изучаемые параметры новых вызовов, угроз и рисков. Исследование комбинированных симметричных таблиц «затраты–выпуск» агропродовольственного комплекса позволило выявить набор структурных параметров и коэффициентов, значения которых являются относительно постоянными. К ним относятся показатели удельного веса конечного продукта и добавленной стоимости комплекса в составе аналогичных показателей страны, составляющие более 95% общероссийских значений. Не менее существенной особенностью изучаемого комплекса является преобладание в матрице коэффициентов прямых затрат практически постоянных параметров, что существенно снижает трудоемкость обоснования их динамики и использование коэффициентов полных затрат материально-технических ресурсов, рабочей силы и фондов прогнозирования.

Агропродовольственный комплекс, являясь относительно автономным блоком научно-технологического и социально-экономического развития страны, рассматривается нами как ключевой объект управления национальными проектами, направленными на рост качества жизни населения и укрепление продовольственной независимости страны.

Прогноз уровня и структуры потребления населением продовольствия основан на использовании рациональных норм потребления, уровень и структура которых определяется в соответствии с современными научными выводами о рациональном питании. Вектор личного потребления, дифференцированный по регионам с учетом половозрастной структуры населения, служит обоснованием программы социальной поддержки населения в сложных экономических условиях.

Матрицы коэффициентов прямых затрат на производство продуктов питания являются структурными коэффициентами, основанными на устойчивых компонентах, уровень и сочетание которых определяет параметры развития перерабатывающей промышленности и торговли. Особенность матрицы коэффициентов прямых затрат в агропродовольственном комплексе состоит в существовании базовых параметров, доля которых составляет менее 5% их количества. Следовательно, прогноз элементов матрицы прямых затрат состоит в обосновании важнейших коэффициентов прямых затрат как основы расчета полных затрат на производство конечной продукции комплекса. Особое значение имеет прогноз вектора государственных резервов и запасов, что требует разработки натуральных балансов основных видов сельскохозяйственного сырья и продовольствия. Прогноз увеличения конкурентоспособного экспорта продовольствия основан на обеспечении продовольствием населения страны, сохранении и укреплении ее продовольственной безопасности в условиях неопределенности.

Новые возможности системного управления процессом реализации национальных проектов, которые возникают в связи с использованием преимуществ векторной экономики, могут быть реализованы в ходе разработки комбинированных таблиц «затраты–выпуск» агропродовольственного комплекса страны и регионов как составной части базовых таблиц «затраты–выпуск», регулярно разрабатываемых в нашей стране и в большинстве развитых стран мира [8; 9]. Базовые таблицы «затраты–выпуск» являются неотъемлемой частью системы национальных счетов, содержат всестороннюю характеристику структуры и межотраслевых связей для всестороннего анализа процессов производства и использования валового продукта, динамики доходов населения, прогнозирования ключевых направлений социально-экономического развития страны и обоснования экономической политики государства. В России разработка базовых таблиц «затраты–выпуск» осуществляется в соответствии с распоряжением Правительства Российской Федерации от 14 февраля 2009 года, № 201-р [10]. К настоящему времени разработаны таблицы «затраты–выпуск» за 2011 и 2016 годы, а также предусмотрено последующее их составление на регулярной основе каждые пять лет.

Базовые таблицы «затраты–выпуск» направлены на решение важных задач повышения качества и надежности статистического измерения основных экономических показателей, формирования надежной информационной базы, выполнения сценарных расчетов, прогнозирования, оценки параметров ненаблюдаемой экономики и решения многих других задач.

Построение комбинированных таблиц «затраты–выпуск» агропродовольственного комплекса на основе базовых таблиц «затраты–выпуск» позволяет выполнять надежные аналитические и прогнозные расчеты на уровне страны, регионов, агропродовольственных корпораций и входящих в их состав предприятий (схема).

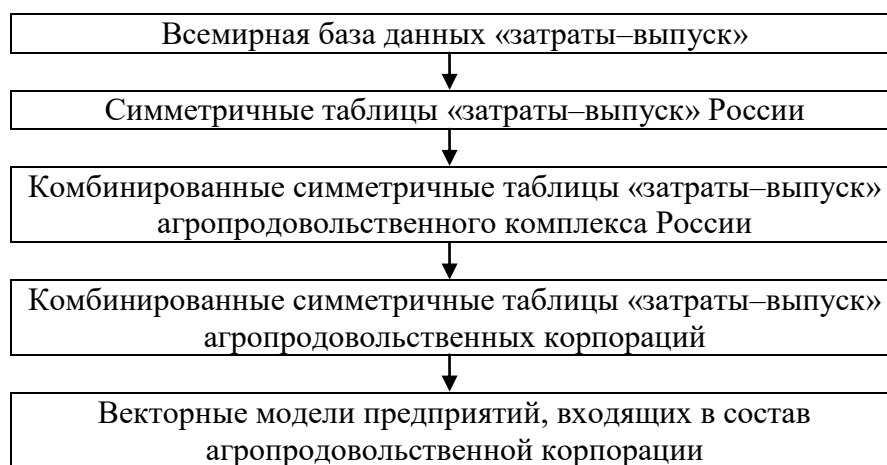

Схема - Многоуровневая система симметричных таблиц «затраты–выпуск» агропродовольственного комплекса России

Многоуровневая система симметричных таблиц «затраты–выпуск» агропродовольственного комплекса России имеет для ее разработки и анализа необходимую информацию, так как в соответствии с федеральным законом от 29 ноября 2007 года № 282-ФЗ «Об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в Российской Федерации» [11] респонденты обязаны предоставлять необходимые для их разработки данные с условием их гарантированной защиты. Федеральное статистическое наблюдение за затратами на производство и продажу продукции для разработки базовых таблиц «затраты–выпуск» за 2016 год осуществлялось в режиме сплошного наблюдения за крупными и средними коммерческими предприятиями (173,0 тыс. ед.) и выборочного наблюдения за малыми коммерческими предприятиями по России в целом (5,4 тыс. ед.), а также бюджетными, автономными и казенными учреждениями (13,6 тыс. ед.). В результате была получена информация для расчетов промежуточного потребления и валового накопления основного капитала в разрезе отраслей и продуктов. Процесс получения этой информации отражает особенности функционирования современной экономической системы России, а именно, существование многотерриториальных компаний, горизонтально и вертикально интегрированных групп предприятий, совместно использующих сырье, материалы, рабочую силу, капитал, широкое распространение продукции из сырья заказчика, аутсорсинг услуг и рабочей силы. В агропродовольственном комплексе 39% валового выпуска приходится на долю пищевой промышленности, 36% составляют услуги розничной торговли и 25% продукции занимает продукция сельского хозяйства [12]. В каждой из сфер комплекса существует множество предприятий и организаций (табл.).

Таблица - Структура сельскохозяйственных организаций и предприятий по формам хозяйствования на конец 2018 года [13, с. 20]

Виды предприятий	Удельный вес в общем числе, %
Публичные акционерные общества	2,1
Непубличные акционерные общества	7,6
Общества (товарищества) с ограниченной ответственностью	60,1
Сельскохозяйственные кооперативы	21,5
Государственные организации	2,1
Прочие организации	6,6
Всего	100,0

Симметричные таблицы «затраты–выпуск» агропродовольственного комплекса разрабатываются в соответствии с Общероссийским классификатором видов экономической деятельности (ОКВЭД), включающем 1700 видов, и Общероссийским классификатором продукции (ОКПД), в состав которого входят более 50 000 видов продукции. Большой объем данных, полученный в ходе сплошного и выборочного обследований, имеется в статистических управлениях регионов. Назначение этой уникальной информации состоит в построении на ее основе симметричных таблиц «затраты–выпуск» страны. Вместе с тем, данные сплошного и выборочного обследования могут использоваться региональными органами управления, корпорациями и предприятиями для совершенствования учета и управления их конечными результатами [14]. Построение многоуровневой системы таблиц «затраты–выпуск» по многоотраслевым комплексам регионов обеспечена информацией и их статистических органов и представляется важным условием повышения научного уровня обоснования региональных проектов.

Использование возможностей векторной экономики агропродовольственного комплекса обеспечивает формирование информационной основы цифровизации процесса управления ключевыми национальными проектами, создает надежную базу для прогнозирования экономического роста, повышения качества жизни населения и укрепления продовольственной независимости страны.

Список литературы:

1. Некипелов А.Д. Становление и функционирование экономических институтов: от «робинзонады» до рыночной экономики, основанной на индивидуальном производстве. — М.: Экономистъ, 2006. — 328 с.
2. Стратегические приоритеты социально-экономического развития агропродовольственного комплекса России / Анфиногентова А.А., Блинова Т.В., Воротников И.Л. и др.; под общ. ред. И.Л. Воротникова. — Саратов: Саратовский источник, 2016. — 595 с.
3. Теория и методы управления межотраслевыми и межрегиональными взаимодействиями в агропродовольственном комплексе / Анфиногентова А.А., Решетникова Е.Г., Иосипенко В.Д. и др.; под общ. ред. А.А. Анфиногентовой. — Саратов: Саратовский источник, 2019. — 118 с.
4. Былина С.Г., Кадомцева М.Е., Осовин М.Н. Информатизация агропродовольственного комплекса и сельских территорий России: возможности ограничения: Монография. — Саратов: Саратовский источник, 2018. — 228 с.
5. Воспроизводственный потенциал Российской Федерации: Монография / Валинурова Л.С., Казакова О.Б., Климова Н.И. и др. — М.: Компания КноРус, 2019. — 336 с.
6. Гришин К.Е. Теоретико-методологические основы проектирования формата эффективного взаимодействия властных и предпринимательских структур: Диссертация ... доктора экономических наук: 08.00.05 [Место защиты: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уфимский государственный университет экономики и сервиса»]. — Уфа, 2015. — 351 с.
7. Халлман Д. Увидеть неопределенность. Как с помощью методов визуализации данных изучать неопределенные процессы // В мире науки. Спецвыпуск. — 2019. — № 11. — С. 68–71.
8. Масакова И.Д. Российская практика составления таблиц «затраты–выпуск»: проблемы, перспективы: Презентация на Секции экономики ООН РАН. — М., 2018.
9. World Input–Output Database. — URL: http://www.wiod.org/new_site/home.htm.
10. Об информации о межотраслевых связях и структурных пропорциях экономики Российской Федерации: Распоряжение Правительства РФ от 14.02.2009 № 201-р // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. — URL: <http://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-pravitelstva-rf-ot-14022009-n-201-r/>.
11. Об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.11.2007 № 282-ФЗ (ред. от 18.04.2018) // Законодательство Российской Федерации. Сборник основных федеральных законов РФ. — URL: <https://fzrf.su/zakon/o-statisticheskoy-uchete-i-statistike-282-fz/>.
12. Развитие продовольственной системы России в условиях современных стратегических рисков / Под ред. Н.А. Барышниковой. — Саратов: Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2017. — 188 с.
13. Агропромышленный комплекс России в 2018 году. — М.: Министерство сельского хозяйства Российской Федерации, 2019. — 536 с.
14. Анфиногентова А.А. Управление корпорациями агропродовольственного комплекса в условиях цифровой экономики // Региональные агросистемы: экономика и социология. — 2020. — № 1.- URL: <http://iagpran.ru/datas/users/b8b714ec6c77f7665bb4a7c401a919ab.pdf>.

ТЕНДЕНЦИИ СБАЛАНСИРОВАННОСТИ ЗЕРНОПРОДУКТОВОЙ ЦЕПОЧКИ РОССИИ

Яковенко Н.А., д.э.н., ИАГП РАН

В статье дан анализ развития зернопродуктовой цепочки России на основе исследования продуктовых балансов. Рассмотрена сущность и структура продуктовых балансов, их место в оценке устойчивого развития зернового хозяйства. Выявлены основные тенденции развития зернопродуктовой цепочки в условиях усиления факторов неопределенности. Показано изменение структура формирования ресурсов зерна с 1990 по 2018 гг., а также их использования. Показано, что при общей положительной динамике ресурсов зерна наблюдаются значительные колебания в его производстве, что негативно отражается на устойчивом развитии зернового хозяйства. С 2000 года наблюдается сокращение внутреннего потребления зерна по всем структурным составляющим. Предложены стратегические направления формирования зерновой продуктовой цепочки. Сделан вывод о необходимости структурной модернизации зернового производства.

Ключевые слова: продуктовая цепочка, зерно, межотраслевая сбалансированность, агропромышленная интеграция, продуктовые балансы

RUSSIA'S TRENDS OF BALANCE OF THE GRAIN-FOOD CHAIN OF RUSSIA

Yakovenko N.A., doctor of economic sciences, IAgP RAS

The article provides an analysis of the development of the grain- food chain of Russia based on the study of food balances. The essence and structure of food balances, their place in assessing the sustainable development of the grain economy are considered. The main trends in the development of the grain-food chain in the face of increasing uncertainty factors are identified. The change in the structure of the formation of grain resources from 1990 to 2018, as well as their use, is shown. With the general positive dynamics of grain resources, significant fluctuations in its production, which negatively affects the sustainable development of grain farming, are observed. Since 2000, there has been a decrease in domestic grain consumption for all structural components. The strategic directions of the formation of the grain-food chain are proposed. The conclusion about the need for structural modernization of grain production is made.

Key words: food chain, grain, intersectoral balance, agro-industrial integration, product balances

Введение.

Зерновое производство является одной из ведущих отраслей агропродовольственного комплекса, способной стать «точкой роста» не только комплекса, но и экономики страны в целом. Зерновые культуры занимают около 40% пашни, доля зерна составляет одну треть стоимости валовой продукции сельского хозяйства и свыше половины продукции растениеводства. Производство зерна формирует около одной четвертой всей валовой выручки от реализации сельскохозяйственной продукции. На зерновое хозяйство приходится одна пятая всех затрат сельскохозяйственного производства и около половины прибыли сельскохозяйственных товаропроизводителей. Зерновое производство является основой развития животноводства, выступая по отношению к нему и другим нерентабельным отраслям сельского хозяйства донором. Реализуемые Правительством РФ мероприятия по регулированию рынка зерна направлены как на его стабилизацию внутри страны, так и на повышение конкурентоспособности российской зерновой продукции на мировом рынке. Россия превратилась в стабильного поставщика зерна на мировой рынок, став одним из серьезных конкурентов для традиционных поставщиков – США, Канады, Аргентины и Австралии. Валовой сбор зерновых и зернобобовых культур России составляет 5% от их мирового производства. За анали-

зируемый период существенно вырос российский экспорт зерна. В 2018 экспорт пшеницы РФ превышал экспорт США почти в 2 раза. По экспорту ячменя Россия занимала третье место после Франции и Австралии. Экспорт гречихи в 2018 г. по сравнению с 2010 годом вырос на 55%. В последние годы Россия входит в первую десятку экспортеров овса и в первую пятерку мировых экспортеров зернобобовых [1].

Интенсивное развитие зернового хозяйства обусловлено системной государственной поддержкой агропродовольственного комплекса России в последние годы. Это позволило сохранить положительную динамику производства основных отраслей агропродовольственного комплекса, в том числе зернопродуктовой, в условиях дестабилизирующих факторов. «Роль зернопродуктового подкомплекса в обеспечении страны продовольствием и развитии ее экономики необходимо рассматривать и оценивать исходя из его многоцелевого назначения в экономической, социальной, политической и международной сферах. Поэтому динамичное развитие подкомплекса - это не только сугубо отраслевая и межотраслевая, но и сложная макроэкономическая проблема, успешное решение которой во многом определяется макроэкономическими, институциональными, структурными и другими преобразованиями, происходящими в экономике страны вообще и в агропромышленном комплексе в частности путем осуществления многопрофильной государственной политики» [2, с. 8].

По мнению ученых и специалистов-практиков, России обладает высоким потенциалом развития зернового хозяйства [2 - 5]. В 2019 году посевные площади в России составили 79,6 млн. га, в том числе посевные площади зерновых и зернобобовых культур - около 46,8 млн. га. В 2019 году зерновые ресурсы России увеличились в 1,9 раза по сравнению с 2010 годом. По предварительным данным Росстата и ФТС России, при увеличении производства и снижении импорта удельный вес отечественного зерна в общем объеме ресурсов (с учетом структуры переходящих запасов) в 2019 году составил 99,6 % при пороговом значении Доктрины продовольственной безопасности 95 %.

При общей положительной динамике зерновое производство страны сталкивается с системными проблемами развития агропродовольственного комплекса, которые выражаются в несбалансированном развитии составных частей комплекса – сельскохозяйственного и постсельскохозяйственного производства, инфраструктуры, неравномерности технического и технологического обеспечения товаропроизводителей, низком уровне инвестиционной и инновационной активности, а также капитализации зернового рынка и др. Это формирует высокую зависимость производства от агроклиматических факторов и ведет к существенному колебанию урожайности и объемов производства зерновых культур, а также к высокой волатильности уровня доходов сельскохозяйственных товаропроизводителей.

Целью работы является оценка уровня и тенденций межотраслевой сбалансированности зернопродуктовой цепочки на основе продуктовых балансов, обоснование системы роста конкурентных преимуществ на новом этапе глобализации.

Методы исследования.

Стратегическое значение зернопродуктовой цепочки для эффективного функционирования агропродовольственного комплекса и экономики в целом предполагает разработку мероприятий по регулированию рынка зерна, направленных на его стабилизацию внутри страны и рост конкурентоспособности российской зерновой продукции на мировом рынке. С целью выявления тенденций производства и потребления продовольствия, соотношения спроса и предложения основных продовольственных товаров, динамики и структуры формирования продовольственных ресурсов и их использования необходимо применять комплекс различных методов и инструментов. Балансовые продуктовые модели позволяют оценить долгосрочные тренды и перспективы изменения ресурсов и их использования с учетом экспорта и импорта.

Балансы продовольственных ресурсов обеспечивают системный подход к анализу движения сельскохозяйственной продукции. «Балансы продовольственных ресурсов представляют собой систему сбалансированных данных по источникам поступления ресурсов основ-

ных видов сельскохозяйственных продуктов, сырья и продовольствия и направлениям их использования» [6]. Схема баланса в общем виде представлена следующей формулой:

$$Зн + П + И = ПП + ПНЦ + Пот + Э + ФП + Зк$$

где $Зн$ и $Зк$ - запасы в сельском хозяйстве, перерабатывающей промышленности, оптовой и розничной торговле на начало и на конец отчетного периода,

$П$ - производство за период,

$И$ - импорт,

$ПП$ - производственное потребление в хозяйствах сельхозпроизводителей (на семена, корма и другие внутрихозяйственные нужды),

$ПНЦ$ - переработка на непищевые цели,

$Пот$ - потери,

$Э$ - экспорт,

$ФП$ - фонд личного потребления.

Балансы продовольственных ресурсов являются важнейшим первичным источником информации, позволяющим оценить уровень и структуру продовольственного обеспечения населения, источники формирования продовольственных ресурсов. Они отражают движение отдельных видов продукции от момента производства до момента ее конечного использования [7, 8].

Результаты исследования.

Учитывая стратегическое значение развития зернового хозяйства, его влияние на продовольственную безопасность страны, исследование формирования ресурсов и их использование является актуальным в условиях усиления факторов неопределенности.

За исследуемый период значительно изменилась структура формирования ресурсов зерна (рис. 1). С 1990 по 2000 годы наблюдается снижение собственного производства зерна в ресурсах. В эти годы за счет внутреннего производства формируется около 50,0 % ресурсов. В 1998 году доля собственного производства составляла 43,3 % от общего объема ресурсов зерна. С 2000 года доля собственного производства в ресурсах зерна увеличилась до 60-70%. Исключение составляет 2010 год, что связано с неблагоприятными природно-климатическими условиями.

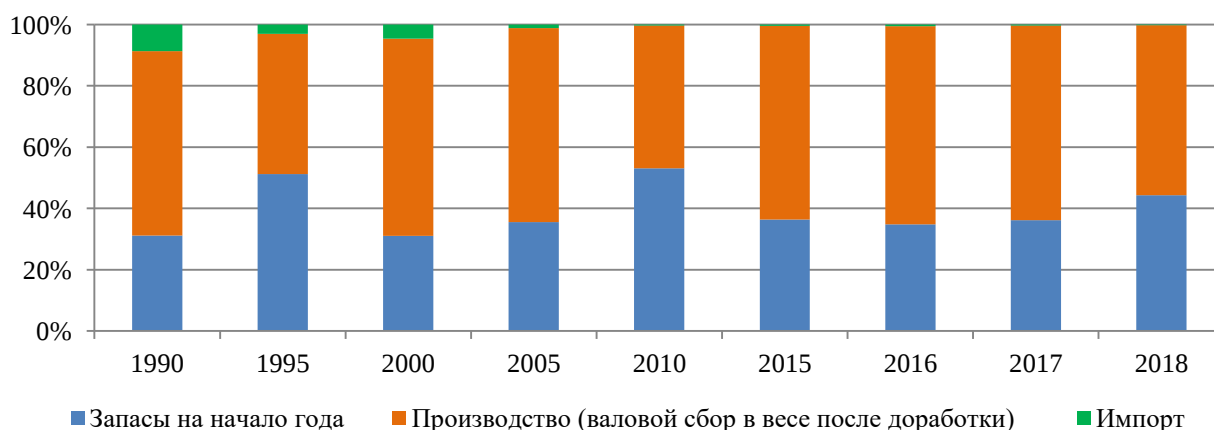

Рисунок 1 – Изменение структуры ресурсов зерна по Российской Федерации с 1990 по 2018 гг., в %

Отмечается снижение влияния импорта на формирование ресурсов зерна. Максимальная доля импорта в ресурсах зерна наблюдалась в 1992 году – 16,0 %. С 2007 года доля импорта в ресурсах зерна не превышает 1 % и варьирует в пределах 0,4-1,5 млн. тонн. Запасы зерна в международной практике рассматриваются в качестве стратегических резервов про-

довольствия. Доля запасов в ресурсах зерна РФ превышает 30,0 %. Максимальная доля запасов зерна наблюдалась в 2010 году (53,1 %), минимальная – в 1992 году (26,8 %).

Динамика формирования ресурсов зерна характеризуется значительными колебаниями по годам (рис. 2). Изменение объемов ресурсов зерна находится в тесной корреляции с внутренним производством. Преобладание экстенсивных технологий формирует высокую зависимость зернового хозяйства от погодных условий, что существенно усиливает влияние факторов неопределенности на функционирование рынка зерна. Падение производства ведет к снижению запасов на следующий год, при росте производства увеличиваются, соответственно, и запасы.

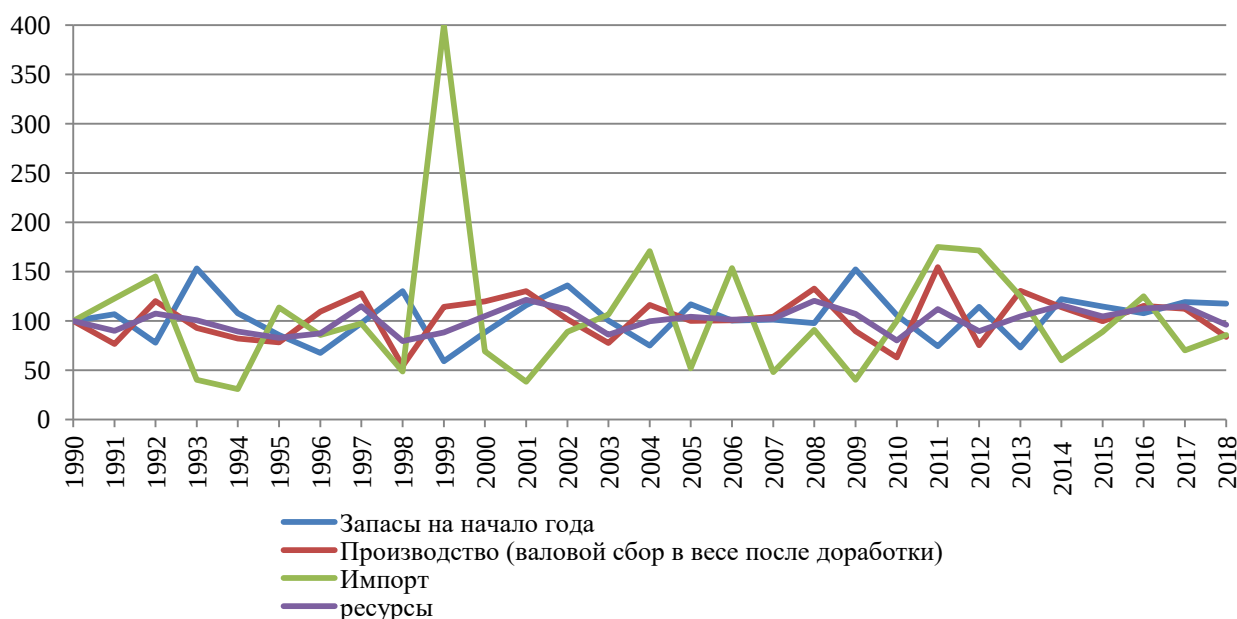

Рисунок 2 – Динамика источников поступления ресурсов зерна в РФ с 1990 по 2018 гг., в % к предыдущему году

Обратная зависимость наблюдается между собственным производством и импортом зерна. Максимальный рост импорта наблюдался в 1999 году после его падения в 1998 году. В последние годы наблюдается не только снижение доли импорта в ресурсах зерна, но и относительная стабилизация его объемов.

Анализ использования ресурсов зерна позволяет определить внутрихозяйственное потребление продукции, уровень обеспеченности населения продуктами питания, промышленности – сельскохозяйственным сырьем, животноводства – кормами, определить возможности накопления и экспорта продукции. «Необходимым условием устойчивого функционирования отечественного зернопродуктового подкомплекса, как сложной производственной и экономической системы, является обеспечение расширенного воспроизводства всех ее взаимосвязанных подразделений, выступающих в совокупности как единое целое. Свойство целостности является одним из основных характеристик этого продуктового подкомплекса как системы и означает, в конечном счете, неотъемлемость каждого из ее подразделений, функции которых, в свою очередь, служат общим целям формирования и динамичного развития всего подкомплекса» [2, с. 154].

С 2000 года наблюдается сокращение внутреннего потребления зерна по всем структурным составляющим (рис. 3). Производственное потребление ресурсов зерна, включающее потребление на семена и корм скоту и птице, сократилось с 21,9 % в 2000 году до 11,4 % в 2018 году. Это связано с сокращением отраслей животноводства в анализируемом периоде, переходом на другие виды кормов.

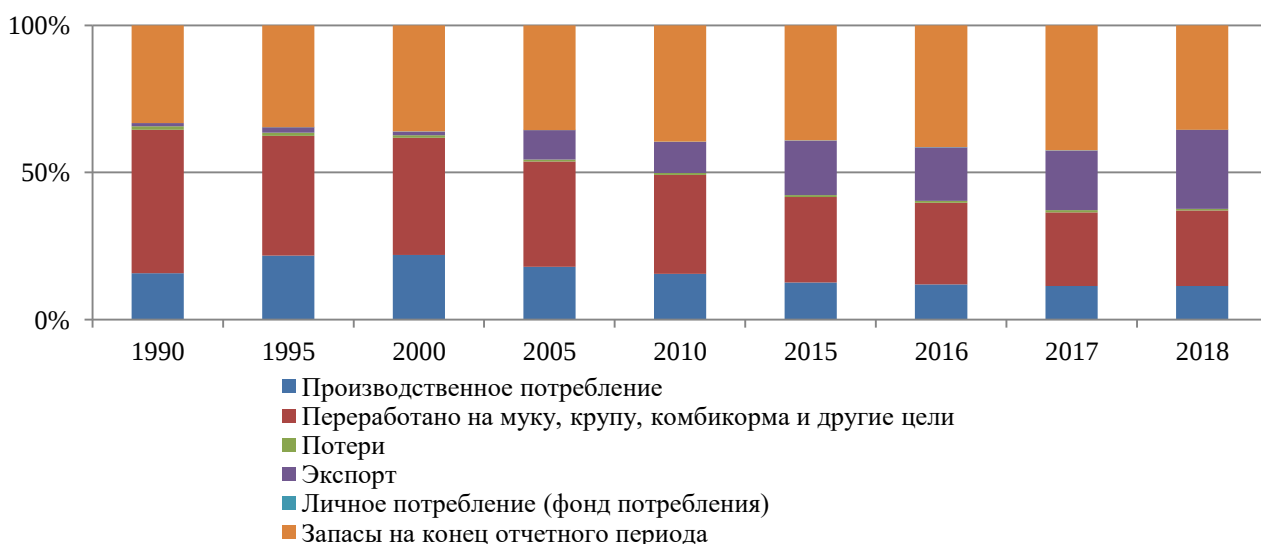

Рисунок 3 – Изменение структуры использования ресурсов зерна по Российской Федерации с 1990 по 2018 гг., в %

Доля переработки на муку, крупу, комбикорма и другие цели снизилась с 39,9 % в 2000 году до 25,7 % в 2018 году. Если в 1990 году на промышленную переработку поставлялось 48,8 млн. т зерна, то в 2018 году этот показатель составлял 25,7 млн. т. Основными проблемами, сдерживающими развитие переработки зерна являются низкое материально-техническое обеспечение перерабатывающих предприятий, нестабильность сырьевой базы, отсутствие эффективного организационно-экономического механизма регулирования рынка зерна и его переработки. За тот же период наблюдается рост экспорта. Его доля в использовании ресурсов зерна выросла с 1,3 % в 2000 году до 26,8 % - в 2018 году.

Положительной тенденцией является сокращение потерь зерна. В 1990 году их доля составляла 1,2 % от общего объема ресурсов, а в 2018 году снизилась до 0,6 %. В натуральных показателях потери сократились с 2,3 млн. т до 1,2 млн. т, соответственно.

Нестабильность формирования ресурсов отразилось на несбалансированности их использования (рис. 4). В развитии внутреннего потребления зерна можно выделить три этапа: с 1990 по 2000 гг. – значительное падение, с 2001 по 2010 гг. – стабилизация, с 2011 по настоящее время – незначительный рост.

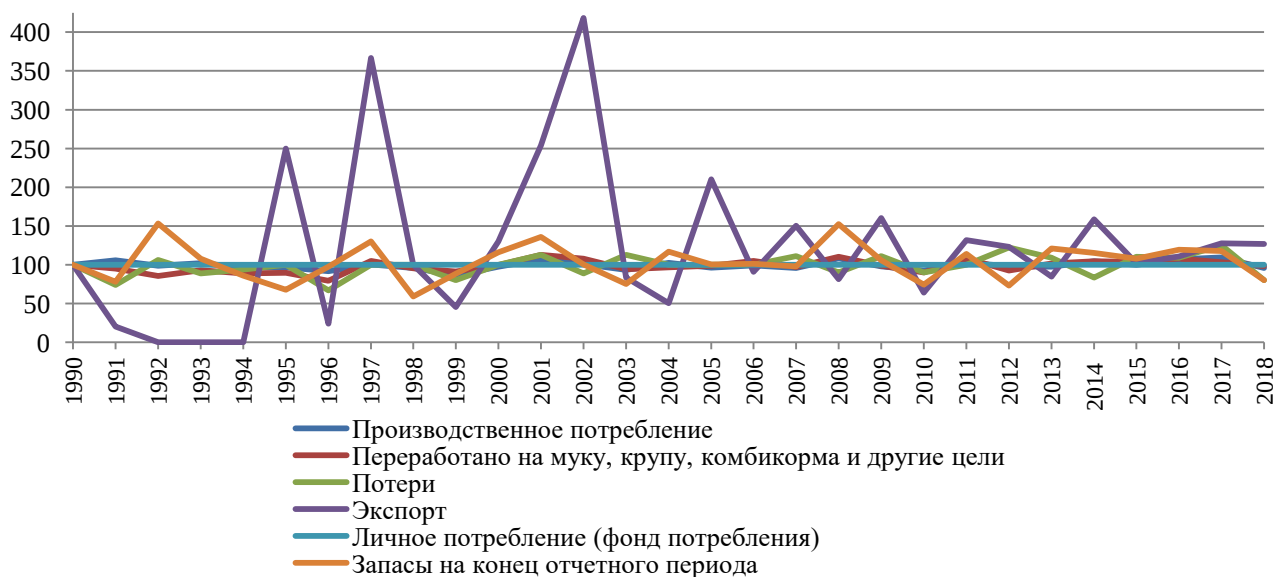

Рисунок 4 – Динамика использования ресурсов зерна в РФ с 1990 по 2018 гг., в % к предыдущему году

Уровни запасов зерновой продукции за исследуемый период характеризуются высокими значениями.

В развитии экспорта зерна прослеживаются существенные колебания. В 1992–1993 годах экспорт не осуществлялся ввиду низкого валового сбора зерновых культур. Максимальный рост экспорта отмечается в 1995 г. – 250,0 %, в 1997 г. – 366,7 %, в 2001 г. – 253,9 %, в 2002 г. – 418,2 %, в 2005 г. – 210,3 %.

Исследование балансов зерна позволило сделать вывод о нестабильности функционирования зернопродуктовой цепочки России, а анализ формирования ресурсов зерна и их использования выявил противоречивые тенденции, складывающиеся в зерновом хозяйстве. Устойчивое и эффективное функционирование зернового хозяйства и связанных с ним отраслей предполагает структурную модернизацию зернопродуктовой цепочки на основе долгосрочных конкурентных преимуществ и усиление стратегической направленности механизмов государственной поддержки.

Заключение.

Трансформация условий функционирования агропродовольственного комплекса предполагает смену парадигмы стратегии развития зернового хозяйства. «Под развитием зернового хозяйства понимаем его качественное изменение, направленное на повышение экономической эффективности и конкурентоспособности отрасли, ее экологичности, уровня и качества жизни населения России» [9]. Перспективным трендом развития зернового хозяйства является формирование межрегиональных продуктовых цепочек создания стоимости. Формирование продуктовых цепочек тесно связано с особенностями функционирования агропродовольственного комплекса. Агропродовольственный комплекс характеризуется имобильностью и детерминирован природой. Для него характерно развитие аддитивных цепочек стоимости, где происходит процесс последовательного добавления стоимости к каждой стадии цепочки, существенная величина стоимости конечного продукта приходится на производство [10]. В процессе преобразования зернового хозяйства требуется формирование его новой межотраслевой структуры, прежде всего, постсельскохозяйственных звеньев. По оценке специалистов, при стабильном получении валового сбора зерна на уровне 130 млн. тонн в год в России необходимо иметь элеваторные мощности на 155-170 млн. тонн. Потенциал глубокой переработки зерна может составить 7 млн. тонн и более, когда как в настоящее время она составляет лишь порядка 300 тыс. тонн [11].

Основным конкурентным преимуществом России на рынке зерна и зернопродуктов является наличие достаточных ресурсов возобновляемого сырья. Внедрение инновационных технологий на постсельскохозяйственных стадиях зерновой продуктовой цепочки, расширение глубокой переработки зерна ведет к фрагментации цепочки (возможности параллельного осуществления производственных процессов) и более широкому географическому ее рассредоточению. Глубокая переработка зерна – процесс разделения компонентов перерабатываемого сырья на отдельные составляющие и эффективного их использования в продуктах высокой потребительской стоимости. Глубокая переработка зерновых позволяет производить большой ассортимент продукции, которая используется в различных отраслях. Сфера применения производных и биопродуктов из зерна включает как отрасли пищевой промышленности, так и нефтехимической промышленности. Формирование зерновой продуктовой цепочки, ориентированной на инновационные технологии, позволит более полно использовать конкурентные преимущества регионов, включая не только благоприятные природно-климатические условия, но и научно-производственный потенциал, человеческий капитал, развитую инфраструктуру.

Список литературы:

1. Яковенко Н.А., Иваненко И.С., Воронов А.С. Диверсификация агропродовольственного экспорта России // Международный сельскохозяйственный журнал. - 2019. - № 5 (371). - С. 69-73. DOI: 10.24411/2587-6740-2019-15089

2. Алтухов А.И., Нечаев В.И. Экономические проблемы инновационного развития зернопродуктового подкомплекса России. - М.: Издательство Насирддинова В.В., 2015 – 477 с.
3. Алтухов А.И. Основные тенденции в развитии зернового хозяйства и рынка зерна в России // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. – 2014. - № 6 - с. 2-7.
4. Громова И.В. Развитие зернового хозяйства в российской федерации и ее регионах // Вестник НГИЭИ – 2011 - № 4 (5). – Т. 1. - с. 54-60
5. Карпенко Г.Г., Антонцев А.А. Основные тенденции развития производства и рынка зерновых культур в России и мировом пространстве // Государственное управление. Электронный вестник. - Выпуск № 69. – с. 56-79.
6. Методические указания по составлению годовых балансов продовольственных ресурсов, утвержденные постановлением Росстата от 25 декабря 2006 года № 82 (с изменениями на 21 октября 2013 года). – URL: <http://docs.cntd.ru/document/902024138>
7. Заикин В. П., Рябова И. В. Исследование баланса ресурсов и использования зерна // Вестник НГИЭИ. - 2017. - № 9 (76). - С. 88–102.
8. Улезько А.В., Тютюников А.А., Бабин Д.И. Концептуальные и методические подходы к разработке прогнозных балансов продовольственных ресурсов // Научный журнал КубГАУ. – 2014. - №96 (02). – с. 1-16.
9. Бундина О.И. Развитие зернового хозяйства России: проблемы и решения // Инновационно-технологическое развитие пищевой промышленности – тенденции, стратегии, вызовы: 21-ая Международная научно-практическая конференция, посвященная памяти Василия Матвеевича Горбатова, 6 декабря 2018 г. – М.: ФГБНУ «ФНЦ пищевых систем им. В.М. Горбатова» РАН, 2018. – С.40-43.
10. Кондратьев В.Б. Глобальные цепочки стоимости в отраслях экономики: общее и особенное / Мировая экономика и международные отношения. – 2019. - том 63, № 1. - С. 49-58.
11. Берегатнова Е. В. Рынок продукции глубокой переработки зерна в РФ: состояние, перспективы // Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, 2016. – 32 с.

УПРАВЛЕНИЕ СПРОСОМ НА ПРОДОВОЛЬСТВИЕ В КОНТЕКСТЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Решетникова Е.Г., д.э.н., ИАГП РАН

В статье дан критический анализ гипотез взаимосвязи институтов и экономического развития. Систематизированы формальные и неформальные институты, определяющие динамику потребительского выбора в сфере продовольствия. Обоснованы направления совершенствования института индексации заработной платы, влияющего на повышение реальных доходов населения и формирование платежеспособного спроса на продовольственные товары.

Ключевые слова: институты, платежеспособный спрос на продовольствие, реальные располагаемые доходы населения, индексация доходов, доля затрат на продукты питания.

FOOD DEMAND MANAGEMENT IN THE CONTEXT OF INSTITUTIONAL CONCEPT OF ECONOMIC DEVELOPMENT

Reshetnikova E.G., doctor of economic sciences, IAgP RAS

The article provides a critical analysis of the hypotheses of the relationship between institutions and economic development. The formal and informal institutions that determine the dynamics of consumer choice in food are systematized. The directions of improving the institution of wage indexation, which affects the increase in real disposable household income and the formation of effective demand for food products, are substantiated.

Key words: institutions, solvent demand for food, real disposable household income, indexation of incomes, share of expenditures on food products.

Введение.

Эволюция взглядов экономической теории на условия экономического роста включала в себя несколько этапов. Неоклассическая теория, рассматривая экономику как макроэкономическую производственную функцию, связывала экономический рост с состоянием производственных и трудовых ресурсов [1]. Однако, как показали последующие исследования, факторы производства не могут в полной мере объяснить и обеспечить прогноз темпов экономического роста различных хозяйственных систем. Дальнейшее развитие экономической мысли способствовало созданию современной теории экономического роста в рамках неоклассической теории, которая учитывала помимо традиционных факторов, определяющих экономическое развитие, такие факторы как человеческий капитал и технический прогресс. Однако данная теория не отражала те ключевые моменты, которые определяют условия вложения инвестиций в человеческий и производственный капитал. Эти пробелы неоклассической теории устранила новая институциональная экономическая теория, которая трактует институты как «правила игры», определяющие поведение экономических агентов. В современной экономической теории представителями разных школ и направлений не оспаривается важная роль экономических и политических институтов в процессе экономического развития и устойчивого функционирования хозяйственных систем. Дискуссионными являются следующие аспекты: эффективные институты следует рассматривать как фактор, обеспечивающий процесс развития, или как его результат, а также какие факторы, кроме институциональных, оказывают основополагающее влияние на экономический рост. Управление спросом на продовольствие в рамках институциональной концепции экономического развития предполагает определение вектора трансформации института индексации доходов, института регулирования дифференциации заработной платы, института налогообложения, неформальных институтов формирования потребительского выбора на основные продукты питания в краткосрочной и долгосрочной перспективе, направленное на устойчивое функциони-

рование национального агропродовольственного комплекса и обеспечение социальной стабильности в обществе.

Цель исследования – обоснование направлений совершенствования институциональных аспектов управления платежеспособным спросом на продовольствие в контексте институциональной концепции экономического развития.

Методика исследования.

Проведенные исследования опирались на такие общенаучные методы познания, как системный анализ, метод сравнения, абстрактно-логический и монографический методы, использование которых дало возможность показать научную обоснованность институциональной гипотезы экономического развития, определить систему институтов, определяющих положительную динамику платежеспособного спроса на продукты питания как условие устойчивого развития агропродовольственного комплекса.

Результаты исследования.

В соответствии с подходом Д. Норта современная институциональная теория понимает под институтами механизмы принуждения, направленные на соблюдение определенных правил; формальные нормы, к которым относят законы и другие нормативно-правовые акты; а также неформальные нормы (традиции, обычаи, социальные условности, сложившиеся стереотипы). Так, представитель институционализма Т. Веблен считал необходимым для изучения применять социально-психологические механизмы, определяющие поведение агентов, в основе которых лежат мотивы демонстрационного поведения, инстинкта подражания, законы социального статуса. Согласно Д. Норта генератором развития экономики и институциональных изменений долгосрочного характера выступают пропорции цен и потребительские предпочтения. Ученый отмечал, что «ключом к повышению эффективности является некая комбинация формальных правил и неформальных ограничений» [2]. В монографии Д. Асемоглу и Дж. Робинсон «Why Nations Fail» («Почему страны терпят неудачи»), вышедшей в 2012 г., отмечается, что институты по своей природе могут быть инклюзивными и экстрактивными [3]. Инклюзивные экономические институты направлены на создание необходимых условий для внедрения инноваций, развития предпринимательства, расширения инвестиций. К инклюзивным институтам относят свободную конкуренцию, защиту прав собственности, обеспечение доступа к рынкам всем рыночным агентам и т.д. Экстрактивные институты по своей природе тормозят экономическое развитие, поскольку подавляют предпринимательскую инициативу, ведут к усилению дифференциации доходов и имущественному расслоению, препятствуют замене устаревших технологий, в конечном результате ведут к экономическому упадку.

В экономической науке сложились несколько теорий, исследующих влияние различных факторов на экономический рост: институциональная, географическая, культурная гипотезы, гипотеза развития. Для институциональной гипотезы характерна трактовка эффективных институтов в качестве обязательного условия и отправной точки экономического роста [4]. Согласно данной гипотезе более прогрессивные институты формируются как результат естественного отбора, приходя на смену изменяющимся потребностям экономического развития, следуя за необходимостью организационных изменений, направленных на обеспечение большей прибыли [5]. Для подтверждения институциональной гипотезы необходимо использование сопоставимых параметров, характеризующих влияние изменения институциональной среды на процесс экономического развития. Современная экономическая наука не выработала на сегодняшний день единого подхода к количественным и качественным характеристикам институциональной среды, однако различные международные организации предлагают собственные методики и индикаторы оценок такого рода [6]. В этом перечне следует выделить индексы эффективности государственного управления (индексы Worldwide Governance Indicators), индекс свободы деловой активности, являющийся разработкой американского института Heritage Foundation; индекс гражданского общества (Civil Society Index), индекс восприятия коррупции (Transparency International's Corruption Perceptions Index) и ряд других. Среди перечисленных показателей наибольшее распространение в мире получили

индексы Worldwide Governance Indicators, представляющие собой проект Всемирного банка, осуществляемый с 1991 г., которые рассчитываются для более двухсот стран [7]. По мнению специалистов, использование именно этой методики наиболее эффективно для характеристики институциональной среды, поскольку лежащие в ее основе индексы предназначены для оценки качества институтов государственного управления. Эти институты составляют важнейший элемент институциональной среды и оказывают непосредственное воздействие на ее формирование и развитие. Следует отметить, что данная методика применяется и в нашей стране, в ее состав входит шесть комплексных параметров, характеризующих функционирование институтов государственного управления. Первый показатель методики Voice and Accountability представляет собой индекс гражданских прав и подотчетности государственных органов, который объединяет параметры, оценивающие те или иные аспекты политических прав и гражданских свобод (степень независимости прессы, свободы слова и различных объединений, степень участия членов общества в выборе органов власти всех уровней). По данному индексу в 2000–2015 гг. лидерами были Швеция, Швейцария и Финляндия, в 2015 г. в этих странах имел место следующий уровень рассматриваемого индекса соответственно: 1,6; 1,58; 1,56. Второй индикатор рассматриваемой методики связан с измерением политической стабильности в государстве (Political Stability and Absence of Violence) и включает показатели, дающие возможность оценить стабильность политического курса и устойчивость государственных институтов. Максимальные значения данного индекса были характерны для Швейцарии и Канады – соответственно 1,31 и 1,24. Показатель (Government Effectiveness) позволяет оценить эффективность государственных органов управления и аккумулирует в себе параметры, характеризующие качество разрабатываемых документов внутренней политики и степень их реализации, а также уровень доверия населения к действиям, осуществляемым управленческими структурами, их уровень компетенции и качество принимаемых решений. Максимальные значения индекса отмечались в Дании и Финляндии – соответственно 1,85 и 1,82. Индекс (Regulatory Quality) направлен на оценку качества государственного регулирования и законодательства, он объединяет параметры, характеризующие государственную поддержку предпринимательства. Наивысшего уровня он достиг в Великобритании и Финляндии (1,86 и 1,83). Пятый индекс (Rule of Law) призван отражать верховенство закона в субъективном восприятии членов общества. Он объединяет параметры, отражающие степень уверенности граждан, предпринимателей, представителей всех сфер бизнеса и бюджетной сферы в соблюдении установленных законодательных норм; оценку эффективности работы судов и полиции и др. Максимальные значения индекса отмечались в Швейцарии (1,97), Канаде (1,84) и Австралии (1,82). Шестой индикатор (Control of Corruption) отражает уровень антикоррупционного контроля и включает параметры, характеризующие различные аспекты, которые имеют отношение к связи явления коррупции с функционированием государственных и политических институтов, с отношением к коррупции в обществе, оценкой степени использования государственной власти на разных уровнях в целях личного обогащения. Наивысшие уровни рассматриваемого индекса были характерны для Австралии (1,91), Великобритании (1,87) и Канады (1,85). Формирование статистической информации для системы индексов Worldwide Governance Indicators происходит на основе более тридцати источников, подготавливаемых на систематической основе международными институтами, в которых отражено мнение экспертов в различных сферах государственного управления и регулирования, представителей всех слоев общества и бизнеса об уровне эффективности важнейших аспектов сложившейся институциональной среды. Однако регрессионные оценки влияния институтов на экономический рост зачастую подвергаются критике из-за так называемой проблемы эндогенности, заключающейся в том, что рассматриваемые регрессоры и ошибка регрессии могут коррелировать друг с другом, что не дает возможность трактовать их как внешние экзогенные факторы. Кроме того, в предлагаемых моделях сложно отразить все многообразие факторов, детерминирующих экономический рост. В связи с этим чрезвычайно интересной является идея использования естественных экспериментов при исследовании влияния институтов на экономическое развитие [4]. В современной экономической нау-

ке всё более популярным становится новое направление методологии – метод полевых экспериментов. Так, в 2019 г. Нобелевская премия по экономике была присуждена М. Кремеру, Э. Дюфло и А. Банеджи за экспериментальный подход к снижению глобального уровня бедности. Проводимые ими эксперименты в сфере образования Индии и Кении показали, что обеспечение школ учебниками и бесплатное питание не оказывают значимого влияния на успеваемость, в то время как улучшение качества преподавания и подбор индивидуального подхода при обучении каждого ученика способствует повышению уровня образования. Признавая перспективность данной методологии нельзя не отметить сложность проведения подобного рода экспериментов на уровне важнейших макроэкономических показателей. В связи с этим единственным вариантом в случае анализа макроэкономических параметров является исследование ретроспективных данных в странах с общими культурными, природными факторами, но отличающимися институциональными факторами в силу их различного политического развития. В данном случае можно говорить о естественных экспериментах. Следует согласиться, что использование таких исторических сравнений содержит интересный материал о влиянии институциональных преобразований на экономическое развитие.

Рассмотрим и другие гипотезы, изучающих доминирующее влияние определенных факторов на экономический рост, а именно географическую и культурную гипотезы, а также гипотезу развития. Географическая гипотеза считает определяющими факторами состояния экономики любого государства климатические особенности его территории, протяженность собственной береговой линии, наличие выхода к морям. Данная гипотеза утверждает, что особенности климата и местоположения страны определяют уровень издержек производства, возможности международной торговли, темпы развития социальной сферы. Следует согласиться с подходом институциональной гипотезы, которая, не умаляя значения географического расположения государства и соответствующей ему природно-климатической зоны отмечает, что их влияние на экономическое развитие опосредуется институтами. В качестве примера можно привести такие разные в экономическом отношении страны, находящиеся в одинаковом жарком климате, как Оман, Кувейт, Катар, Бразилия, Нигерия и Чад.

Культурная гипотеза основным фактором, влияющим на развитие, считает преобладание в обществе определенных норм и ценностей (например, протестантской этики или этики конфуцианства). Слабой стороной данной гипотезы является сложность объяснения различий в экономическом развитии стран близких в культурном отношении, например, Северная и Южная Корея. Гипотеза развития возникла как противопоставление институциональной гипотезы экономического роста, сущность причинно-следственной связи, лежащей в ее основе, заключаются в том, что рост экономики объективно ведет к появлению сильных эффективных институтов, в процессе экономического роста происходит их совершенствование и необходимая модернизация [8]. По мнению ученых, придерживающихся данного подхода, в более развитых в экономическом отношении странах, как правило, в большей степени развиты прогрессивные демократические институты. В условиях устойчивого экономического развития происходят процессы урбанизации и возникает настоятельная потребность в образовании, квалифицированных кадрах, в инвестициях в наращивание человеческого капитала, что приводит к формированию более эффективных институтов.

В современных условиях долговременные тенденции экономических изменений объясняет и дает возможность прогнозировать ветвь новой институциональной экономической теории – институциональная макроэкономика. По мнению аналитиков, несмотря на огромный потенциал неинституциональной школы, она не может в настоящее время предложить решение ряда назревших социальных проблем, в частности, увеличения дифференциации доходов населения, являющейся опасной с точки зрения социальной напряженности и снижения массового спроса. Для решения данной проблемы недостаточно изменение существующих и введение новых институтов, необходимо изменение экономической политики, предполагающей управляемые институциональные трансформации [9].

Управление внутренним спросом на продовольствие направлено на решение задач экономической устойчивости и социальной стабильности. Важнейшей частью внутреннего

спроса на продовольствие является платежеспособный спрос населения. Для повышения эффективности регулирования спроса как одной из форм управления важно совершенствование институциональных аспектов в данной сфере. Несмотря на огромную популярность постулатов поведенческой экономики и важности учета психологических моментов, при формировании потребительского спроса в настоящий момент в России определяющее значение имеет фактор реальных располагаемых доходов, которые в последние годы демонстрировали негативную динамику. Реальные располагаемые доходы населения России во втором квартале 2019 г. сократились на 0,2% по сравнению со вторым кварталом 2018 г., в первом полугодии 2019 г. снижение составило 1,3% по сравнению с соответствующим периодом предыдущего года [10].

Тенденциями сферы потребления продовольствия последнего времени является отставание среднедушевого потребления ряда основных продуктов от рекомендуемого норматива. В 2014 г. уровень рациональной нормы не был достигнут по потреблению в среднем по всем домохозяйствам России таких продуктов, как молоко, яйца, овощи и фрукты [11]. Данный тренд сохранился и в 2018 г.: среднедушевое потребление молочных продуктов составило 81,7% от рациональной нормы, яиц – 88,8%, овощей – 74,4%, фруктов – 73,7%. То что, для России в современной экономической ситуации основное значение при формировании спроса на основные продукты питания имеет фактор денежных доходов, косвенно подтверждает показатель доли затрат на продукты питания в структуре потребительских расходов. В 2018 г. доля расходов российских домохозяйств на продукты питания в потребительских расходах составила 30,2%, что значительно выше, чем в странах с развитой рыночной экономикой [12]. Международные сравнения свидетельствуют о том, что данный показатель тесно связан с условиями жизни в той или иной стране. Экспертами агентства РИА Рейтинг выявлена значительная дифференциация доли расходов на продукты питания в структуре семейных бюджетов европейских государств. Наименьшая величина данного параметра характерна для населения Люксембурга, которое в среднем направляет на приобретение продовольствия 8,7% своих потребительских расходов. Следующую позицию занимает Великобритания с долей затрат на покупку продовольствия на уровне 10,0% расходов, третье место принадлежит Нидерландам с 10,6%. Относительно небольшие показатели доли расходов на питание в потребительских расходах (менее 12%), свидетельствующее о высоком уровне жизни, характерны для Ирландии, Швейцарии, Норвегии, Австрии. Максимальные величины рассматриваемого показателя отмечались в странах Восточной Европы [13]. По данным ООН, в 2016 г. в пяти странах доля расходов на питание в доходах в среднем по всем категориям населения была ниже 10%. В эту группу входили США (6,69%), Великобритания (8,55%), Швейцария (8,85%), Канада (9,07%), Австралия (9,99%). Для стран Западной Европы были характерны значения рассматриваемого параметра от 11 до 16%, например, в Норвегии – 11,69%; во Франции – 13,48; Испании – 13,67; Италии – 14,64; Исландии – 15,13%. Для стран Восточной Европы был характерен интервал от 16 до 21 % для изменения данного параметра: в Чехии – 16,4%; в Польше – 18,0; в Хорватии – 20,46%. В России данный показатель составил 28,32 %, рядом с нашей страной по величине рассматриваемого показателя находились Ирак (27,6%), Таиланд (28,26%), Иран (30,05%), Индия (30,71%) и Монголия (31,02%) [14].

Следует отметить, что показатель доли расходов на питание в потребительских расходах хорошо иллюстрирует наличие региональной дифференциации уровня жизни в России: величина данного параметра колеблется от 26,1% в Ханты – Мансийском автономном округе до 60,1 % в Республике Ингушетия. На структуру питания в регионах основное воздействие оказывают факторы доходов и цен, однако определенное влияние имеют и неформальные институты – исторические традиции и национальные особенности. Например, Республика Калмыкия, занимая 75-е место среди субъектов Российской Федерации по величине валового регионального продукта в расчете на душу населения, по среднедушевому потреблению хлеба занимает 25-е место, по среднедушевому потреблению молочных продуктов – 41-е, по среднедушевому потреблению растительного масла – 52-е, по среднедушевому потреблению яиц – 61-е, по среднедушевому потреблению сахара – 81-е. В силу национальных особенно-

стей потребления мяса занимает первое место в РФ по среднедушевому потреблению данного продукта (115 кг в год на потребителя) [12].

При условии насыщения рынка продовольственными товарами и высоком уровне удовлетворения платежеспособных потребностей на формирование спроса начинает оказывать существенное влияние такой фактор как качество продуктов питания [15]. В нашей стране это относится в большей степени к доходной группе с максимальными доходами, у которой доля затрат на питание в потребительских расходах приближается к европейскому уровню (17,3%). По существующим оценкам в настоящее время 70% населения страны вынуждены экономить на покупках, более 50% покупателей предпочитают покупать товары по акциям, а среди товаров повседневного спроса доля товаров со скидкой приближается к 70% [16].

Для регулирования спроса населения на продовольствие важно совершенствование института индексации доходов, института регулирования дифференциации заработной платы, а также целесообразно повышение черты бедности, увеличение объема и расширение структуры прожиточного минимума. Актуальна модернизация института налогообложения в направлении введения прогрессивной шкалы с необлагаемым минимумом, расширения и увеличения налоговых вычетов при осуществлении расходов на социальные цели, снижение налогов на физических лиц. Положительным явлением после общего повышения налога на добавленную стоимость с 18 до 20% с 1 января 2019 г. является решение об уменьшении НДС с 1 октября 2019 г. на фрукты и ягоды до 10%, что должно способствовать снижению цен на плодово-ягодную продукцию отечественного производства [17]. Данная мера является крайне важной, поскольку среднедушевое потребление фруктов в нашей стране на протяжении длительного времени отстает от рациональной нормы. К таким же проблемным продуктам относятся молочные продукты, овощи, яйца. Целесообразно поэтапное использование в отношении них такого инструмента как снижение налога на добавленную стоимость.

Мощным экономическим рычагом, направленным на обеспечение положительной динамики реальных располагаемых доходов населения и увеличения платежеспособного спроса на продовольствие, является механизм индексации заработной платы. В мире накоплен богатый опыт в сфере индексации оплаты труда, однако единых рецептов, приемлемых для всех стран, в настоящее время не существует. Анализ мирового опыта свидетельствует о необходимости совершенствования институциональной составляющей механизма индексации заработной платы в направлении большей прозрачности этого процесса, особенно в сфере коммерческих организаций. Обеспечение повышения уровня реального содержания заработной платы предполагает осуществление индексации заработной платы в связи с ростом потребительских цен на товары и услуги. В настоящее время основным нормативно-правовым документом регулирования отношений в сфере индексации доходов является Трудовой кодекс РФ, в котором в ст. 134 отмечено, что «государственные органы, органы местного самоуправления, государственные и муниципальные учреждения производят индексацию заработной платы в порядке, установленном трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права, другие работодатели – в порядке, установленном коллективным договором, соглашениями, локальными нормативными актами» [18]. Особенность осуществления индексации оплаты труда в нашей стране как институциональной конструкции состоит в том, что сама норма установлена на федеральном уровне, а механизм ее выполнения должен быть сформирован на уровне предприятия. Выполнение этой нормы контролируется коллективным договором между работодателями и профсоюзом.

Вряд ли можно согласиться с мнением, содержащимся в научной литературе, о возможности неоднозначной трактовки работодателями ст. 134 ТК РФ, но вместе с тем следует поддержать мысль о том, что при существующем подходе работодатель имеет массу возможностей ее формального выполнения [19]. На наш взгляд, как следует из ст. 134 Трудового кодекса работодатель обязательно должен разработать и закрепить в коллективном договоре, соглашении, локальном нормативном акте механизм индексации на предприятии. В ином случае работодатель может быть привлечен к административной ответственности в со-

ответствии со ст. 5.27 Кодекса РФ об административных правонарушениях, где сказано, что «нарушение трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, влечет предупреждение или наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от одной тысячи до пяти тысяч рублей; на лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, – от одной тысячи до пяти тысяч рублей; на юридических лиц – от тридцати тысяч до пятидесяти тысяч рублей» [20]. Складывается достаточно сложная ситуация, при которой механизм индексации оплаты труда прописывается с участием работодателя, у которого не может быть реальной заинтересованности в ее справедливом выполнении. И если полное игнорирование выполнения работодателем ст. 134 ТК РФ может повлечь для него определенные финансовые потери, то применение других стратегий может обеспечить предотвращение убытков от проведения индексации. Например, если в коллективном договоре отмечено, что процесс индексации может быть осуществлен при наличии финансовых возможностей у предприятия. При наличии в коллективном договоре четкого механизма индексации оплаты труда данная норма, как правило, выполняется. Однако точное отражение в коллективном договоре алгоритма индексации, выражающего интересы работников предприятия, является существенной проблемой и зависит от целого ряда факторов: длительность трудового контракта, авторитет профсоюзной организации, состояние рынка труда, конкуренция на рынке труда, возможность трудоустройства на другом предприятии, рентабельность предприятия, уровень социальной ответственности бизнеса и др. При отсутствии в коллективном договоре четкой формулировки механизма индексации работодатель может уменьшать премиальный фонд, менять форму и систему оплаты труда, в результате индексация будет носить формальный характер, не улучшая реального финансового положения работника. Таким образом, основополагающие принципы проведения индексации целесообразно закреплять законодательно на федеральном уровне.

Заключение.

Основополагающее значение институтов в процессе экономического развития выражает институциональная гипотеза, для подтверждения которой экономическая теория использует широкий спектр индикаторов анализа институциональной среды, а также метод естественных экспериментов. Управление спросом на продовольствие в рамках институциональной концепции экономического развития, направленное на устойчивое функционирование национального агропродовольственного комплекса и обеспечение социальной стабильности, предполагает систематизацию формальных и неформальных институтов формирования потребительского выбора на продукты питания в краткосрочной и долгосрочной перспективе. Для повышения эффективности управления спросом на продовольствие важно совершенствование институтов индексации доходов, регулирования дифференциации заработной платы, налогообложения, а также повышение черты бедности, увеличение объема и расширение структуры прожиточного минимума. Мощным инструментом достижения положительной динамики реальных располагаемых доходов населения и увеличения платежеспособного спроса на продовольствие является механизм индексации оплаты труда. Необходимо поэтапное совершенствование институциональной составляющей индексации заработной платы в направлении утверждения ее ключевых принципов в трудовом законодательстве на федеральном уровне.

Список литературы:

1. Solow R. A Contribution to the Theory of Economic Growth // Quarterly Journal of Economics. – 1956. – Vol. 70 (1). – P. 65–94.
2. North D.C. Understanding the Process of Economic Change. – Princeton University Press, 2005. – 187 p.
3. Acemoglu D., Robinson J. Why Nations Fail. The Origins of Power, Prosperity and Poverty. – New York: Crown Business, 2012.

4. Натхов Т.В., Полищук Л.И. Политэкономика институтов и развития: как важно быть инклюзивным // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2017. – № 2(34). – С. 12– 38.
5. Eggertson T. Economic Behavior and Institutions. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – 385 p.
6. Вихарев В.В. Использование методики WGI Всемирного банка в оценке изменений институциональной среды России: возможности и ограничения // Финансовая аналитика: проблемы и решения. – 2016. – № 46. – С. 32–44.
7. Всемирный банк. Проект Worldwide Governance Indicators. – URL: <https://datacatalog.worldbank.org/dataset/worldwide-governance-indicators>.
8. Glaester E., Porta R.la, Lorez-de-Silanes E., Shleifer A. Institutions Cause Growth? // Journal of Economic Growth. – 2004. – Vol. 9(3). – P. 271–303.
9. Попов Е.В., Сухарев О.С. Институциональные факторы экономических изменений теории Дугласа Норта // Журнал экономической теории. – 2016. – № 3. – С. 117–132.
10. Уровень жизни населения в I полугодии 2019 года. – URL: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/.
11. Решетникова Е.Г. Информационные аспекты обеспечения продовольственной безопасности России // Информационная безопасность регионов. – 2014. – № 3 (16). – С. 45–50.
12. Уровень жизни домашних хозяйств. – URL: https://www.gks.ru/bgd/regl/b18_14p/Main.htm.
13. Рейтинг стран Европы по доле расходов семей на продукты питания – 2018. – URL: <https://riarating.ru/countries/20181218/630114363.html>.
14. Доля расходов на питание (еду) в странах мира. – URL: <https://deepcool-ma.com/dolya-rasxodov-na-pitanie-edu-v-stranax-mira/.html/>.
15. Продовольственная безопасность России: вызовы, риски, угрозы / А.А. Анфиногенова [и др.] – Саратов, 2011. – 270 с.
16. Исследование Nielsen: новые тренды покупательского поведения и розничной торговли. – URL: <https://marketing.by/novosti-rynka/issledovanie-nielsen-novye-trendy-rokupertelskogo-povedeniya-i-rozничnoy-torgovli/>
17. Изменяется НДС для некоторых продуктов // Московский комсомолец. – 2019. – 30 сентября.
18. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 16.12.2019). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/
19. Орехова С.В. Оценка институциональной эффективности индексации оплаты труда // Вестник СПбГУ. – Сер. 5. – 2016. – Вып. 3. – С. 130–154.
20. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 18.02.2020). – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=LAW&dst=&n=34661&req=doc#05263267032124166>.

ТЕНДЕНЦИИ И ПРИОРИТЕТЫ СТРУКТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА РОССИИ

Кирсанов В.В., к.э.н., ИАГП РАН

Проанализированы тенденции структурных изменений в агропродовольственном комплексе России. Исследуются факторы, обуславливающие дифференциацию уровней развития и влияющие на сбалансированность экономического развития отраслей комплекса. На основе исследования конкурентных преимуществ агропродовольственного комплекса выделены основные факторы, влияющие на конкурентные позиции страны на мировых рынках, сформулированы направления структурной модернизации, обеспечивающие рост доходности у производителей и гарантирующие продовольственную безопасность.

Ключевые слова: агропродовольственный комплекс, сбалансированное развитие, структурные изменения, экспорт высоких переделов

TRENDS AND PRIORITIES OF STRUCTURAL CHANGES IN THE AGRI-FOOD COMPLEX OF RUSSIA

Kirsanov V.V., candidate of economic sciences, IAgP RAS

The tendencies of structural changes in the agri-food complex of Russia are analyzed. The factors that determine the differentiation of development levels and affect the balance of the economic development of the complex industries are studied. Based on the study of the competitive advantages of the agri-food complex, the main factors that influence the country's competitive position in world markets are identified, the directions of structural modernization are formulated. These directions ensure the growth of profitability among producers and guarantee food security.

Keywords: agri-food complex, balanced development, structural changes, export of high processing

Введение.

Устойчивое сбалансированное развитие агропродовольственного комплекса является важной предпосылкой гарантированного обеспечения качественными и доступными продуктами питания за счет отечественного производства и конкурентного присутствия отечественных производителей на мировых рынках. Современное состояние агропродовольственного комплекса России характеризуется активно идущими процессами структурной перестройки, устранением диспропорций между важнейшими структурными элементами, что позволяет полнее использовать имеющийся потенциал роста. Важными задачами, решаемыми в ходе структурной перестройки, являются повышение уровня внутрикомплексной сбалансированности используемых факторов производства и формирование целостных цепочек добавленной стоимости, укрепление вертикальных межотраслевых связей и сокращение транзакционных издержек. Возможности роста конкурентоспособности агропродовольственного комплекса России на основе его долгосрочных конкурентных преимуществ связаны с расширением участия страны в глобальных цепочках добавленной стоимости. Это обеспечит рост производства продукции с высокой долей добавленной стоимости, конкурентоспособной на мировом рынке по издержкам и ценам.

Целью исследования является анализ изменений динамических и структурных параметров в агропродовольственном комплексе России, оказывающих влияние на перспективы его развития. Обоснование приоритетных изменений в структуре агропродовольственного комплекса, позволяющих обеспечить структурную сбалансированность развития агропродовольственного комплекса.

Методика исследований.

В процессе исследования использовались основные положения структурного и ситуационного анализа с привлечением статистических методов обработки данных.

Результаты исследований.

Валовая добавленная стоимость в основных ценах за последние шесть лет (2014-2019 гг.) в сельском хозяйстве увеличилась на 11,2 %, а в производстве пищевых продуктов, включая напитки, на 6,8 %, что выше прироста по экономике в целом (5,7 %). Опережающий рост в сельском хозяйстве в сравнении с большинством отраслей экономики имеет объективные основания и связан с макроэкономическими условиями функционирования отрасли, формируемыми государством. Расширение использования методов программно-целевого управления позволило увеличить объемы и повысить эффективность мер государственной поддержки. Сельскохозяйственные производители имеют льготы по налогу на прибыль и НДС. Доля платежей в консолидированный бюджет Российской Федерации отрасли «Растениеводство и животноводство, охота и предоставление соответствующих услуг в этих областях» увеличилась с 0,31 % в 2013 году до 0,42 % в 2019 году. Однако объем платежей невелик и составлял по отношению к валовой добавленной стоимости в основных ценах в 2019 году 2,8 % [1].

Росту объемов и эффективности производства способствовали структурная перестройка в агропродовольственном комплексе и улучшение координации в развитии отраслевых и межотраслевых цепочек добавленной стоимости. Технологические и организационные новшества определили знаковые изменения в соотношении живого и овеществленного труда в структуре затрат на производство и продажу продукции в сельскохозяйственных организациях, характерные для процессов интенсификации производства и роста производительности труда. Ключевыми тенденциями изменения структуры затрат являются рост доли материальных затрат (с 61,9 % в 2010 г. до 66,4 % в 2018 г.) и сокращение доли затрат на оплату труда (с 17,3 % до 13,6 %). При этом доля сырья и материалов выросла на 9,3 %, а топлива и энергии сократилась на 1,5 %. Быстрыми темпами шло сокращение избыточной занятости. Среднесписочная численность работников (без внешних совместителей и работников несписочного состава) в отраслях сельского хозяйства снизилась на 15,6 % в 2019 году по сравнению с 2014 годом, в то время как в среднем по экономике и в производстве пищевых продуктов только на 3,5 %. Рост рентабельности производства способствовал снижению давления просроченной задолженности, если на конец 2000 года в сельскохозяйственных организациях она составляла 74,9 %, то на конец 2018 года – 3,8 %.

Несмотря на положительную динамику, темпы роста в отраслях агропродовольственного комплекса России не были высокими в сравнении с другими странами. За 2001-2019 годы объем произведенной продукции сельского хозяйства России вырос в 1,67 раза, что меньше, чем в среднем по десяти странам СНГ (1,86 раза). Увеличивается отставание и от других стран мира. За 2014-2018 годы валовая добавленная стоимость сельского хозяйства в России выросла на 7,5 %, в то время как среднемировой прирост был выше – 13,4 %. Темпами, сопоставимыми с российскими, росло сельское хозяйство Бразилии, выше среднего наблюдался прирост в группе стран с низкими показателями среднедушевого ВВП – 18,4 %. В странах Европейского союза прирост был ниже и составил 6,1 % [2]. Оценка проводилась в постоянных ценах соответствующих стран, сопоставление в долларах США 2010 года.

Перспективы роста и укрепления конкурентных позиций любой отрасли связаны с возможностями генерировать новые рабочие места и обеспечивать приток инвестиций. Производительность труда в сельском хозяйстве России ниже достигнутого уровня в ведущих аграрных странах мира (в 2018 году 56,3 % от уровня стран Евросоюза, в т.ч. 34,2 % от уровня Германии). Важная роль в создании условий для повышения производительности труда отводится национальному проекту «Производительность труда и поддержка занятости», в котором участвуют 123 компании, работающие в сельском хозяйстве и смежных отраслях. Внедрение наилучших практик повышения производительности труда должно содействовать росту конкурентоспособности российских компаний, в том числе за счёт повышения качества корпоративного управления, являющегося одной из целей этого национального проекта. Именно эффективность ведения бизнеса и, прежде всего, качество корпоративного менеджмента оценивается низко в международных рейтингах. В авторитетном рейтинге конкурен-

тоспособности стран мира Международного института развития управления (IMD) Россия в 2020 году по эффективности ведения бизнеса занимала 61-е место, а по интегральному показателю конкурентоспособности – 50-е место (из 63 оцениваемых наиболее развитых стран), опустившись за год на пять позиций [3]. В качестве мер государственной поддержки компаниям-участникам национального проекта «Производительность труда и поддержка занятости» в приоритетном порядке с 2020 года начинают выделяться дополнительные льготные инвестиционные кредиты при условии создания новых рабочих мест в реализуемых проектах.

Объём и структура потребностей населения страны в продовольствии выступает главным фактором формирования параметров развития агропродовольственного комплекса. Основу разработки приоритетов социально-экономического развития агропродовольственного комплекса составляет требование обеспечения продовольственной безопасности. Во всемирном рейтинге продовольственной безопасности (Global Food Security Index) на 2020 год Россия находится на 42-м месте из 113 оцениваемых стран в мире и на 26-м – в Европе [4]. По показателю доступности продовольствия для потребителей, оцениваемому с помощью шести индикаторов, Россия находится на 33-м месте, по наличию и возможности устойчивого продовольственного обеспечения (девять индикаторов) – на 52-м месте, по качеству и безопасности (десять индикаторов) – на 41-м месте. Россия имеет сравнительно низкие показатели по уровню государственных расходов на сельскохозяйственные НИОКР (public expenditure on agricultural R&D). В принятой в 2020 году обновлённой версии Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации [5] акцент делается на необходимости надёжного обеспечения не только физической, но и экономической доступности безопасной и качественной продукции в соответствии с рациональными нормами потребления. Приоритетность устойчивого продовольственного обеспечения страны за счёт отечественного производства требует создания условий и формирования механизмов противодействия экономическим угрозам, обеспечения расширенного воспроизводства и технологического прогресса в агропродовольственном комплексе как основы гарантирования высокого уровня самообеспечения продуктами питания.

Современные структурные особенности спроса связаны, прежде всего, с неравенством возможностей различных доходных групп населения. Несмотря на то, что достигнутый в целом по стране уровень потребления по основным продуктам питания соответствует рациональным нормам, по нескольким доходным группам объёмы потребления ниже рекомендуемых. Потребление продуктов питания населением с доходами верхних трёх децильных групп (30 % населения) превышало в 2018 году потребление в трёх низших группах по фруктам и ягодам в 1,83 раза, рыбе и рыбопродуктам – в 1,62 раза, мясу и мясным продуктам – в 1,55 раза, молоку и молочным продуктам, а также овощам и бахчевым – в 1,53 раза. Ещё больший разрыв имеет место по стоимости приобретаемых продуктов, что отражает их качественные характеристики (по названным группам товаров от 1,9 до 2,6 раза). Решение задачи повышения потребления продуктов питания населением низкодходных групп до рациональных уровней позволит расширить производственные возможности отраслей агропродовольственного комплекса.

В настоящее время рост конкурентоспособности отраслей агропродовольственного комплекса ограничивается дефицитом инвестиций и технологическим отставанием. Динамика инвестиций в основные отрасли агропродовольственного комплекса не является устойчивой, что усложняет реализацию долгосрочных приоритетов развития комплекса. Сложившийся прирост инвестиций в основной капитал был невысоким, в отраслях сельского хозяйства за шесть последних лет (2013-2019 гг.) он составил всего лишь 1,4 %, в производстве пищевых продуктов – 8,6 %. Отраслевой раздел Плана действий по ускорению темпов роста инвестиций в основной капитал, определённый Постановлением Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 1315п-П13, предполагает повышение доли инвестиций в валовом внутреннем продукте (норма накопления) до 25%. Среднегодовой темп прироста инвестиций в отрасли сельского хозяйства за период 2017-2024 гг. должен составлять 4,5%. В настоящее

время норма накопления складывается ниже уровня целевых значений, а накопленное недофинансирование негативно сказывается на перспективах экономического развития. В 2019 году норма накопления в сельском хозяйстве составила 22,2 %, в производстве пищевых продуктов, напитков и табака - 16,4 %. Продолжительный период отставания в развитии пищевой промышленности в сравнении с сельским хозяйством негативно сказывается на межотраслевой сбалансированности продуктовых цепочек, дефицит инвестиций в постсельскохозяйственные отрасли существенно сдерживает возможности роста во всём комплексе.

Прямые иностранные инвестиции также не стали существенным источником финансирования роста в отраслях агропродовольственного комплекса. По данным Центрального банка России, сальдо притока прямых иностранных инвестиций в отрасль «сельское, лесное хозяйство, охота и рыболовство» сократилось с 619 млн долл. США в 2013 году до минус 23 млн, в производстве пищевых продуктов, напитков, табачных изделий – с 2 млрд долл. США в 2011 году до минус 745 млн [6]. При несомненной важности иностранного капитала в технологическом обновлении отраслей следует учитывать, что обусловливаемый им приток технологий и компетенций способен обеспечить скорее догоняющее, чем опережающее развитие. Для достижения же технологического лидерства, как правило, требуются собственные разработки, проводимые как силами самих компаний, так и привлекаемыми для этих целей организациями исследовательского сектора. Полагаем, что государственное программное регулирование с использованием механизмов привлечения инвестиций в приоритетные отрасли должно сыграть ключевую роль в структурной модернизации и росте конкурентоспособности агропродовольственного комплекса.

Структурная сбалансированность является важным фактором роста конкурентоспособности и оказывает значимое влияние на эффективность взаимодействия отдельных звеньев цепочек добавленной стоимости. Зоны несбалансированности в научно-технологической сфере усложняют условия конкуренции с полноценными зарубежными производственными системами. Отрасли отечественной селекции и семеноводства отстают в развитии от современного уровня потребностей отраслей сельскохозяйственного производства, что формирует критический уровень зависимости конечных результатов от импортных поставок. По данным Минсельхоза, в 2019 году доля используемых в России семян отечественной селекции составила только 62,7% (согласно новой редакции Доктрины продовольственной безопасности, она должна быть не менее 75%). Только обеспечив единство функционирования научно-технологического и производственного комплексов можно преодолеть отставание и обеспечить технологический суверенитет. Реализация государственной программы научно-технологического развития предполагает выделение семи основных приоритетов, которые связаны с переходом к передовым цифровым, интеллектуальным производственным технологиям, высокопродуктивному и экологически чистому агро- и аквахозяйству, созданию безопасных и качественных продуктов питания и др. В рамках Федеральной научнотехнической программы развития сельского хозяйства РФ на период до 2025 года разрабатывается 15 подпрограмм в области семеноводства и племенного дела, десять из них – в области растениеводства и семеноводства по культурам, имеющим высокую импортозависимость и экспортоориентированность.

Пандемия COVID-19, как пример непрогнозируемого масштабного шока, выявила слабости в системе управления глобальными цепочками поставок продукции. Негативные последствия воздействия на цепочки глобальной стоимости, согласно прогнозу ВТО, могут привести к падению мировой торговли в 2020 г. от 13% до 32% [7]. Высокие уровни региональной концентрации производства формируют риски уменьшения доступности продовольственных товаров для населения с недостаточным уровнем развития локальных производственных систем в случае нарушения межрегиональных поставок. Во многих регионах России имеет место сокращение сельскохозяйственного производства, глубина которого непропорциональна уменьшению численности сельского населения и не компенсируется приростом рабочих мест в несельскохозяйственных отраслях. Гарантирование продовольственной безопасности требует смещения акцентов в оценке общественных и коммерческих приоритетов

текущей и долгосрочной эффективности функционирования цепочек добавленной стоимости в направлении повышения надежности обеспечения товарами первой необходимости. В Докладе Международного исследовательского института продовольственной политики (IFPRI) «О глобальной продовольственной политике 2020» [8] также подчеркивается необходимость поддержки формирования инклюзивных продовольственных систем, эффекты функционирования которых распространяются на всех участников, для обеспечения долгосрочной устойчивости систем обеспечения продовольственной безопасности.

В современных условиях важно, не разрушая сложившийся тренд на рост региональной специализации, развивать местное производство и переработку сельскохозяйственной продукции. Это позволит снизить риски как с точки зрения срыва поставок продукции, так и с точки зрения возможной нестабильности спроса на рынках отдельных регионов. Реализация государственной программы комплексного развития сельских территорий может способствовать формированию баланса между отраслевым подходом, нацеленным на максимизацию финансовых результатов, и территориальным подходом, требующим согласованности экономических, социальных и экологических параметров регионального развития. Требование рационального использования природно-климатического потенциала территорий, трудовых ресурсов обуславливает необходимость диверсификации сельскохозяйственного производства. Результатами направленной поддержки процессов диверсификации могло бы стать «...преодоление монокультурной направленности сельского хозяйства России; устранение неравномерного развития различных отраслей; преодоление убыточности аграрных производств и повышение их экономической устойчивости» [9].

Конкурентные преимущества выступают в качестве основы для выделения приоритетов государственной поддержки. Перспективы развития конкурентоспособного производства и его интеграции в глобальные цепочки добавленной стоимости обуславливаются рядом факторов. Считается, что помимо наличия избыточных ресурсов (земельных, водных и др.) и логистических преимуществ [10, 11], важны возможности внешнеторговых взаимодействий со странами с развитой и диверсифицированной экономикой. Наглядно это просматривается на примере взаимодействия стран Европейского союза, являющегося крупнейшим центром мировой торговли сельскохозяйственным сырьем и продовольственными товарами. В 2019 году страны союза импортировали продукции на 606 млрд долл. (38,7 % мировой торговли). Около 72 % этого объема пришлось на взаимную торговлю. Развитие внутриотраслевой торговли (intra-sector trade), когда схожие товары страна одновременно экспортирует и импортирует, позволяет полнее использовать конкурентные преимущества за счет эффектов от масштаба производства и удовлетворять стремление потребителей к разнообразию. Ещё одним фактором успешного включения стран в глобальные цепочки добавленной стоимости (или их удлинения) является наличие развитой институциональной среды (открытость экономики, стандарты защиты предпринимательства и др.). Это особенно важно для формирования сложных цепочек добавленной стоимости, в которых промежуточные товары многократно пересекают национальные границы.

Реализация конкурентных преимуществ России на внешних рынках становится одним из приоритетов долгосрочной стратегии развития, а экспортно ориентированная политика в агропродовольственном комплексе – инструментом управления его структурной перестройкой. Рост сельскохозяйственного производства способствовал расширению экспортных возможностей и оказал влияние на изменение конкурентных позиций российских производителей на мировых рынках. За последние шесть лет объем экспорта агропродовольственной продукции вырос с 16,3 млрд долл. в 2013 году 24,9 млрд. долл. в 2019 году. В настоящее время Россия входит в число крупнейших агроэкспортеров в мире (19-е место с долей 1,6%). Несмотря на то, что по ряду товарных позиций Россия является мировым лидером, она занимает невысокое место по общему объему экспорта сельскохозяйственного сырья и продовольствия, что не соответствует имеющемуся у страны потенциалу. Ключевой структурной особенностью является специализация в основном на, так называемом, «форвардном участии» в глобальных цепочках добавленной стоимости (forward participation), когда в структу-

ре экспорта преобладают относительно простые товары (низких и средних переделов), используемые для последующей переработки в странах-импортерах. Экспорт товаров глубокой переработки объективно ограничен их конкурентоспособностью, которая зависит от инновационной и инвестиционной активности компаний. У производителей, которые находятся в основном на низших ступенях глобальных цепочек создания стоимости, преобладающими видами конкурентных преимуществ являются ценовые, которые легко утрачиваются.

По нашим расчетам на основе данных Центра международной торговли (The International Trade Centre - ИТС) экспорт несырьевых товаров верхнего передела составил в 2019 году 4 млрд долл., в то время как импорт – 10,4 млрд долл. Доля товаров верхнего передела по отношению ко всему агроэкспорту сократилась с 24,1 % в 2013 году до 16,2 % в 2019 году за счёт увеличения доли экспорта зерна и масличных [12]. По объему экспорта продукции верхних переделов Россия уступает, например, Германии, у которой экспорт данной группы продуктов достигает до 50%, более, чем в десять раз. Импорт верхних переделов составил в 2019 году 34,9 %. Классификация экспортных товаров по переделам сформирована на основе 4-значных товарных позиций ТН ВЭД, идентичных аналогичным позициям международной Гармонизированной системы описания и кодирования товаров, и используется Российским экспортным центром [13]. К группе продукции верхних переделов отнесены готовые товары, представляющие собой результат глубокой переработки исходных материалов (консервы, кондитерские и мучные изделия, сыры и др.). Готовые продукты невысокой сложности (мука, крупы, растительные масла, сахар и т. п.) относятся к группе продукции средних переделов. Наибольшие объемы экспорта продукции с высокой степенью переработки в 2019 г. приходились на шоколадные изделия (ТН ВЭД 1806) 715 млн долл. (17,8 % от всего объема экспорта такой продукции), хлеб, мучные кондитерские и хлебобулочные изделия (ТН ВЭД 1905) 423 млн долл. (10,5 %), продукты переработки овощей, фруктов, орехов (ТН ВЭД 20) 341,5 млн долл. (8,5 %). Основная часть товаров с высокой добавленной стоимостью из России поставляется в страны СНГ (готовые изделия из мяса и рыбы в Казахстан, Беларусь и Азербайджан, кондитерские изделия в Узбекистан, Казахстан, майонез и соусы в Казахстан, Беларусь). Перспективы спроса этих стран будут влиять на развитие экспорта продукции глубокой переработки и в дальнейшем. В импорте Россией продукции верхних переделов наибольшие доли (от 10,6 до 11,8 %) имеют продукты четырех товарных групп: продукты переработки овощей, фруктов, орехов; вина виноградные; сыры и творог; спирт этиловый, спиртовые настойки, ликеры и прочие спиртные напитки.

Реализация экспортного потенциала агропродовольственного комплекса России требует формулирования новой модели вхождения в глобальные цепочки добавленной стоимости, содержательной стороной которой должно стать обеспечение выхода на более высокий уровень производственной кооперации с формированием национальных межотраслевых сегментов глобальных воспроизводственных систем. Поддержка со стороны государства технологической модернизации ориентированных на экспорт производств позволит ускорить этот процесс.

Важным фактором наращивания экспортного потенциала является формирование эффективной экспортной инфраструктуры и содействие согласованному использованию корпоративных стратегий выхода на внешние рынки разных компаний, целевое позиционирование российской продукции на рынках отдельных стран. Важным направлением закрепления на мировых рынках может стать создание совместных предприятий для локализации производства пищевой продукции за рубежом. Учет региональных особенностей возможен через стимулирование специализации с разделением экспортных или внутреннеориентированных товарных потоков, развитие зон гарантированного производства сельскохозяйственного сырья на экспорт.

Заключение.

Целенаправленно реализуемая стратегия сбалансированного экономического роста должна способствовать структурной перестройке. Важными направлениями приоритетных структурных изменений, обеспечивающих сбалансированное развитие российского агропро-

довольственного комплекса с высоким уровнем национального контроля за функционированием критически важных звеньев цепочек добавленной стоимости, сокращением транзакционных издержек на основе формирования новой комбинации факторов конкурентоспособности, следует считать их соответствие современным тенденциям развития глобальных и региональных продовольственных рынков; требованиям межотраслевой конкурентоспособности и инновационности осуществляемых изменений; изменяющейся структуре потребностей в продуктах питания [14]. Конкурентное развитие агропродовольственного комплекса на основе структурной модернизации требует формирования соответствующей масштабам изменений многоуровневой системы механизмов управления.

Список литературы:

1. Отчеты о начислении и поступлении налогов, сборов и иных обязательных платежей / Федеральная налоговая служба. Официальный сайт. – URL: https://www.nalog.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/.
2. База данных Всемирного банка. – URL: <http://api.worldbank.org/v2/en/indicator/NV.AGR.TOTL.KD.ZG?downloadformat=excel>.
3. IMD's 2020 World Competitiveness Ranking / IMD. – URL: <https://www.imd.org/news/updates/IMD-2020-World-Competitiveness-Ranking-revealed/>
4. The Economist Intelligence «Global Food Security Index 2019 Global Food Security Index 2019 report. December 09, 2019. – URL: <https://foodsecurityindex.eiu.com/Home/DownloadResource?fileName=Global%20Food%20Security%20Index%202019%20report.pdf>.
5. Доктрина Продовольственной безопасности Российской Федерации (Указ Президента России от 21.01.2020 г. №20) // Сайт Министерства сельского хозяйства Российской Федерации. – URL: <http://mcx.ru/upload/iblock/f23/f239bc3c1f8283992797b17cbe05443c.pdf>
6. Прямые инвестиции в Россию: операции по видам экономической деятельности / Центральный банк. – URL: http://www.cbr.ru/vfs/statistics/credit_statistics/direct_investment/08-dir_inv.xlsx
7. DG Azevêdo communicates COVID-19 measures to WTO members and staff. – URL: https://www.wto.org/english/news_e/news20_e/dgra_15mar20_e.htm.
8. Global food policy report building inclusive food systems-2020 / IFPRI. 2020. – URL: <http://ebrary.ifpri.org/utils/getfile/collection/p15738coll2/id/133646/filename/133857.pdf>.
9. Генералова С.В. Диверсификации аграрного производства в контексте политики импортозамещения // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2017. - № 5. - т.1. - С.57.
10. Global Value Chain Development Report – Measuring and analyzing the impact of GVCs on economic development / World Bank (2017). – URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/440081499424129960/Measuring-and-analyzing-the-impact-of-GVCs-on-economic-development>.
11. Globalization in transition: The future of trade and value chains / McKinsey Global Institute (2019). – URL: <https://www.mckinsey.com/featured-insights/innovation-and-growth/globalization-in-transition-the-future-of-trade-and-value-chains>.
12. International trade statistics 2001-2020. – URL: <http://www.intracen.org/itc/market-info-tools/trade-statistics/>
13. Классификация экспортных товаров по переделам / Российский экспортный центр. – URL: https://www.exportcenter.ru/international_markets/classification/
14. Развитие продуктовых цепочек в агропродовольственном комплексе: межотраслевые аспекты исследования / О.В. Ермолова, В.В. Кирсанов, Н.А. Яковенко, И.С. Иваненко, Т.В. Остапенко и др.; под общ. ред. О.В. Ермоловой. – Саратов: Изд-во «Саратовский источник», 2017. - 156 с.

ВЛИЯНИЕ ДОЛГОСРОЧНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ ФОРМИРОВАНИЯ РЕСУРСНОГО ПОТЕНЦИАЛА АГРАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА НА РОСТ ЭКСПОРТА ПРОДОВОЛЬСТВИЯ

Потапов А.П., к.э.н., ИАГП РАН

В статье проведена оценка воздействия сложившихся долгосрочных тенденций формирования ресурсного потенциала аграрного производства на возможности роста экспорта продовольствия. Выполнен анализ динамики показателей внешней торговли России продовольственными товарами. Представлены направления развития аграрного экспорта для достижения целевых параметров федерального проекта «Экспорт продукции АПК». На примере зерновой продукции рассчитаны различные варианты ресурсной обеспеченности аграрного производства, влияющие на выполнение задачи роста несырьевого экспорта.

Ключевые слова: ресурсный потенциал, аграрное производство, долгосрочные тенденции, экспорт продовольствия, экспорт зерна.

INFLUENCE OF LONG-TERM TRENDS IN THE FORMATION OF THE RESOURCE POTENTIAL OF AGRICULTURAL PRODUCTION ON GROWTH OF FOOD EXPORT

Potapov A.P., candidate of economic sciences, IAgP RAS

The article assesses the impact of existing long-term trends in the formation of the resource potential of agricultural production on the growth of food export potential. The analysis of the dynamics of indicators of Russia's foreign trade in food products is carried out. The directions of the development of agricultural exports to achieve the target parameters of the federal project "Export of agricultural products" are presented. Using the example of grain production, various resource options for agricultural production that affect the fulfillment of the task of growing non-resource exports are calculated.

Keywords: resource potential, agricultural production, long-term trends, food export, grain export.

Введение.

Современная государственная аграрная политика России предполагает достижение ключевых показателей и индикаторов развития аграрного производства, позволяющих обеспечить продовольственную независимость и безопасность, повысить эффективность отрасли, сформировать тенденцию для ее устойчивого развития в долгосрочной перспективе, повысить вклад АПК в ВВП и экспорт страны. Сложившиеся долгосрочные тенденции развития аграрного производства и формирования его ресурсного потенциала определяют динамику показателей и структуру выпуска продукции, показывают воздействие использования ресурсов на объемы производства в сельском хозяйстве.

Одним из главных индикаторов развития АПК в системе экономической политики страны является рост экспорта продукции, который выступает как часть реализации общенационального плана по снижению зависимости экспорта России от топливно-энергетических и сырьевых товаров. С увеличением объема продовольственного экспорта связан долгосрочный потенциал экономического роста всего агропродовольственного комплекса страны [1].

Формирование экспортного потенциала агропродовольственного комплекса России основано на использовании существующего совокупного ресурсного потенциала аграрного производства. Развитие аграрного производства и формирование экспортного потенциала происходят в условиях ограниченных ресурсных возможностей отечественного АПК, связанных с дисбалансом в обеспеченности основными производственными ресурсами и отдачей от их использования. Нарращивание экспортного потенциала в целях реализации основных направлений национальных проектов требует научно-практического обоснования ресурсных

возможностей отечественного аграрного производства для роста показателей выпуска продукции, часть из которой предназначена к продаже на внешнем рынке.

Цель исследования.

Целью настоящей статьи является оценка влияния выявленных долгосрочных тенденций формирования и использования ресурсного потенциала аграрного производства на экспорт продовольственных товаров из России как одно из основных направлений государственной аграрной политики в рамках соответствующих федеральных проектов.

Методика исследования.

При проведении экономико-математических расчетов в статье были использованы показатели, применяемые в статистике внешней торговли, в частности, коэффициент покрытия импорта экспортом, отражающий соотношение стоимости экспорта товаров определенной продуктовой группы к импорту этих же товаров.

Расчет необходимого ресурсного обеспечения аграрного производства основан на применении нормативного метода.

Вариантные расчеты ресурсного обеспечения целевых показателей производства и экспорта зерновых культур построены по методу экстраполяции усредненных значений соответствующих показателей с учетом тенденций, сложившихся за пять лет, предшествовавших прогнозируемому периоду, а также с учетом максимально достигнутых уровней за тот же период (по цене экспорта зерна из России и по урожайности).

Результаты исследования.

В предыдущих авторских исследованиях были выявлены основные долгосрочные тенденции формирования и использования ресурсного потенциала аграрного производства России:

- рост эффективности использования ресурсного потенциала;
- разнонаправленная динамика наличия и использования ресурсов в аграрном производстве;
- сохранение и незначительные изменения структуры промежуточного потребления в аграрном производстве, выраженной технологическими коэффициентами;
- сохранение высокой зависимости аграрного производства от импорта основных элементов ресурсного потенциала;
- повышение доли продукции, производимой в сельскохозяйственных организациях, и сокращение доли продукции, формируемой в хозяйствах населения;
- несоответствие структуры затрат предприятий на основные виды производственных ресурсов по сравнению с отдачей от их использования [2].

Реализация вышеуказанных тенденций отражается на уровне и динамике производственных показателей деятельности аграрного сектора, эффективности и результативности его ресурсного потенциала, достижении целевых индикаторов аграрной политики, формировании экспортного потенциала аграрного производства.

Одной из определяющих тенденций современного развития всего агропродовольственного комплекса России является экспортная ориентация производственной деятельности, которая предполагает рост продажи продукции на внешнем рынке в стоимостном выражении.

В настоящее время в России значительно вырос экспорт продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья. Наряду с сокращением импорта это привело к снижению отрицательного сальдо торгового баланса по данной продукции. Экспорт приобретает все большее значение и положительное влияние на динамику показателей внешней торговли (рис. 1). Рост экспорта товаров продовольственной группы привел к росту коэффициента покрытия импорта с 40% до уровня более чем 80%.

Рисунок 1 – Расчетные показатели внешней торговли продовольственными товарами и сельскохозяйственным сырьем (кроме текстильного) в России

Источник: составлено и рассчитано по [3].

Целевые показатели по продукции АПК относятся к числу основных индикаторов реализации национальных проектов в России, в частности, проекта «Международная кооперация и экспорт», который предполагает обеспечение роста несырьевого экспорта и повышение его доли в общей структуре вывоза продукции. По экспорту продукции АПК в рамках одноименного федерального проекта установлен целевой индикатор в объеме 45 млрд долл. в 2024 году, что соответствует более чем двукратному росту к базовому 2017 году. Одновременно данный индикатор входит в структуру других документов системы стратегического планирования в России, в частности, в Государственную программу развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, а также в Стратегию развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов Российской Федерации на период до 2030 года [4].

Увеличение стоимости экспорта возможно за счет: а) увеличения объемных показателей экспорта и увеличения количества вывозимой продукции; б) роста стоимости единицы экспортируемых товаров на основе повышения качества продукции, степени ее переработки, повышения размера добавленной стоимости; в) расширения ассортимента продукции на основе экспорта продукции, которая является новой для современной структуры экспорта России; г) диверсификации агропродовольственного экспорта; д) прогнозируемого роста цен на мировых продовольственных рынках, связанного с ростом спроса на продовольствие [5]. Основой перечисленных направлений роста экспорта является увеличение производства товарной массы, осуществляемое за счет использования дополнительных ресурсов, либо повышения отдачи от ресурсного потенциала.

Выявленные долгосрочные тенденции формирования и использования ресурсного потенциала аграрного производства в разной степени воздействуют на возможности роста экспорта продовольствия (табл. 1).

Основным экспортным товаром России являются зерновые культуры. В 2015-2019 гг. они ежегодно формировали в среднем 35,8% стоимости всего агропродовольственного экспорта страны (7,4 млрд долл). За этот же период среднегодовой экспорт зерновых культур в натуральном выражении составил 40,4 млн тонн при максимальном значении 54,9 млн тонн в 2018 году [3]. Согласно федеральному проекту «Экспорт продукции АПК», экспорт зерновых должен достичь в 2024 году 11,4 млрд долл.

Таблица 1 - Влияние долгосрочных тенденций формирования ресурсного потенциала аграрного производства на экспорт продовольствия

Тенденции	Влияние на экспорт	Направления совершенствования и меры реализации
Рост эффективности использования ресурсного потенциала	Рост производства, увеличение товарной массы, повышение степени переработки исходного сельскохозяйственного сырья, рост доли добавленной стоимости, приводящие к росту экспортного потенциала	Развитие инновационной деятельности, внедрение ресурсосберегающих технологий, изменение структуры ресурсной обеспеченности
Разный уровень наличия и использования ресурсов в аграрном производстве	Ограничение возможностей роста производства и экспорта уровнем использования дефицитных ресурсов	Соблюдение нормативных значений ресурсной обеспеченности, отнесение мер по наращиванию и эффективному использованию ресурсного потенциала к приоритетным направлениям аграрной политики
Стабилизация структуры промежуточного потребления в аграрном производстве	Ограничение потенциала значительного роста производства и экспорта	Повышение удельного веса ресурсных затрат на направления, обеспечивающие инновационное развитие аграрного производства
Импортная ресурсная зависимость аграрного производства	Рост зависимости экспорта от конъюнктуры мировых рынков ресурсов для сельского хозяйства	Развитие отечественного производства ресурсов для сельского хозяйства, импортозамещение в ресурсной сфере АПК
Повышение доли продукции, производимой в сельскохозяйственных организациях	Рост производства и экспорта за счет крупнотоварного производства	Поддержка экспорта всех категорий хозяйств, в том числе за счет создания экспортных кооперативов для малых и средних предприятий
Несоответствие структуры ресурсных затрат предприятий по сравнению с эффективностью их использования	Ограничение потенциала значительного роста производства и экспорта	Изменение структуры ресурсных затрат в пользу ресурсов, обеспечивающих наибольший выход продукции (удобрений, инноваций)

Для оценки перспектив выполнения федерального проекта по зерновому экспорту выполнены расчеты необходимого ресурсного потенциала роста производства по различным вариантам с учетом уровней реальной и потенциальной урожайности, а также нормативов ресурсной обеспеченности земельных ресурсов техническими средствами. Достижение целевых показателей по экспорту зависит от прогнозируемой цены тонны зерна российского производства на внешнем рынке. В качестве ценовых ориентиров использованы среднегодовые экспортные значения цены 1 тонны российского зерна: 1) в среднем за 2015-2019 гг., 2) в 2019 году, 3) с учетом потенциала роста цены на 20% к максимальному значению за исследуемый период (табл. 2). Допущение об ограничении потенциала роста цены основано на актуальных прогнозах ОЭСР и ФАО, согласно которым в период до 2028 года рост мировых цен на основные зерновые культуры (пшеница, кукуруза, кормовое зерно и рис) в номинальном выражении не превысит 15-20% [6]. Таким образом, в прогнозируемом периоде цена российского зерна не достигнет максимального уровня 2012 года в размере 278 долл. за тонну [7].

Урожайность зерновых культур рассчитана по разным уровням: первый – поддержание среднегодовой урожайности в 2015-2019 гг. на уровне 25,4 ц/га посевной площади; второй – достижение максимальной урожайности в размере 28,4 ц/га посевной площади [8].

Анализ расчетов из таблицы 2 показывает, что для выполнения установленных целевых параметров необходим рост ресурсной обеспеченности по земельным ресурсам к современному их уровню максимум на 4 млн га (при сохранении тренда увеличения урожайности). Расширение посевных площадей потребует пропорционального увеличения технического потенциала аграрного производства: минимум на 178,1 тыс. шт. тракторов и 41,2 тыс. шт. зерноуборочных комбайнов.

Таблица 2 - Ресурсное обеспечение федерального проекта «Экспорт продукции АПК» (на примере зернового хозяйства) на период до 2024 года

Ресурсные параметры	Вариант 1		Вариант 2		Вариант 3	
Экспортная цена 1 тонны зерна, долл.	182,9		201,2		241,4	
Целевой объем экспорта, млн т.	62,3		56,7		47,2	
Целевой объем производства*, млн т.	144,6		139,0		129,5	
Урожайность зерновых культур, ц/га	25,4	28,4	25,4	28,4	25,4	28,4
Посевные площади зерновых культур, млн га	56,9	50,9	54,7	48,9	51,0	45,6
Парк тракторов**, тыс. шт.	705,2	630,8	677,9	606,0	632,0	565,1
Парк зерноуборочных комбайнов**, тыс. шт.	215,1	192,4	206,8	184,8	192,8	172,4

Примечания:

* Целевой объем производства исходит из потенциала роста внутреннего потребления зерна до объема 82,3 млн т.

** Парк тракторов и комбайнов рассчитан исходя из норматива обеспечения техникой земельных ресурсов с учетом роста технического уровня машин и оборудования

Повышение экспортных доходов агропродовольственного комплекса при сохранении или незначительном увеличении объемов аграрного производства и необходимости снижения ресурсоемкости аграрной продукции возможно за счет повышения степени переработки исходного сельскохозяйственного сырья, что также предусмотрено федеральным проектом «Экспорт продукции АПК». Согласно проекту, предполагается рост стоимостного объема экспорта продукции пищевой и перерабатывающей промышленности более чем в 2,5 раза (для сравнения: рост экспорта зерна составит к 2024 году только 1,5 раза), что свидетельствует о необходимости структурных изменений в производстве и экспорте, смещения акцентов на продукцию с более высокой долей добавленной стоимости, в том числе произведенной из зерна (мука, крупы, макаронные изделия, комбикорма).

Формирование модели экспортно-ориентированной аграрной экономики за счет повышения эффективности сельскохозяйственного производства возможно при условии комплексного подхода к решению законодательных, организационных и экономических вопросов развития инновационных процессов [9].

Заключение.

Современные тенденции формирования и использования ресурсного потенциала аграрного производства оказывают разнонаправленное воздействие на уровень и динамику развития отрасли и на перспективы экспорта агропродовольственной продукции. Рост эффективности использования ресурсного потенциала, структурные изменения в производственной структуре сельского хозяйства приводят к увеличению выпуска продукции, которое способствует наращиванию экспортного потенциала. Рост экспорта агропродовольственной продукции привел к формированию позитивных тенденций во внешней торговле России: снизилось отрицательное сальдо, повысилась степень покрытия импорта экспортом. Реализация национальных проектов, нацеленных на снижение сырьевой направленности отечественного производства и экспорта (в том числе и в аграрной сфере) потребует прироста ресурсного потенциала. В зависимости от прогнозируемой цены на российское зерно на внешнем рынке и перспектив увеличения урожайности зерновых культур для достижения целевых индикаторов федерального проекта «Экспорт продукции АПК» по зерновой продукции необходимо дополнительно ввести до 4 млн га пашни и обеспечить отрасль почти 220 тыс. тракторов и зерноуборочных комбайнов.

Список литературы:

1. Яковенко Н.А. Стратегические направления развития агропродовольственного экспорта России // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2019. – № 4. – С. 13-19. - URL: <http://iagpran.ru/journal.php?tid=788>.

2. Потапов А.П. Обоснование долгосрочных тенденций формирования и использования ресурсного потенциала аграрного производства России // Региональные агросистемы: экономика и социология. - 2020. - № 1. – URL: <http://www.iagpran.ru/journal.php?tid=820>.
3. Федеральная служба государственной статистики – URL: <https://fedstat.ru/indicator/37393>; <https://fedstat.ru/indicator/37395>.
4. Стратегия развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов Российской Федерации на период до 2030 года / Консультант Плюс – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_350437/.
5. Потапов А.П. Внешнеэкономические факторы роста эффективности и формирования экспортного потенциала аграрного производства России // Региональные агросистемы: экономика и социология. - 2018. - № 3. – URL: <http://www.iagpran.ru/journal.php?tid=664>.
6. OECD-FAO Agricultural Outlook 2019-2028, OECD Publishing, Paris / Food and Agriculture Organization of the United Nations, Rome, 2019. – URL: <http://www.fao.org>.
7. Российский статистический ежегодник. 2015: Стат. сб. / Росстат. – М., 2015. – 728 с.
8. Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://www.gks.ru/enterprise_economy
9. Vasilchenko M., Sandu I. Innovative-investment development of agriculture in the conditions of formation of the export-oriented economic sector: system approach // Scientific Papers Series “Management, Economic Engineering in Agriculture and Rural Development“, Volume 20, Issue 1/2020. P. 599-612.

ОБОСНОВАНИЕ ДОЛГОСРОЧНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА РОССИИ

Дерунова Е.А., к.э.н., ИАГП РАН

В статье на основе результатов проведенного анализа обоснованы долгосрочные тенденции научно-технологического развития агропродовольственного комплекса России. Выявлены диспропорции между затратами на научные исследования и показателями эффективности инновационной деятельности. Сформулированы положительные тенденции финансирования аграрной науки, стимулирующие научно-технологическое развитие: увеличение расходов на аграрную науку, а также рост доли расходов на научные исследования в ВВП. Представлена тенденция увеличения доли затрат в расчете на единицу результата по сравнению с другими отраслями народного хозяйства и передовыми мировыми практиками, что свидетельствует о необходимости повышения востребованности отечественных агроинноваций. При исследовании структуры источников финансирования аграрной науки выявлена тенденция увеличения удельного веса затрат на фундаментальные исследования в общем объеме внутренних текущих затрат и сокращение затрат на прикладные исследования, что способствует усилению диспропорций и разрыву между стадиями исследовательского цикла, утрате востребованных бизнесом прикладных компетенций и возможностей решения приоритетных задач. Для решения данных проблем и ускорения научно-технологического развития агропродовольственного комплекса предложены направления совершенствования финансирования научных исследований, повышения уровня их востребованности рынком и укрепления связей между наукой и производством.

Ключевые слова: научно-технологическое развитие, агропродовольственный комплекс, затраты на науку, долгосрочные тенденции, диспропорции, инновационный цикл, фундаментальные и прикладные исследования, механизмы финансирования.

SUBSTANTIATION OF LONG-TERM TENDENCIES OF THE SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL DEVELOPMENT OF THE AGRICULTURAL FOOD COMPLEX OF RUSSIA

Derunova E.A., candidate of economic sciences, IAgP RAS

Based on the results of the analysis, the article substantiates long-term trends in the scientific and technological development of the agri-food complex of Russia. Disproportions between the costs of scientific research and indicators of the effectiveness of innovation have been identified. Positive tendencies of financing agricultural science are formulated, stimulating scientific and technological development: increase in expenditures on agricultural science; increase in the share of research expenditures in GDP. The tendency of increasing the share of costs per unit of result is presented in comparison with other sectors of the national economy and international best practices. It indicates the need to increase the demand for domestic agricultural innovations. In the study of the structure of sources of financing agricultural science, it has been revealed a tendency to increase the share of basic research costs in the total volume of domestic current costs and reduce the costs of applied research, which helps to increase imbalances and the gap between the stages of the research cycle, the loss of applied competencies and the ability to solve priority tasks. To solve these problems and accelerate the scientific and technological development of the agri-food complex, the directions of improving the financing of scientific research, increasing the level of their demand for the market and strengthening the ties between science and production are proposed.

Key words: scientific and technological development, agri-food complex, costs of science, long-term trends, imbalances, innovation cycle, fundamental and applied research, financing mechanisms.

Введение.

Кризисные явления в мировой экономике в 2020 г., вызванные воздействием пандемии нового вируса, показали острую необходимость ускорить инновационное развитие всех сфер национальной экономики, в том числе агропродовольственного комплекса.

Научно-технологическое развитие аграрной экономики развитых стран всё в большей степени опирается на знания, инновации и новые технологии, которые в настоящее время считаются движущей силой экономического роста. Научно-интеллектуальный потенциал агропродовольственного комплекса тесно связан с производственным потенциалом аграрной экономики. Уровень текущего развития научно-интеллектуального потенциала агропродовольственного комплекса и степень его вклада в экономический рост национальных экономик зависят от условий, сформированных текущей государственной политикой. Данные условия связаны с существующей институциональной средой, инвестиционным, предпринимательским климатом, качеством государственного управления [1].

Трансформация форм взаимодействия между акторами инновационных агросистем предъявляет новые требования к функционированию отраслей сельского хозяйства и научно-технологическому развитию в условиях перехода к цифровым и дистанционным технологиям, формированию новых компетенций и развитию механизмов институционального взаимодействия между субъектами инновационного процесса. В Национальном проекте «Наука», Проекте «Международная кооперация и экспорт», Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия (в редакции от 31 марта 2020 г.) выделены приоритеты. К ним относятся разработка и трансфер инноваций, диффузия инноваций, биологизация, повышение инвестиционной привлекательности отрасли, повышение уровня материально-технического оснащения за счет обновления парка сельскохозяйственной техники, повышение эффективности использования основных фондов и инвестиций [2]. Стратегия научно-технологического развития направлена на реализацию семи основных приоритетов. Такой приоритет как переход к высокопродуктивному и экологически чистому агро- и аквахозяйству, создание безопасных и качественных продуктов питания относится непосредственно к сельскому хозяйству и агропромышленному комплексу в целом. Среди 12 национальных проектов, проект «Наука» имеет особое значение, определяющий главные направления развития научно-производственной кооперации, научно-интеллектуального потенциала с увеличением численности молодых исследователей. В соответствии с поставленной задачей вхождения России к 2024 г. в пятерку стран по удельному весу научных статей, опубликованных в ведущих мировых научных изданиях, принято решение о выделении средств на реализацию национального проекта «Наука», объем финансирования увеличится до 1,8 трлн руб. в год до 2024 г. [3].

Для комплексного решения существующих проблем научно-технологического развития агропродовольственного комплекса необходимо создание условий для формирования конкурентоспособных результатов инновационной деятельности в целях их трансфера в сельскохозяйственное производство на отраслевом и региональном уровне в соответствии с текущими потребностями.

Целью исследований является выявление и обоснование долгосрочных тенденций финансирования аграрной науки, стимулирующих научно-технологическое развитие агропродовольственного комплекса России.

Теоретической основой исследования научно-технологического развития агропродовольственного комплекса являются теории инновационного развития и экономики знаний.

Методика исследований.

Авторский методический подход к исследованию проблем финансового обеспечения аграрной науки, влияющей на научно-технологическое развитие агропродовольственного комплекса, основан на анализе финансирования инновационной деятельности агропродовольственного комплекса в России и за рубежом. Методологической основой исследований послужили государственные законодательные акты, указы и постановления правительства, научные труды отечественных и зарубежных ученых-экономистов и специалистов сельского

хозяйства по исследуемому вопросу. Автором использовались монографические, абстрактно-логические, аналитические, экономико-статистические и экспертные методы исследования. Информационной базой исследования являлись информация Федеральной службы государственной статистики, Высшей школы экономики, Министерства сельского хозяйства Российской Федерации, а также специальные справочники.

Результаты исследований.

В статье проведен анализ и оценка затрат на научные исследования с целью выявления закономерностей и тенденций научно-технологического развития агропродовольственного комплекса России.

На рисунке 1 показана доля внутренних затрат на исследования и разработки по сельскохозяйственным наукам в общем объеме затрат на науку в различных странах. Размер финансовых вложений в российскую аграрную науку по сравнению с другими странами не в полной мере соответствует значимости агропромышленного комплекса, который призван обеспечивать продовольственную независимость России.

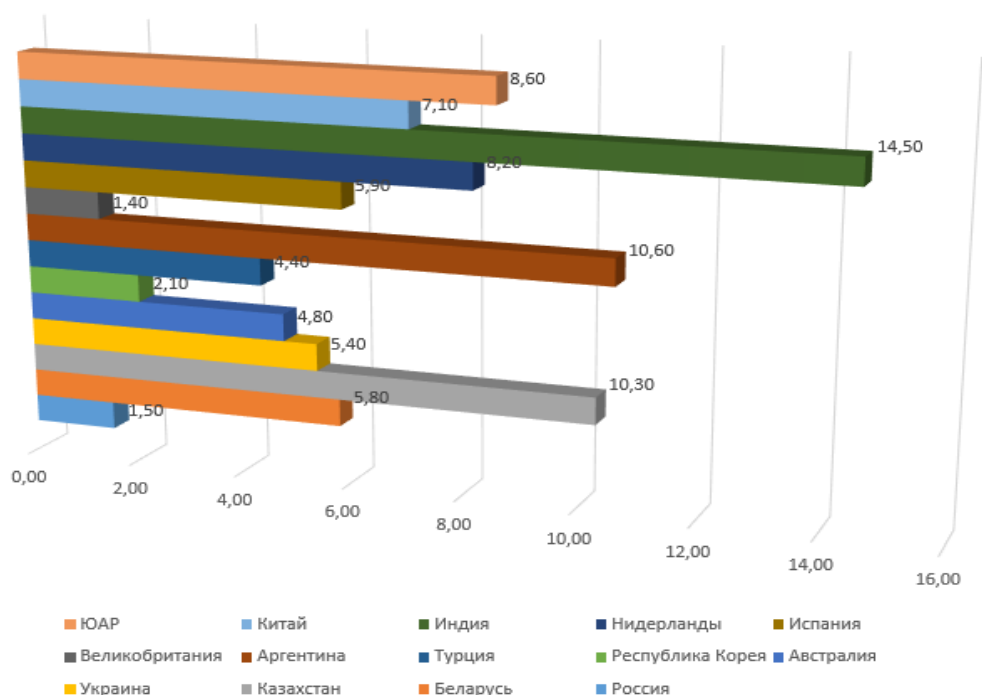

Рисунок 1—Доля внутренних затрат на исследования и разработки в области сельскохозяйственных наук в различных странах (2017 г.), проценты

Инновационный цикл аграрных научных разработок состоит из взаимосвязанных фаз: фундаментальные исследования—прикладные исследования—научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы—производство—реализация. Для каждой фазы инновационного цикла характерны свои особенности, обуславливающие специфику взаимодействия стейкхолдеров, пропорции необходимых ресурсов и специальные оценочные инструменты и механизмы при переходе с одной фазы на другую, обеспечивающие их согласование и оптимизацию ресурсов.

За период 1994–2016 гг. изменилась структура научной деятельности в области сельскохозяйственных наук: затраты на фундаментальные исследования увеличились в 2,6 раза при снижении финансирования прикладных исследований в два раза [4]. Таким образом, удельный вес фундаментальных исследований в общем объеме внутренних текущих затрат на ИР вырос с 22% до 58,9%, а прикладных – сократился с 48% до 27,1%. Данная ситуация способствовала усилению диспропорций и разрыву между стадиями исследовательского цикла, утрате востребованных бизнесом прикладных компетенций и возможностей решения приоритетных научно-технологических задач.

Согласно статистическим данным внутренние текущие затраты на исследования и разработки к 2016 г. выросли в четыре раза по сравнению с 2005 г. и составили 873,78 млрд руб. Затраты в области сельскохозяйственных наук увеличились в 3,3 раза. Затраты на фундаментальные исследования выросли в 4,1 раза, на прикладные исследования – в 2,8 раза, на разработки – в 2,3 раза (рисунок 2). Высокий рост затрат в 8 раз был в области сельскохозяйственных наук в секторе высшего образования. Наибольший объем средств выделялся в государственном секторе. В предпринимательском секторе объем финансирования исследований и разработок сокращается по сравнению с 2005 г.[5].

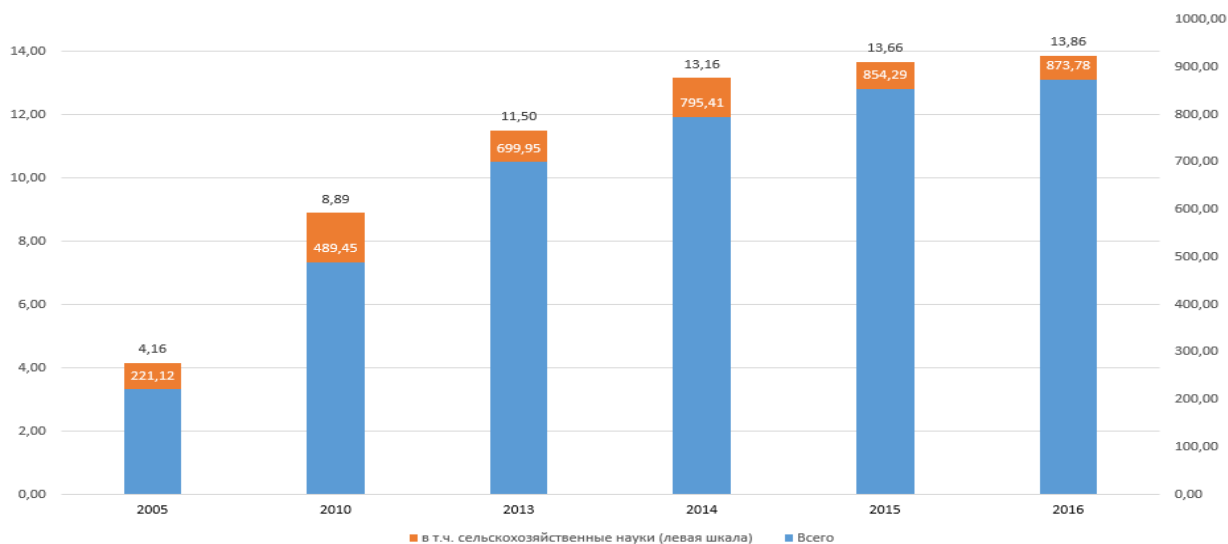

Рисунок 2 –Динамика внутренних текущих затрат на исследования и разработки, млрд руб.

С 2005 по 2016 г. наблюдается тенденция устойчивого роста инвестиционных вливаний в основной капитал. В целом по экономике он увеличился на 11028, 7 млрд руб., или в 4,1 раза. Интерес к инновационной деятельности в России в последние годы возрастает. Однако в различных отраслях его уровень варьируется. Так, например, в сфере производства пищевых продуктов, включая напитки, показатель инновационной активности организаций по экономике возрос в 2016 г. по сравнению с 2010 г. на 0,6%.

Возрос и удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации: на фоне ежегодного снижения в целом по экономике с 2012 г. данный показатель в производстве пищевых продуктов увеличился в 2016 г. по сравнению с 2012 г. на 0, 7%.

Остальные показатели демонстрируют устойчивую тенденцию роста. Например, затраты на технологические инновации организаций за изучаемый период возросли по экономике в целом на 883786,5 млн руб., или в 3,2 раза. Значение показателя объема инновационных товаров, работ и услуг увеличился как по экономике в целом, так и в производстве пищевых продуктов в 3,5 и 2,0 раза соответственно. Также можно отметить рост числа разработанных и используемых передовых производственных технологий: по экономике в целом рост на 76,1 %, в сфере производства пищевых продуктов – в 3,6 раза[6]. Данный анализ показывает выраженные диспропорции между затратами на научные исследования и показателями эффективности инновационной деятельности.

Таким образом, научно-технологическое развитие агропродовольственного комплекса России характеризуется тенденцией увеличения доли затрат в расчете на единицу результата по сравнению с другими отраслями экономики и передовыми мировыми практиками.

Реформирование науки и образование в настоящее время соответствуют ресурсному сценарию развития. Преобладающей мировой тенденцией развития аграрной науки является опережающий рост расходов на научные исследования и разработки относительно роста мирового ВВП.

Необходимо отметить схожие тенденции развития науки и образования в России и в мире: увеличение расходов на исследования в целом и в расчете на одного исследователя; рост доли расходов на исследования в ВВП, однако в несколько раз различаются как темпы роста, так и размеры затрат на научные исследования. Снижение численности исследователей и старение кадров аграрной науки, характерное для России, противоречат общемировой тенденции роста.

Темпы роста затрат на науку в 2000–2016 гг. в России в 1,88 были выше по сравнению со среднемировой тенденцией. При этом за указанный период данный показатель в Китае увеличился почти в 10 раз, в Индии - в 4,5 раза. Расходы в расчете на одного исследователя в мире почти в 6 раз выше, чем в России. Показатель наукоемкости ВВП, т.е. доля расходов на исследования и разработки в ВВП, в мире в 2016 г. составил 2,2%, а в России - был в два раза ниже (1,1%) [7].

В настоящее время большая часть государственных субсидий, как отмечалось ранее, выделяется на фундаментальные исследования и составляет почти 60% ее общего бюджета. Данные исследования не направлены непосредственно на решение практических задач, при том, что именно на них ориентирована в первую очередь сельскохозяйственная наука. В результате оказываются недофинансированными прикладные исследования и разработки, что и обуславливает зависимость отечественных аграриев от импортных технологий. В свою очередь общемировые тренды последних лет проявляются в растущем интересе инвесторов к аграрному сектору, что подтверждается формированием фондов, финансирующих проведение НИОКР в сельском хозяйстве.

Несомненно, что необходимо увеличить расходы на прикладные исследования и разработки, что позволит ускорить их внедрение в сельскохозяйственное производство. Механизм выделения средств также нуждается в корректировке. Предлагается оказывать господдержку научным исследованиям по фактическим результатам исследований, которые должны восприниматься рынком. Прием этих результатов целесообразно проводить производителям, представителям бизнеса в лице, например, союзов и ассоциаций сельхозтоваропроизводителей или руководящих органов АПК. Тем самым выделяемые государством субсидии на исследования дойдут до производителей научных продуктов, востребованных сельским хозяйством.

Также предлагается создание совета по мониторингу, экспертизе и прогнозированию результатов научных разработок на всех фазах инновационного цикла при Отделении сельскохозяйственных наук РАН. В состав Совета целесообразно включить представителей всех авторов инновационного процесса: ведущих ученых-аграрников, экспертов РАН, представителей Министерства сельского хозяйства России, сельскохозяйственных товаропроизводителей, институтов развития.

Совершенствование подходов к финансовому обеспечению научно-технологического развития агропродовольственного комплекса состоит в формировании при Минсельхозе России Фонда инновационного развития сельского хозяйства по примеру функционирующего Фонда развития промышленности. Деятельность данного Фонда предполагается направить исключительно на прикладные исследования и разработки, а также управление освоением их результатов в сельскохозяйственное производство. В органы управления Фондом предлагается включить представителей Отделения сельскохозяйственных наук РАН. С целью развития инновационной деятельности в аграрном секторе экономике при ведущих аграрных университетах и научно-исследовательских институтах целесообразно создавать научно-производственные объединения, «технологические долины» с целью коммерциализации результатов научных исследований, деятельность которых будет направлена на проведение обучающих программ, мониторинга востребованных инноваций, организации консультационной и выставочной деятельности, заключения соглашения о сотрудничестве по внедрению инноваций в сельскохозяйственные организации. Данные структуры также будут оценивать результаты инновационной деятельности и дальнейшее распространение эффективных инноваций [8].

Заключение.

Таким образом, в ходе исследований выявлены положительные тенденции финансирования аграрной науки, стимулирующие научно-технологическое развитие агропродовольственного комплекса. К ним относятся увеличение расходов на исследования в целом и в расчете на одного исследователя; рост доли расходов на исследования в ВВП. Выявлен растущий интерес инвесторов к аграрному сектору, что подтверждается формированием фондов, финансирующих проведение НИОКР в сельском хозяйстве.

Проведенное исследование позволило выявить негативные тенденции, сдерживающие научно-технологическое развитие: увеличение доли затрат в расчете на единицу результата по сравнению с другими отраслями экономики и передовыми мировыми практиками; ресурсный сценарий развития науки и образования в России по сравнению с мировой тенденцией инновационного роста, характеризующийся опережающим ростом расходов на научные исследования и разработки относительно роста мирового ВВП. В России по сравнению с ведущими мировыми практиками существенно различаются темпы роста и размеры затрат на научные исследования, для российской аграрной науки характерно снижение численности исследователей и старение кадров аграрной науки, что противоречит общемировой тенденции.

При анализе структуры источников финансирования аграрной науки выявлена тенденция увеличения удельного веса затрат на фундаментальные исследования в общем объеме внутренних текущих затрат и сокращение затрат на прикладные исследования, что способствует усилению диспропорций и разрыву между стадиями исследовательского цикла, утрате востребованных бизнесом прикладных компетенций и возможностей решения приоритетных научно-технологических задач.

Для дальнейшего научно-технологического развития агропродовольственного комплекса необходимо сформировать систему финансовых институтов для бесперебойного непрерывного финансирования бизнеса на всех фазах инновационного цикла. Среди таких институтов отметим государственные фонды поддержки, венчурные фонды, фонды поддержки малого инновационного предпринимательства, государственно-частное партнерство, грантовую деятельность, импакт-инвестирование. Механизм выделения средств также нуждается в корректировке. Предлагается корректировка механизма выделения средств по принципу оказания господдержки научных исследований по фактическим результатам, которые должны восприниматься рынком. Для повышения качественного уровня научных разработок целесообразно создать совет по мониторингу, экспертизе и прогнозированию результатов освоения научных разработок на всех фазах инновационного цикла при Отделении сельскохозяйственных наук РАН. Повышение эффективности связей между наукой и сельскохозяйственным производством возможно путем создания при ведущих аграрных университетах и НИИ «технологических долин» для коммерциализации результатов НИОКР. Совершенствование подходов к финансированию аграрной науки с учетом усиления связи наука–производство и развития институционального взаимодействия акторов инновационного процесса позволит ускорить научно-технологическое развитие агропродовольственного комплекса страны.

Список литературы:

1. Андрющенко С.А. Васильченко М.Я., Трифонова Е.Н. Факторы повышения эффективности производственного потенциала молочного скотоводства и молочной промышленности России // Аграрный научный журнал. – 2018. – № 5. – С. 59–66
2. Derunova E.A. (2019). Integration of components of the mechanism of realization of priorities of scientific and intellectual potential of agri-food complex // Scientific Papers Series Management, Economic Engineering in Agriculture and Rural Development, Vol.19 (3):149–164.
3. Семина А.Н. Новые вызовы и приоритеты агроэкономических исследований // Экономика сельского хозяйства России. – 2020. – № 1. – С. 55–59.

4. Прогноз научно-технологического развития агропромышленного комплекса Российской Федерации на период до 2030 года – URL: <https://issek.hse.ru/data/2017/02/06/1167349282/Прогноз%20научно-технической%20сферы.pdf>
5. Справка о состоянии научных исследований, проводимых в интересах сельского хозяйства и агропромышленного комплекса России. – URL: https://rosinformagrotech.ru/images/fntp/spravka_o_sostoianii_130e8.pdf
6. Национальная продовольственная безопасность России: стратегические приоритеты и условия обеспечения / А.А. Анфиногентова [и др.]; под общ. ред. Т.В. Блиновой. – Саратов: Изд-во «Саратовский источник», 2018. – 413 с.
7. Нечаев В.И., Михайлушкин П.В. Проблемы научно-инновационного развития отраслей АПК // Экономика сельского хозяйства России. – 2019. – № 5. – С. 52–59.
8. Дерунова Е.А. Моделирование оценки эффективности научных разработок в сельском хозяйстве // Экономика региона. – 2012. – № 2 (30). – С. 250–257.

ТРАНСФЕР ТЕХНОЛОГИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ АГРАРНОЙ ЭКОНОМИКИ: ИССЛЕДОВАНИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЫ¹

Монахов С.В., к.э.н., Шиханова Ю.А., к.э.н., Потоцкая Л.Н., к.э.н.,
Новикова Н.А., к.э.н., ФГБОУ ВО Саратовский ГАУ им. Н.И. Вавилова

В статье исследованы институциональные основы трансфера технологий в современных условиях. Рассмотрены формальные и неформальные институты, обеспечивающие трансфер технологий в аграрной экономике. Представлены созданные в настоящее время институты - центры трансфера технологий в России. Проанализированы основные факторы, влияющие на трансфер технологий в аграрной экономике. Сделан вывод о необходимости формирования крупномасштабных специализированных зон функционирования, развития и совершенствования межрегиональных связей для обеспечения эффективного механизма трансфера технологий.

Ключевые слова: институциональная среда, трансфер технологий, цифровизация, аграрная экономика.

TECHNOLOGY TRANSFER IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION OF THE AGRICULTURAL ECONOMY: RESEARCH OF THE INSTITUTIONAL ENVIRONMENT

Monakhov S.V., candidate of economic sciences,
Shikhanova J.A., candidate of economic sciences,
Pototskaya L.N., candidate of economic sciences,
Novikova N.A., candidate of economic sciences,
Saratov State Agrarian University named after N.I. Vavilov

The authors studied the institutional foundations of technology transfer in modern conditions. Formal and informal institutions that provide technology transfer in the agricultural economy are considered. Currently established institutes - centers for technology transfer in Russia are presented. The main factors affecting the transfer of technologies in the agricultural economy are analyzed. It is concluded that it is necessary to form large-scale specialized zones for the functioning, development and improvement of interregional relations in order to provide an effective mechanism for technology transfer.

Key words: institutional environment, technology transfer, digitalization, agricultural economy.

Введение.

Институциональная среда трансфера технологий в современной аграрной экономике представляет собой сложное и многомерное явление, связанное с взаимодействием географических, социальных и экономических факторов и механизмов [1,2]. Выявление научных основ формирования институциональной среды трансфера технологий в условиях цифровизации аграрной экономики включает в себя: типологизацию положительных связей взаимоотношений производителей продукции с потребителями, группировку факторов благоприятного функционирования цифровой аграрной экономики, обоснование направлений совершенствования механизма трансфера технологий при ограниченных финансовых ресурсах за счет увеличения и оптимизации использования социального, институционального и экономического потенциала.

Целью исследования являлось изучение институциональной среды трансфера технологий в условиях цифровизации экономики.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-010-00324

Результаты исследования.

Основополагающим при характеристике свойств институциональной среды является отнесение институтов к формальным (оформленным приказом, распоряжением или иным соответствующим документом), частично формальным или неформальным. Процесс возникновения института можно рассматривать как постепенное или одномоментное возникновение с описанием существенных норм и правил, исключение которых приведет к дезорганизации данной сферы деятельности или нарушению координации между сферами [3].

Для характеристики институциональной среды трансфера технологий в экономике РФ важно выявить и идентифицировать существующие институты: «центры трансфера технологий при образовательных и научно-исследовательских учреждениях», «национальная ассоциация трансфера технологий» и др. (рис.).

НЕКОТОРЫЕ ЦЕНТРЫ ТРАНСФЕРА ТЕХНОЛОГИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ			
ЦЕНТР ТРАНСФЕРА ТЕХНОЛОГИЙ МГУ ИМ М.В. ЛОМОНОСОВА	РОССИЙСКИЙ ЦЕНТР ТРАНСФЕРА ТЕХНОЛОГИЙ	МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР ТРАНСФЕРА ТЕХНОЛОГИЙ	
ЦЕНТР ТРАНСФЕРА ТЕХНОЛОГИЙ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК	УЛЬЯНОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ ЦЕНТР ТРАНСФЕРА ТЕХНОЛОГИЙ	СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ЦЕНТР ТРАНСФЕРА ТЕХНОЛОГИЙ	
ЦЕНТР ТРАНСФЕРА ТЕХНОЛОГИЙ И КОММЕРЦИАЛИЗАЦИИ ОБЪЕКТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ ПРИ САРАТОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ТЕХНИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ИМЕНИ ГАГАРИНА Ю.А.			
МИССИЯ И ЗАДАЧИ ЦЕНТРОВ ТРАНСФЕРА ТЕХНОЛОГИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ			
Центр трансфера технологий МГУ им М.В. Ломоносова – содействие развитию инновационной деятельности, обеспечение охраны результатов научно-исследовательской деятельности сотрудников в МГУ, обеспечение трансфера разработок МГУ посредством лицензирования технологий и создание условий эффективного взаимодействия университета с промышленностью			
Российский центр трансфера технологий – поиск партнеров для внедрения высокотехнологичных разработок, решение технологических проблем, проведение совместных прикладных исследований, а также деловое сотрудничество по производству и продвижению инновационной продукции			
Московский центр трансфера технологий – осуществление экспертизы научной, технологической и конструкторской документации, содействие разработчику в грамотном проведении оценки необходимых финансовых и материальных затрат на реализацию соответствующих проектов, составление бизнес-планов, содействие в организации взаимосвязей с потенциальными покупателями, инвесторами, проявляющими заинтересованность в создании и коммерческом использовании результатов инновационной деятельности			
Центр трансфера технологий Сибирского Отделения Российской Академии Наук – осуществление научных исследований и разработок в области естественных и технических наук, финансовое посредничество, научные исследования и разработки в области общественных и гуманитарных наук, исследование конъюнктуры рынка, консультирование по вопросам коммерческой деятельности и управления			
Ульяновский областной центр трансфера технологий – осуществление инвестирования и сопровождения технологического предпринимательства на ранних стадиях, поиск технологий, создание технологических стартапов. Является нанотехнологическим центром входящим в сеть наноцентров РОСНАНО			
Северо-западный центр трансфера технологий – входит в сеть нанотехнологических центров, деятельность которых направлена на коммерциализацию технологий в области nanoиндустрии на базе объединения лабораторного и технологического оборудования, а также комплекса сервисов маркетинговой и бизнес-поддержки малых инновационных компаний			
Центр трансфера технологий и коммерциализации объектов интеллектуальной собственности при Саратовском государственном техническом университете имени Гагарина Ю.А. – поиск партнеров для разработки и внедрения новых наукоемких технологий, содействие коммерциализации наукоемких технологий, созданных в СГТУ, их передача предприятиям			

Рисунок – Миссия и задачи некоторых центров трансфера технологий РФ

Формирование институциональной среды трансфера технологий является естественным продолжением развития аграрной экономики под влиянием ряда объективных факторов, однако, они постоянно и повсеместно подвергаются внешнему воздействию со стороны государственных органов управления, крупных корпораций, международных объединений [4]. В условиях изменения политической и экономической ситуации, степень и направление этого воздействия также видоизменяется. Базовые принципы функционирования трансфера технологий, заключающиеся в минимизации издержек и максимизации прибыли, остаются неизменными, но при этом существуют значительные отличия в научных подходах решения поставленной проблемы. К их числу можно отнести: использование методов и методик различных научных направлений исследования и их сочетаний; отбор ключевых факторов, определяющих цифровизацию конкретного региона; выбор ресурсов, за счет которых предполагается оптимизировать институциональную среду; определение уровня изолированности или вовлеченности в межрегиональные и международные связи.

Производство высокотехнологичной продукции требует формирования крупномасштабных специализированных зон функционирования, развития и совершенствования межрегиональных связей. Институциональная среда трансфера технологий в сельскохозяйственном производстве предполагает экономическое и географическое единство, сходные социальные и экономические условия. Преимуществом использования трансфера технологий в аграрной экономике является возможность распространения информации о разработанной высокотехнологичной продукции и определение возможностей для применения совместных высокотехнологичных проектов.

Заключение.

Необходимо выделить следующие процессы, сопутствующие формированию институциональной среды трансфера технологий в современных условиях:

- возрастание участия информационных ресурсов в процессе трансфера технологий;
- внедрение инноваций, основанных на аккумулировании аддитивных технологий, искусственного интеллекта, опосредующих оптимизацию производственных и управленческих процессов;
- формирование интенсивного рыночного взаимодействия хозяйствующих субъектов на основе информационно-телекоммуникационных технологий;
- трансформация информационных продуктов и услуг в автономную составляющую отечественной экономики.

В качестве инструментов решения выше обозначенных задач можно выделить:

- разработку и внедрение стратегической программы формирования инновационной инфраструктуры, дополненной элементами, сопровождающими все этапы трансфера технологий;
- разработку и определение целевых индикаторов оценки функционирования системы трансфера технологий;
- законодательное закрепление отношений между участниками системы трансфера технологий, расширение нормативно-правового поля, допустимое регулирование взаимоотношений участников трансфера технологий;
- разработку и внедрение новых государственных программ, предполагающих финансирование (в формате государственно-частного партнерства) создания интеллектуальных разработок;
- увеличение инвестиционной привлекательности российского сельского хозяйства посредством создания благоприятного инвестиционного климата;
- профессиональную подготовку квалифицированных кадров в области коммерциализации научных знаний.

Применение перечисленных мер позволит оптимизировать инновационную инфраструктуру, обеспечит поступательное развитие системы трансфера технологий, создаст условия, стимулирующие взаимодействие науки и предпринимательства, будет способствовать росту инновационной активности и технологической безопасности Российской Федерации.

Список литературы:

1. Кузнецов Н.И., Милованов А.Н., Шиханова Ю.А., Потоцкая Л.Н., Монахов С.В. Научные основы развития цифровой экономики в сельском хозяйстве России // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. - 2019. - № 3 (77). - С. 125-129.
2. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28июля 2018 г. № 1632-Р оутверждении прилагаемой программы «Цифровая экономика Российской Федерации» – URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf>.
3. Заворотин Е.Ф., Гордополова А.А., Тюрина Н.С., Потоцкая Л.Н. Информационно-аналитический метод поддержки принятия решений при управлении земельными ресурсами в сельском хозяйстве // Научное обозрение: теория и практика. - 2017. - № 5. - С. 27-35.
4. Кузнецов Н.И., Уколова Н.В., Монахов С.В., Шиханова Ю.А., Санникова М.О. Тенденции развития цифровой экономики современной России // Актуальные проблемы и перспективы развития государственной статистики в современных условиях: мат-лы IV междунар. науч.-практ. конф. – Саратов, 2018. – С. 137–139.

АКТУАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ РАЗВИТИЯ АПК РОССИИ В СОСТАВЕ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Решетникова Н.В., к.э.н., ИАГП РАН

Проанализированы актуальные тренды развития мирового агропродовольственного комплекса. Выявлены точки роста для аграрного сектора отечественной экономики. На основе анализа индекса «The Global Food Security Index» изучено положение российского агропродовольственного комплекса в составе мировой экономики. Предложены стратегические направления развития АПК России с учетом глобальных вызовов. Рассмотрены вопросы функционирования агропродовольственного комплекса в условиях становления и развития цифровой экономики, изучены перспективы и риски данного направления.

Ключевые слова: агропродовольственный комплекс, мировой продовольственный рынок, зарубежный опыт, продовольственная безопасность, цифровая экономика.

ACTUAL TRENDS OF DEVELOPMENT OF THE AGRICULTURAL INDUSTRY OF RUSSIA IN WORLD ECONOMY

Reshetnikova N.V., candidate of economic sciences, IAGP RAS

The article discusses current trends in the development of the global agri-food complex. Growth points for the agricultural sector of the domestic economy are identified. Based on the analysis of the “The Global Food Security Index” index, the position of the Russian agri-food complex in the global economy was studied. Strategic directions for the development of the Russian agro-industrial complex taking into account global challenges are proposed. The issues of the functioning of the agri-food complex in the conditions of the formation and development of the digital economy are examined; the prospects and risks of this direction are studied.

Key words: agri-food complex, world food market, foreign experience, food security, digital economy.

Введение.

Мировой агропродовольственный комплекс, как и вся экономика, испытывает на себе влияние целого ряда глобальных трансформаций, вызванных совокупностью факторов. К ним стоит отнести изменения в структуре потребления, рост численности населения и повышение его благосостояния, а также технологическую революцию, которая за последние десятилетия значительно видоизменила систему организации агропроизводства и распространения агроинноваций.

Глобальные шоки и трансформационные процессы, повлекшие за собой экономический кризис, а также научно-технический прогресс предъявляют всё более высокие требования к адаптации и дальнейшему развитию агропродовольственного комплекса. Отечественному агропродовольственному комплексу необходимо сохранять и наращивать конкурентные позиции, развиваться в соответствии с мировыми трендами.

Цель исследования состоит в разработке стратегических направлений развития отечественного агропродовольственного комплекса на основе его современного положения в мировом АПК.

Методика исследования.

Использование в ходе исследований монографического и абстрактно-логического методов дало возможность выявить тенденции развития мирового продовольственного рынка, определить место национального агропродовольственного комплекса в составе мировой экономики, обозначить точки роста для аграрного сектора отечественной экономики.

Результаты исследования.

В целях оценки положения России в мировом агропродовольственном комплексе и сравнении достижения продовольственной безопасности был проведен анализ индекса «The Global Food Security Index». Индекс GFSI представляет собой ежегодную оценку продовольственной безопасности в 113 странах на основе мониторинга динамики продовольственных систем. Анализ данного индекса позволяет исследовать проблемы продовольственной безопасности в трех направлениях. Индекс GFSI представляет собой динамическую количественную и качественную модель сравнительного анализа, построенную на основе 34 показателей, которые позволяют оценить эти различные факторы продовольственной безопасности. Методология расчета индекса позволяет оценить и проследить динамику проблемы экономической и физической доступности продуктов питания, их качество и безопасность, природные ресурсы и устойчивость [1]. GFSI включает поправочный коэффициент на природные ресурсы и устойчивость, что позволяет оценивать подверженность страны воздействию изменяющегося климата; ее восприимчивость к рискам, связанным с природными ресурсами, и то, как страна адаптируется к этим рискам.

Продовольственная безопасность характеризуется таким социально-экономическим и экологическим состоянием страны, при котором имеется физический, социальный и экономический доступ населения к достаточному и полноценному питанию, удовлетворяющее диетические потребности в здоровой и активной жизни. Показатели группы «экономической доступности» оценивают способность потребителей приобретать продовольствие, их уязвимость перед ценовыми потрясениями и наличие программ и стратегий поддержки потребителей в случае возникновения потрясений. Показатели физической доступности продовольствия направлены на мониторинг достаточности национального продовольственного снабжения, риск срыва поставок, национальный потенциал по распространению продовольствия и научно-исследовательские усилия по расширению сельскохозяйственного производства. Оценка качества и безопасности продовольствия проводится в целях исследования разнообразия и питательного качества средних диет, а также безопасности пищевых продуктов. Перечисленные группы показателей физической и экономической доступности, а также качества и безопасности продовольствия относятся к регулируемым сферам. Экологические параметры в большей степени являются факторами риска, не в полной мере поддающиеся регулированию. Группа показателей состояния природных ресурсов и экологии изучает подверженность страны изменениям климата, влияние природных рисков и возможности адаптации и оперативного реагирования на подобные риски. Важным направлением мониторинга экологической обстановки является изучение истощения природных ресурсов, необходимых для поддержания продовольственной безопасности, и подверженности воздействию изменения климата. Своевременное выявление и устранение экологических проблем крайне важно для устранения угроз продовольственной безопасности со стороны изменения климата и рисков, связанных с ресурсами.

Экологическая сторона вопроса продовольственной безопасности важна для агропродовольственных систем во всем мире. В 2019 г. индекс глобальной продовольственной безопасности делает акцент на важности инноваций и инвестиций в продовольственные системы для адаптации к климатическим угрозам. Взаимосвязь между продовольственной безопасностью и окружающей средой часто определяется как компромисс из-за воздействия увеличения сельскохозяйственного производства на выбросы, леса и природные ресурсы. Тем не менее необходимо перейти от противопоставления к согласованному функционированию. Велика важность экологической поддержки агропродовольственных систем для защиты природных ресурсов от негативных воздействий. Это может защитить пищевой сектор от самых серьезных последствий изменения климата и минимизировать воздействие сельского хозяйства на окружающую среду.

В мировом рейтинге продовольственной безопасности Россия находится на 42-м месте из 113 стран. Большинство стран Европейского региона (кроме Словакии – 47, Болгарии –

51, Сербии – 61, Украины – 76) расположены в данном рейтинге выше. Ближайшими «соседями» России в рейтинге являются Турция (41 место) и Колумбия (43 место).

В группе параметров экономической доступности продовольствия рассматриваются такие показатели, как средние расходы на питание, доля населения, находящегося за глобальной чертой бедности, ВВП на душу населения, сельскохозяйственные импортные тарифы, наличие и качество программ продовольственной безопасности и их финансирование, охват программ продовольственной безопасности, функционирование программ продовольственной безопасности, доступ к финансированию для фермеров. В целом данное направление для России оценено наиболее позитивно в сравнении с другими. Все значения показателей находятся в зеленой зоне. Наибольшие оценки получили показатели «доступ к финансированию для фермеров», «наличие и качество программ продовольственной безопасности». Точками роста в данной группе параметров должны стать «средние расходы на продукты питания» и «ВВП на душу населения».

В рамках физической доступности продовольствия рассматриваются следующие показатели: достаточность предложения продовольствия, средняя обеспеченность продовольствием, изменение зависимости от хронической продовольственной помощи, государственные расходы на сельскохозяйственные НИОКР, сельскохозяйственная инфраструктура, инфраструктура хранения продукции АПК, дорожная, портовая, железнодорожная инфраструктура, инфраструктура воздушного транспорта, ирригационная инфраструктура, неустойчивость сельскохозяйственного производства, риск политической стабильности, коррупция, абсорбционная способность городов, потеря еды.

В целом данная группа показателей является наиболее проблемной для России и относит нашу страну на 52-е место. Проблемными показателями являются коррупция, риск политической стабильности, государственные расходы на сельскохозяйственные НИОКР, сельскохозяйственная инфраструктура. Наибольшие оценки получили показатели «достаточность предложения продовольствия» и «потери еды».

Группа показателей качества и безопасности продуктов питания ставит Россию на 41-е место и включает оценку разнообразия рациона, пищевые стандарты, доступность микроэлементов, качество белка, безопасность пищевых продуктов. В этой группе в красной зоне находится только показатель «пищевые стандарты», остальные показатели получили позитивную оценку.

По результатам анализа продовольственной безопасности России можно выделить следующие сильные и слабые стороны агропродовольственного комплекса (таблица).

Таблица – Состояние и перспективы развития агропродовольственного комплекса России на основе индекса «The Global Food Security Index»

Сильные стороны	Индикатор	Слабые стороны	Индикатор
Доля населения, находящегося за глобальной чертой бедности	100	Коррупция	0
Наличие и качество программ продовольственной безопасности	100	Государственные расходы на сельскохозяйственные НИОКР	3,8
Доступ к финансированию для фермеров	100	Валовой внутренний продукт на душу населения	20,7
Безопасность пищевых продуктов	98		
Изменение средних расходов на питание	96,5		
Потеря еды	95,5		
Абсорбционная способность городов	83,6		
Неустойчивость сельскохозяйственного производства	83,4		
Сельскохозяйственные импортные тарифы	82,4		
Достаточность предложения	77,3		

Примечание: «сильные стороны» определяются как любая оценка индикатора выше 75,0

Агропродовольственный комплекс России имеет как значительный потенциал, так и широкий перечень точек роста. Трансформацию агропродовольственного комплекса определяет набор базовых предпосылок. Рассмотрим основные из них. Во-первых, это трансформа-

ция структуры спроса и потребления. Большинство экспертов придерживаются мнения о тенденции увеличения численности мирового населения и роста среднего уровня благосостояния, что является предпосылками для тенденции увеличения спроса на продукты питания [2]. При этом отмечается сильная дифференциация в социальном плане, а также влияния трендов активного роста ниши функциональных и экопродуктов.

Во-вторых, изменения в структуре добавленной стоимости. Активное внедрение цифровых технологий в производственно-сбытовые и управленческие процессы вызывает значительное изменение существующих бизнес-моделей. Производственно-сбытовые цепочки, основанные на информационно-коммуникационных технологиях, позволяют связывать потребителя и производителя напрямую, минимизируя перекупщиков [3]. Современная технологическая парадигма представляет собой конвергенцию информационных технологий, новых материалов и нанотехнологий, энергетических, биотехнологий и транспортных систем.

В-третьих, изменение имиджевых установок об агропродовольственном комплексе. Необходимо не только модернизировать производственные процессы в секторе, но и повысить социальную привлекательность сельской жизни [4]. Это позволит привлекать высокопрофессиональные кадры и создать высокотехнологичные аграрные производства, которые заботятся об окружающей среде и позволяют значимым образом менять уровень жизни и благосостояния общества.

Нарастающая на мировом уровне конкуренция в агропродовольственном комплексе предъявляет повышенные требования к профессиональным навыкам, а, следовательно, и образованию в сфере АПК. Оно должно стремиться отвечать требованиям междисциплинарности, опираться на серьезные научные исследования, ориентироваться на потребности реального сектора и отвечать вызовам со стороны глобальных трендов, формирующих облик будущего агропромышленного комплекса не только на ближайшие 3–5 лет, но и в долгосрочной перспективе. Если ранее агропродовольственный комплекс не относили к высокотехнологичным отраслям, то в среднесрочной перспективе внедрение инновационных и цифровых технологий в производственный процесс позволит вывести отрасль на новый технологический уровень и открыть новые перспективы развития. Такая амбициозная стратегия развития ставит новые задачи перед образованием в агропродовольственной сфере. Активное внедрение передовых инновационных технологий в аграрное производство предъявляет новые требования к образованию и современным профессиональным навыкам. В рамках разрабатываемой стратегии развития аграрного образования до 2030 г. планируется модернизировать существующую систему аграрных вузов, создать новые технологии обучения, адекватные современным условиям, в частности, аграрные вузы должны стать консультационными центрами для всех участников аграрного рынка, а также обеспечить постоянное повышение квалификации специалистов [5]. Автоматизация производства в агропродовольственном комплексе создает новый профессиональный портрет работников АПК. Работники должны уметь работать и с робототехникой, и с программным обеспечением. Несмотря на традиционную проблему сокращения населения на сельских территориях, внедрение передовых, в том числе и цифровых технологий, сократит потребность сельскохозяйственного производства в рабочей силе. Этот вопрос необходимо предусмотреть заранее.

Инновационность АПК страны позволит обеспечить его конкурентоспособность на мировых рынках, поэтому наука и образование должны оказать ресурсную поддержку агропродовольственному комплексу. Цифровые технологии объединяют в единую систему всю производственную цепочку — от создания новых удобрений и видов животных и растений до выпуска функциональных продуктов. Возможности цифровых технологий расширяют резервы увеличения производительности, снижения затрат и себестоимости [6]. Цифровые технологии должны быть интегрированы с агрономией и представлять единую систему. Например, концепция точного земледелия включает в себя совокупность элементов цифровизации, начиная с обработки и анализа спутниковых снимков и заканчивая картированием урожайности.

Основными сдерживающими факторами развития цифровых технологий в агропродовольственном комплексе являются финансовая доступность таких продуктов и качество самих программных решений, предлагаемых разработчиками [7]. Сельхозпроизводители нуждаются не в отдельных элементах технологии, а в комплексных решениях. При этом внедрение цифровых технологий в АПК позволит повысить точность аграрного производства, нарастить объемы производства продукции, при этом снизить ее себестоимость. Поддержка государства по данному направлению представляется эффективной и для производителей, и для государства. При этом важно, чтобы цифровизация конкретного агропредприятия не была искусственно насаждена государством, а органически оптимизировала и дополнила другие механизмы функционирования.

Заключение.

Можно выделить следующие основные направления развития мирового агропродовольственного комплекса. В первую очередь это интеграция агротехнологий и цифровых технологий. Концепция умного города предоставляет возможности для развития вертикальных урбанизированных ферм. Появление вертикальных ферм на городских территориях позволит на небольшой площади в черте города выращивать сельхозкультуры [8]. Для мирового АПК это новый и еще не получивший широкого распространения тренд, однако он представляется перспективным в связи с постоянным ростом урбанизации, сокращением сельского населения и модой на экологически чистую продукцию.

Маркировка продуктов питания, истории о том, кто, где и как их выращивает уже применяется в развитых странах. Дальнейшее распространение этой практики будет способствовать росту реализации экологически чистой продукции и повышению здоровья наций. Дальнейшее развитие и совершенствование селективных технологий в связи с развитием науки и изменениями климата – экспоненциальный тренд. А также внедрение систем онлайн-мониторинга состояния животных, посевов и техники, появление на рынке альтернативных источников протеина и других питательных веществ, функциональных продуктов питания [9]. Особенностью современного периода развития агропродовольственного комплекса является искренняя заинтересованность бизнеса в кооперации с наукой всех ее отраслей.

Развитие информационных, био- и нанотехнологий инициирует трансформации в цепочке распределения добавленной стоимости [10]. Для агропродовольственного комплекса России свойственны те же социально-экономические и социальные процессы, что и в других секторах экономики. Техническое оснащение агропродовольственного комплекса сильно дифференцировано: в институциональной структуре сочетаются модернизированные по последнему слову техники транснациональные холдинги и многочисленные фермерские хозяйства. В структуре экспорта превалирует продукция с низкой добавленной стоимостью, что сочетается с логистическими и операционными потерями. Тем не менее в оптимистическом сценарии развития отечественного агропродовольственного комплекса он может стать одной из передовых демонстрационных площадок результатов новой технологической революции, перевода аграрного производства на безлюдный режим.

Список литературы:

1. The Global Food Security Index. – URL: <https://foodsecurityindex.eiu.com/>
2. Конкурентоспособность агропродовольственного комплекса России в условиях глобальных вызовов / А.А. Анфиногентова [и др.] – Саратов, 2017. – 402 с.
3. Сухорукова А.М. Условия и факторы, определяющие структурные сдвиги в современной экономике России // Структурные изменения в экономике России в условиях торгово-экономических санкций и политики импортозамещения: сб. науч. тр. по итогам Всерос. науч.-практ. конф., 2017. – Саратов, 2017. – С. 120–125.
4. Национальная продовольственная безопасность России: стратегические приоритеты и условия обеспечения / А.А. Анфиногентова [и др.] – Саратов, 2018. – 413 с.

5. Попов М.В., Сухорукова А.М. Кадровый потенциал в реализации программы «Цифровая экономика Российской Федерации» // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2018. – № 4 (73). – С. 15–21.
6. Ермолова О.В., Кирсанов В.В. Управление структурными изменениями в агропродовольственном комплексе // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2018. – Т. 1. – № 12. – С. 58–68.
7. Демидова Е.А. Экономические вызовы в развитии АПК: отраслевые перспективы России // Экономические науки. – 2020. – №4 (94). – С. 15–18.
8. Яковенко Н.А., Иваненко И.С., Воронов А.С. Структурная модернизация как фактор роста конкурентоспособности агропродовольственного комплекса России // Международный сельскохозяйственный журнал. – 2019. – № 1 (367). – С. 17–20.
9. Развитие продовольственной системы России в условиях современных стратегических рисков / Н.А. Барышникова [и др.]. – Саратов, 2017. – 186 с.
10. Яковенко Н.А. Влияние технологических сдвигов на рост конкурентоспособности агропродовольственного комплекса России // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2019. – № 3. – С. 15–21.

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ СТАБИЛЬНОГО СПРОСА НА ПРОДОВОЛЬСТВИЕ

Иосипенко В.Д., к.э.н., ИАГП РАН

В статье прослежена эволюция взглядов на проблему рационального потребительского выбора в экономической теории, раскрыты новые подходы поведенческой экономики к проблеме рациональности и обоснования нового патернализма. Систематизированы факторы формирования стабильного платежеспособного спроса на продукцию агропродовольственного комплекса. Осуществлен анализ структурных сдвигов спроса на продовольствие в условиях различной динамики реальных доходов населения. Проанализирован зарубежный опыт, перспективы развития системы оптовых продовольственных рынков в России как фактор снижения входных барьеров для фермеров на продовольственный рынок и сокращения издержек обращения малого агробизнеса при производстве и реализации продуктов питания.

Ключевые слова: платежеспособный спрос на продукты питания, рациональность потребительского выбора, малый агробизнес, система оптовых продовольственных рынков.

FACTORS OF FORMATION OF STABLE FOOD DEMAND

Iosipenko V.D., candidate of economic sciences, IAgP RAS

The article traces the evolution of views on the problem of rational consumer choice in economic theory, reveals new approaches of behavioral economics to the problem of rationality and substantiation of new paternalism. The factors of the formation of a stable solvent demand for agricultural products are systematized. The analysis of structural changes in food demand in the context of different dynamics of real incomes of the population is carried out. Foreign experience and prospects for the development of a system of wholesale food markets in Russia are analyzed as a factor in lowering entry barriers for farmers to the food market and reducing the costs of small agribusiness circulation in the production and sale of food.

Key words: solvent demand for food products, rationality of consumer choice, small agribusiness, system of wholesale food markets.

Введение.

В основе изучения факторов, определяющих величину и структуру платежеспособного спроса, лежит рассмотрение эволюции взглядов экономической теории на проблему рационального выбора потребителя от подходов маржиналистов и неоклассиков до идей новой поведенческой экономики, которая предоставляет комплексное междисциплинарное объяснение потребительского выбора, не отвергает полностью идею рациональности, но уточняет тезис о том, что приближению к данному идеалу мешают когнитивные ошибки потребителя и ограниченность информации. Отмеченные моменты являются основой для возникновения нового патернализма, для теоретического обоснования необходимости государственного вмешательства в поведение ограниченно рационального индивида. Динамика внутреннего спроса на продовольствие зависит от используемых теоретических подходов к достижению макроэкономической стабильности, применения инструментов современной денежной теории, одним из важнейших положений которой является необходимость активных действий государства в финансовой и денежно-кредитной сферах. К факторам, определяющим уровень и структуру платежеспособного спроса на основные продукты питания относят экономические, социальные, демографические, природно-климатические, национально- исторические, психологические. В условиях кризисного развития экономической системы, снижения реальных доходов населения мощным ограничителем уровня спроса становятся цены на продовольственную продукцию. Изменение направленности вектора доходов влияет на рост потребительской уверенности, приводит к повышению значения качества продовольственной продукции. Цена продовольствия определяется издержками производства и обращения

товара. Увеличение каналов товародвижения ведет к росту цены продовольственной продукции и снижению ее параметров качества и безопасности. Поэтому чрезвычайно актуально создание современного оптового звена торговли продовольствием по опыту зарубежных стран.

Цель исследований – обоснование направлений государственной поддержки малого агробизнеса путем создания системы оптовых продовольственных рынков для улучшения состояния конкурентной среды, оказывающее положительное влияние на динамику платежеспособного спроса на продукты питания.

Методика исследований.

Проведенное исследование факторов стабилизации платежеспособного спроса на продовольствие опиралось на такие общенаучные методы познания, как метод экспертных оценок, системный анализ, метод сравнения. Использование монографического метода дало возможность показать трактовку рационального потребительского выбора в рамках поведенческой экономики, обосновать предложения по развитию государственной поддержки фермеров.

Результаты исследований.

Поведенческая экономика как направление экономической теории появилась в 90-е годы прошлого века [1]. Большой вклад в ее оформление в качестве самостоятельного жизнеспособного направления экономической науки внесли работы Д. Каннемана и А. Тверски [2]. Одним из существенных отличий данной ветви экономического знания является собственная трактовка понятия рационального выбора потребителя. Следует отметить, что проблема рациональности является предметом научных дискуссий в экономической науке на протяжении нескольких столетий, в ходе которых осуществлялось уточнение этого понятия. Однако дискуссионный характер данной научной категории применительно к проблеме рационального выбора потребителя не изменился. Современные исследователи продолжают высказывать свои суждения по проблеме реального претворения в жизнь рациональной модели потребительского выбора индивидом в силу целого ряда качеств потребителя, таких как привычки, эмоциональное восприятие информации, психологические особенности личности, уровень культуры [3, 4]. Благодаря возникновению и развитию поведенческой экономики была разработана новая модель, дающая междисциплинарное обоснование потребительского выбора, расширяющая трактовку экономической рациональности. Эволюция теоретико-методологических подходов к проблеме рационального выбора берет начало от маржиналистской революции и уточнения некоторых положений теории потребления неоклассиками и включает в себя становление поведенческой экономики, ставшей научной основой определенных трансформаций в сфере государственного регулирования социальных процессов. В рамках поведенческой экономики понятие рациональности приобрело новые смыслы [5]. Это обусловлено использованием междисциплинарного подхода при разработке модели экономического человека, применением знаний когнитивной психологии и нейробиологии. Использование данного подхода, обогащая экономическую теорию, позволяет раскрыть поведение индивида с учетом не только экономических, но и социально-психологических факторов, совместное рассмотрение которых обеспечивает синергетический эффект [6]. Основная особенность трактовки принципа рациональности поведенческой экономикой в отличие от неоклассической экономической теории заключается в учете рационального выбора когнитивных ограничений потребителя [7]. Следует подчеркнуть, что представители поведенческой экономики не отвергают принцип рациональности, сформулированный неоклассической теорией, они воспринимают его как некий идеал, нуждающийся в корректировке в условиях существующих реалий асимметричной информации и несовершенства человека как экономического субъекта. Маржиналистская революция привела к пониманию экономической рациональности, свойственной потребителю, как максимизации полезности в условиях полной информации. Осознание необходимости учета фактора неопределенности при разработке модели рационального выбора привело к появлению теории ожидаемой полезности в рамках неоклассической теории. Вместе с тем ученые видели слабые стороны данной тео-

рии, заключающиеся в том, что теория ожидаемой полезности лишь декларировала правила поведения человека в условиях неопределенности, но не могла описать более точно и конкретно его поведение в данной ситуации. Однако теория ожидаемой полезности стала необходимым этапом для возникновения экспериментальной и поведенческой экономики.

Следует отметить, что важную роль в развитие понимания принципа рациональности выбора внесли представители так называемой «старой» поведенческой экономики – Дж. Катоны и Г. Саймон, которые попытались трансформировать идею о рациональности индивида с точки зрения учета ограниченности когнитивных способностей человека, затрудняющих принятие оптимальных решений. Именно поэтому, по их мнению, стандартную концепцию рациональности необходимо заменить концепцией ограниченной рациональности [8]. В настоящее время «новая» поведенческая экономика (Д. Канеманн, А. Тверски, Р. Талер) получила признание экономистов, она опирается на исследование когнитивных ошибок в поведении индивидов, которые выявляются в ходе осуществления экспериментов. Новая трактовка принципа рациональности, данная поведенческой экономикой, может быть использована для обоснования государственного регулирования в форме «нового» патернализма. Особенностью нового патернализма является то, что он определяет методы государственного регулирования, направленные на рост благосостояния индивидов в условиях почти полной свободы их выбора. Новый патернализм аккумулирует в себе как новые формы политики, так и традиционные методы прямого государственного воздействия посредством принятия необходимых законодательных актов, направленных на исправление поведенческих и когнитивных ошибок. Однако можно отметить и ряд слабых сторон поведенческой экономики, так она не обеспечивает возможность моделирования поведения индивидов с учетом когнитивных ошибок. Также объектом критики является применение поведенческой экономикой экспериментальных методов, лабораторных экспериментов, результаты которых, по мнению оппонентов, не могут дать в полной мере характеристику реального поведения экономического агента. Поведенческая экономика расширяет наши знания о факторах формирования спроса потребителей, однако действие не всех факторов в настоящее время может быть измерено и количественно оценено.

Среди факторов, воздействующих на платежеспособный спрос на продовольствие, можно выделить помимо экономических факторов (реальные доходы населения, цена товаров и товаров-заменителей) также такие факторы, как качество и безопасность продовольственных товаров, демографические (половозрастная структура населения), социальные (социальный состав населения, уровень дифференциации), природно-климатические, национально-исторические (традиции, обычаи, условия быта), психологические (потребительские привычки, мода). Рост реальных доходов населения предопределяет увеличение объема спроса, изменение его макроструктуры и трансформацию соотношения расходов на покупку различных продовольственных товаров внутри товарных групп [9]. И, наоборот, кризисные явления в экономике, рост инфляционных ожиданий ведут к сжатию спроса, изменению потребительского поведения. С 2008 по 2013 г. реальные доходы населения России по сравнению с предыдущим периодом увеличивались следующим образом: в 2008 г. на 2,4%; в 2009 – на 3,0; в 2010 – на 5,9; в 2011 – на 0,5; в 2012 – на 4,6; в 2013 г. – на 4,0% [10]. С 2014 г. ситуация изменилась: динамика реальных доходов стала иметь отрицательный прирост. В 2014 г. реальные доходы по сравнению с предыдущим периодом составили 99,3%, в 2015 г. – 96,8; в 2016 – 94,0; в 2017 – 98,9; в 2018 г. – 99,9%. Некоторое улучшение ситуации по доходам в 2017–2018 гг. отразилось на макроструктуре спроса: в 2018 г. сократилась доля расходов на продукты питания в потребительских расходах домохозяйств с 31,2% в 2017 г. до 30,2% в 2018 г., при этом имело место сокращение данного параметра во всех доходных группах, например в первой с 48,1 до 47,7%, в десятой – с 18,4 до 17,3% [11]. Снижение реальных доходов населения в 2014–2015 гг. сделало приоритетным при формировании потребительского выбора фактор цены. По оценкам специалистов в 2015 г. 70 % потребителей стали приобретать более дешевые товары, для 75 % покупателей – важнейшим фактором покупки стала цена товара. В этот период оборот розничной торговли сократился больше, чем в

какой-либо период прошедших четырех десятков лет. Сберегательная модель поведения стала характерна не только для потребителей с низкими доходами, но и для представителей среднего класса [12].

Для исследования динамики потребительского выбора, помимо официальной статистической информации о параметрах сферы потребления Росстата, широко используется «потребительский индекс Иванова», который разрабатывается с 2013 г. аналитическим департаментом Sberbank CIB [13]. Этот индекс нацелен на отражение потребительского поведения лиц со средними доходами (некоторые специалисты считают, что он в большей степени характеризует потребительские настроения нижнего слоя среднего класса), о чем свидетельствует выбранная распространенная фамилия для его обозначения. «Потребительский индекс Иванова» рассчитывается каждый квартал на основе опросов нескольких тысяч человек разного возраста из более ста городов России. Ключевыми моментами данного индекса являются расходы потребителей, их сбережения, уровень уверенности потребителей. Рассматриваемый индекс позволяет хорошо улавливать реакцию покупателей со средним доходом на изменение цен базовых продуктов широкого потребления в кризисные и относительно благополучные периоды функционирования национальной экономической системы. Например, данные «потребительского индекса Иванова» за четвертый квартал 2017 г. стали отражением некоторого улучшения ситуации с реальными доходами населения. В этот период снизилось до 65% количество лиц, стремящихся экономить на покупке товаров повседневного спроса и был достигнут самый низкий уровень данного показателя с 2014 г. Начался процесс увеличения удельного веса покупателей, которые готовы приобретать товары более высокого качества, имело место укрепление потребительской уверенности обследуемых представителей среднего класса. Следует отметить, что современным трендом является увеличение покупок в Интернете, но при этом более половины покупателей забирают товар самостоятельно, не используя услуги курьера в целях экономии денежных средств [14]. По мнению аналитиков, повышение доходов будет способствовать развитию особенно в мегаполисах и крупных городах такого направления торговли как приобретение готовых продуктов питания с доставкой на дом. По данным исследовательской компании GfK, около 46% покупателей хотя бы один раз в месяц делает покупки в пекарнях, 27% один раз в месяц посещают рестораны быстрого питания, около 20% заказывают еду с доставкой через соответствующие сервисы [15]. Также, по мнению специалистов, существует спрос на экологичные продукты питания, которые потребители связывают с улучшением здоровья в силу их полезного натурального состава и качественного изготовления, с заботой о сохранении окружающей среды, около 28% населения проявляют интерес к фермерским продуктам.

Реализация экологически чистой продукции и просто свежей продовольственной продукции ассоциируется, прежде всего с малым агробизнесом, деятельностью фермерских хозяйств. Мировой опыт свидетельствует, что все проблемы в потребительской сфере не могут быть решены лишь посредством создания агрохолдингов. В силу целого ряда экономических (доступность цен) и социальных (занятость сельского населения, развитие сельских территорий) и других (быстрота доставки потребителю) моментов наличие представителей малого формата агробизнеса и торговли на продовольственных рынках всех уровней обязательно. Следует отметить, что в ЕС доминирующим является фермерский уклад, при этом на долю мелких производителей (размер площади менее 50 га) приходится 93% всех фермерских хозяйств, а с размером площади менее 5 га – около 66%. Однако в последние годы в силу всё большего использования индустриальной модели происходит сокращение числа семейных ферм, в 2005–2016 гг. количество хозяйств площадью до 50 га снизилось на 29,4% [16]. В ст. 39 Римского договора о создании ЕЭС среди целей совместной аграрной политики стран-членов отмечена цель – обеспечение разумных потребительских цен на продовольствие [17]. Эта цель реализуется, в том числе, посредством создания оптовых продовольственных рынков, получивших широкое развитие в европейских странах с развитой рыночной экономикой. Анализ мирового опыта в данной сфере позволяет сделать ряд выводов. Оптовые продовольственные рынки являются одним из элементов доведения продовольственной продукции до

потребителя. Также необходимы товарные биржи, оптовые ярмарки-выставки на национальном, межрегиональном, региональном уровнях, организация прямых поставок продовольственных товаров в супермаркеты. По существующим оценкам, во Франции удельный вес оптовых продовольственных рынков в оптовом обороте овощей и фруктов составляет около 50%. В Японии удельный вес продовольственных товаров, реализуемых с помощью такого оптового звена, как оптовые продовольственные рынки, например по продаже рыбы, равняется 75%, по морепродуктам – 85%. Институциональная сторона организации такой формы оптового звена в сфере продовольствия представлена в Японии законом об обязательном создании в городах, численность которых превышает 200 тысяч жителей, оптовых продовольственных рынков за счет средств муниципалитетов [18].

Одной из важнейших проблем развития продовольственного рынка в России является создание системы оптовых продовольственных рынков по опыту зарубежных стран. Отсутствие системы оптовых продовольственных рынков особенно болезненно отражается на положении мелких и средних предпринимателей, поскольку они, как правило, не взаимодействуют напрямую с торговыми сетями, для выхода на реализацию произведенного продукта им необходимо пользоваться услугами посредников. В соответствии с такой схемой значительно замедляется процесс товародвижения, что негативно отражается на качестве продуктов и повышает уровень издержек обращения. В результате в крупных городах ощущается недостаток несетевых объектов торговли, которые реализовывали бы свежую скоропортящуюся сезонную продукцию отечественного производства. С аналогичной проблемой сталкиваются предприятия общественного питания несетевого формата. Зарубежный опыт свидетельствует о том, что данная проблема может быть решена путем организации оптовых продовольственных рынков, которые располагаются около крупных городов и обеспечивают свежей продукцией местных производителей объекты несетевого формата торговли и общественного питания. Следует отметить, что оптовый продовольственный рынок представляет собой торговое предприятие, имеющее необходимое торговое оборудование и создающее условия для осуществления арендаторами, которые являются профессиональными оптовиками, деятельности по закупке сельскохозяйственной продукции и продовольствия по утвержденным правилам [19]. На оптовом продовольственном рынке должны оказываться разнообразные услуги информационного, логистического характера, ветеринарного и санитарного контроля, а также услуги по упаковке для оптовых продавцов и покупателей. При соответствующей подготовке оптовый продовольственный рынок может осуществлять и аукционную торговлю продукцией с небольшим сроком годности.

Одна из главных задач, которую выполняют оптовые продовольственные рынки за рубежом – это поддержка малого бизнеса. Также исключительно важна их роль в сокращении теневого оборота в экономике, на этих рынках используются в основном безналичные расчеты. И, наконец, трудно переоценить их роль в обеспечении безопасности продовольственной продукции, поскольку на таких рынках осуществляется государственный ветеринарный и фитосанитарный контроль сельскохозяйственной и продовольственной продукции. Следует отметить, что оптовые продовольственные рынки за рубежом являются полностью государственными (например, система оптовых рынков Mercasa в Испании) или государство располагает большей долей участия в этих рынках (52% акций компании, управляющей крупным рынком Rungis в Париже, принадлежит государству и городу). Введение так называемых контрольных периметров вокруг рынков национального назначения во Франции позволило создать одну из самых эффективных в Европе оптовых систем в сфере продовольственной продукции, которая обеспечивает около половины всего оборота свежих продуктов питания. Благодаря эффективному функционированию оптовых продовольственных рынков в европейских странах широко развиты предприятия несетевого формата, к которым относятся ярмарки, городские рынки, небольшие рестораны, кафе, предлагающие потребителю товары и блюда высокого качества по относительно невысоким ценам из-за небольших издержек обращения. По существующим экспертным оценкам, издержки оптовой и розничной торговли при реализации плодоовощной продукции в европейских странах составляют 30%, в России

– выше 60%. Опыт создания оптовых продовольственных рынков в странах с развитой рыночной экономикой свидетельствует о том, что они ориентированы, прежде всего, на сокращение издержек товародвижения для малого бизнеса, прибыльными они становятся не сразу, поэтому здесь так важна роль государства.

В разделе 5.6.1. «Развитие оптовых продовольственных рынков» Стратегии развития торговли в Российской Федерации до 2025 года содержатся концептуальные положения, касающиеся создания системы оптовых продовольственных рынков в России [19]. Вызывает вопрос тезис о том, что, несмотря на свидетельство зарубежного опыта о наибольшей эффективности оптовых продовольственных рынков в случае их государственного статуса, в России предлагается использовать механизм концессий, государственно-частного партнерства или использования средств частных инвесторов. Следует отметить, что в основе формирования оптовых продовольственных рынков за рубежом лежало два алгоритма: при финансовой поддержке государства, например, предприятие Mercasa (Испания), включающее более 20 оптовых продовольственных рынков; государственно-частное партнерство, например, Мюнхенский оптовый рынок. Основными принципами при формировании системы оптовых продовольственных рынков являются размещение вблизи крупных городов, максимальное приближение к торговым предприятиям и предприятиям общественного питания; выделение трёх зон оптового рынка: мясной, рыбной и зоны плодоовощной продукции; наличие всех видов инфраструктуры (погрузочно-разгрузочной, парковочной, холодильной и других), создание комфортных условий для участников рынка (гостиницы, банки, кафе, рестораны, магазины, сервисы бытовых услуг); отсутствие пересечения оптовых и розничных потоков товаров; обеспечение государственного ветеринарного и фитосанитарного контроля на оптовом продовольственном рынке. Процесс создания оптовых продовольственных рынков будет способствовать кооперации малого бизнеса, специализирующегося на производстве продукции сельского хозяйства и продуктов питания.

Федеральный проект «Создание системы поддержки фермеров и развитие сельской кооперации» в рамках Национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» включает в себя комплекс мероприятий по созданию системы поддержки фермеров и развитию сельской кооперации [20]. В соответствии с этим документом предусмотрено направление субъектам РФ из федерального бюджета на создание системы поддержки фермеров и развитие сельской кооперации средств в размере 37,368 млрд рублей. Одной из эффективных форм поддержки фермеров является организация сбыта их продукции с минимальным количеством звеньев товародвижения, которое возможно в условиях создания оптовых продовольственных рынков. В связи с этим целесообразно выделение части средств Национального проекта на создание системы оптовых продовольственных рынков вокруг крупных городов.

Заключение.

Эволюция взглядов на проблему потребительских предпочтений привела к созданию ветви экономической теории – поведенческой экономики, учитывающей в модели рационального выбора когнитивные ограничения потребителя. Среди факторов, воздействующих на платежеспособный спрос на продовольствие, определяющая роль принадлежит экономическим факторам (реальные доходы населения, цена товаров и товаров-заменителей). На изменение потребительского поведения влияет направленность вектора динамики реальных доходов населения. С 2014 г. в условиях снижения реальных доходов населения наблюдается сжатие спроса, сберегательная модель поведения характерна для многих доходных групп, фактор цены стал определяющим при выборе товара для подавляющего большинства населения. Одним из инструментов повышения экономической доступности продовольственных товаров является развитие конкурентной среды продовольственного рынка за счет упрощения процедуры реализации продукции агропродовольственного комплекса для представителей малого агробизнеса. Это возможно путем создания государством по опыту стран с развитой рыночной экономикой системы оптовых продовольственных рынков вокруг крупных го-

родов, что откроет каналы сбыта продовольственной продукции фермеров с низкими издержками обращения, а население обеспечит свежей продукцией по разумным ценам.

Список литературы:

1. Белянин А.В. Лицом к человеку: достижения и вызовы поведенческой экономики // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2017. – № 2(34). – С.166–175.
2. Kahneman D., Tversky A. Prospect Theory: An Analysis of Decision under Risk // Econometrica. – 1979. – Vol. 73 6. – P. 313–327.
3. Автономов В.С. Постоянная и переменная рациональность как предпосылка экономической теории // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2017. – №1. – С. 142–146.
4. Капелюшников Р.С. Статус принципа рациональности в экономической теории: прошлое и настоящее // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2017. – № 1. – С. 162–166.
5. Илюхин А.А., Пономарева С.И., Илюхина С.В. Принцип рациональности в поведенческой экономике // Журнал экономической теории. – 2019. – Т.16. – № 2. – С. 214–224.
6. Канеман Д., Тверски А. Рациональный выбор, ценности и фреймы // Психологический журнал. – 2003. – № 4. – С. 31–42.
7. Талер Р. Новая поведенческая экономика: почему люди нарушают правила традиционной экономики и как на этом заработать. – М.: Изд-во «Эксмо», 2017. – 550 с.
8. Саймон Г. Рациональность как процесс и продукт мышления // THESIS. – 1993. – Вып. 3. – С. 16–38.
9. Решетникова Е.Г. Продовольственная безопасность в условиях новых рисков: развитие методов стратегического планирования // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2016. – Т. 16. – № 1. – С. 23–33.
10. Реальные располагаемые денежные доходы населения. – URL: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/#.
11. Потребление продуктов питания в домашних хозяйствах в 2018 году. – URL: https://www.gks.ru/bgd/regl/b19_101/Main.htm.
12. Подкосова П.Д. Изучение поведения потребителей в условиях экономического кризиса // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2017. – № 6 (июнь). – С. 1–4.
13. Потребительский индекс Иванова. – URL: https://money.inguru.ru/glossariy/potrebitelskij_indeks_ivanova
14. Индекс Иванова укрепил финансовые ожидания россиян от 2020 года. – URL: <https://riss.ru/smi/65758/>
15. FMCG тренды в России. – URL: <https://news.rambler.ru/other/41977545-fmcg-trendy-v-rossii/>
16. В ЕС мелкие семейные фермы исчезают с высокой скоростью. – URL: <http://agroportal.ua/news/mir/v-es-melkie-seimeinye-fermy-ischezayut-s-vysokoi-skorostyu/>
17. Договор об утверждении Европейского экономического сообщества (ЕЭС). – URL: <https://ppt.ru/newstext.phtml?id=26343/>
18. Отечественный и зарубежный опыт функционирования оптовых продовольственных рынков. – URL: <https://poisk-ru.ru/s21770t15.html>
19. Стратегия развития торговли в Российской Федерации до 2025 года. – URL: <http://www.kgo66.ru/str-eco/str-eco-news/12295-strategii-razvitiya-torgovli-v-rossijskoj-federatsii-do-2025-goda>.
20. Паспорт национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы»: [утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24 декабря 2018 г. N 16)]. – URL: <http://base.garant.ru/72185938/>

СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕНДЫ В ИССЛЕДОВАНИИ ПРОБЛЕМ РАЗВИТИЯ АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ СИСТЕМ (ПО МАТЕРИАЛАМ ФОРУМОВ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ)

Фисенко Н.А., к.э.н., ИАГП РАН

Статья посвящена изучению материалов зарубежных англоязычных форумов 2020 года по аграрной тематике. Показано, как тематика симпозиумов отражает широкий комплекс проблем развития агропродовольственных систем в условиях глобальных вызовов и ограничений. Особый акцент сделан на изучении мероприятий, проводимых в рамках Международной и Европейской Ассоциаций экономистов-аграрников (IAAE и EAAE), Международной Ассоциации управления продовольствием и агробизнесом (IFAMA). На основе анализа выделяются современные тренды исследования проблем развития агропродовольственного комплекса и сельских территорий. Выявлено, что наиболее перспективными становятся такие научные направления исследования, как экспериментальная экономика и системная динамика. Показана необходимость расширения применения количественных методов равновесия (equilibrium methods).

Ключевые слова: глобализация, агропродовольственные системы, международные сообщества, зарубежные форумы.

CURRENT TRENDS IN RESEARCH OF PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF AGRICULTURAL FOOD SYSTEMS (ON THE MATERIALS OF FORUMS OF INTERNATIONAL ORGANIZATIONS)

Fisenko N.A., candidate of economic sciences, IAgP RAS

The article is devoted to the study of materials of foreign forums of 2020 on agricultural topics. It is shown how the theme of the symposia reflects a wide range of problems in the development of agri-food systems in the face of global challenges and constraints. The author places particular emphasis on the study of events held within the framework of the International and European Associations of Agricultural Economists (IAAE and EAAE), and the International Food and Agribusiness Management Association (IFAMA). Based on the analysis, modern trends of research on the problems of the development of the agri-food complex and rural areas are highlighted. It has been revealed that the most promising areas of research are experimental economics and system dynamics. The necessity of expanding the use of quantitative equilibrium methods is shown.

Key words: globalization, agri-food systems, international communities, foreign forums.

Введение.

Эффективное развитие агропродовольственных систем связано с задачей обеспечения глобальной продовольственной безопасности. Важнейшим вектором в поиске решения этой проблемы на современном этапе может оказаться увязка рассмотрения вопросов организации производства биологически ценных продуктов питания и обеспечения максимальной безопасности их для здоровья человека, создания оптимальных условий для качества жизни жителей села.

Широкий круг проблем изменения глобального общества, комплекс объективных и инициированных вызовов, угроз и рисков, перед которыми оказалось человечество в условиях глобализации, требуют высокого уровня научного обеспечения агропродовольственного комплекса, формирования единой системы методических и практических подходов в разработке приоритетных исследований, выборе стратегических и тактических путей и методов ведения хозяйства.

В связи с этим представляется актуальным привлечение внимания к деятельности зарубежных международных организаций, в рамках которых организуется целый комплекс мероприятий, посвященных обсуждению вопросов развития агропродовольственного комплекса и сельских территорий в условиях глобализации.

Цель исследований – на основе анализа материалов зарубежных форумов Международных сообществ выделить современные тренды в исследовании проблем развития агропродовольственных систем.

Методика исследований.

В ходе исследований использовался метод сравнительного анализа.

Результаты исследований.

Международные сообщества по проблемам развития агропродовольственного комплекса всегда оперативно реагируют на современные глобальные вызовы. Прежде всего, мы имеем в виду Международную Ассоциацию экономистов-аграрников (IAAE) и Европейскую ассоциацию экономистов-аграрников (ЕААЕ).

Международная Ассоциация экономистов-аграрников (IAAE) — неправительственная научная организация, объединяющая главным образом представителей аграрных университетов и научных учреждений, руководящих работников государственных организаций и частных фирм, а также отдельных фермеров и работников сельского хозяйства. В соответствии с действующим Уставом Ассоциации ее основной задачей является ускорение развития науки в области сельского хозяйства и дальнейшее применение результатов экономических исследований сельскохозяйственных процессов в целях улучшения экономических и социальных процессов, связанных с развитием сельскохозяйственного производства и повышением качества жизни на селе. Поскольку Ассоциация является неправительственной организацией, то ее выводы и рекомендации могут вноситься соответствующим правительственным органам разных стран. Органом Международной Ассоциации экономистов-аграрников является журнал «Agricultural Economics».

Формы и методы работы Ассоциации предполагают главным образом обмен взглядами на различные аспекты экономической науки и практики в сфере развития агропродовольственного комплекса. Основной формой являются систематически проводимые конгрессы, конференции, семинары и другие виды взаимного обмена идеями и обсуждение практик их воплощения. Раз в три года члены Ассоциации принимают участие в Конгрессе, последующее заседание которого предстоит 21–25 августа 2021 года в г. Нью-Дели, Индия. Ежегодная 23-я конференция IAAE по теме «Глобальный экономический анализ после 2020 года» пройдет в г. Токио, Япония. Задачей конференции является обсуждение результатов исследований глобальных процессов, проводимых с использованием количественных методов равновесия (equilibrium methods). Организаторы Конференции исходят из того, что в настоящее время более тысячи организаций и индивидуальных исследователей из разных стран мира объединены в рамках реализации Проекта GTAP (Global Trade Analysis Project), который организует Центр Анализа Глобальной Торговли (CAGT) Университета Purdue, США, при поддержке консорциума национальных и международных агентств. В ходе исполнения этого проекта создана уникальная база данных, содержащая результаты проведения исследований в сфере развития агропродовольственного комплекса (организации торговли, использования ресурсного потенциала, осуществления инвайроментальной политики и т.д.) с использованием методов равновесия (equilibrium methods). В связи с этим организаторами Конференции IAAE выделены основные тематические направления:

- 1) достижения Проекта GTAP (Global Trade Analysis Project);
- 2) вызовы региональной интеграции и глобализации;
- 3) влияние политики распределения доходов на формирование общей экономической политики;
- 4) глобальная координация анализа: общий инструментарий проведения экономического анализа.

Европейская Ассоциация экономистов-аграрников (ЕААЕ) — организация, которая объединяет экономистов-исследователей проблем сельского хозяйства, пищевой и перерабатывающей промышленности, развития сельских территорий в европейских странах. Главными задачами Ассоциации являются продвижение знаний, обмен опытом, идеями, информацией и достижение взаимопонимания между учеными-членами этого сообщества. Вопросы устойчивого развития продовольственных систем имеют сложный и зачастую противоречивый характер и для их решения необходимы сбалансированные меры. В этом контексте ЕААЕ является интерактивной платформой для обсуждения и дискуссий, а проводимые в ее рамках мероприятия привлекают пристальное внимание не только ученых, но и представителей государственных и общественных организаций, а также бизнес-структур. Раз в три года ЕААЕ проводит конгресс с наиболее обобщенной тематикой, а частные и специфические вопросы обсуждаются на ее семинарах [1]. На базе ЕААЕ издаются журналы «EuroChoices» и «The European Review of Agricultural Economics», а также создана информационная база, которая позволяет очень оперативно устанавливать контакты и осуществлять обмен информацией между ее членами.

С целью выявления перспективных направлений исследования проблем развития агропродовольственного комплекса и сельских территорий была изучена проблематика XVI Конгресса Европейской Ассоциации экономистов-аграрников. Ключевыми вопросами для обсуждения на Конгрессе являются: расширение исследовательских границ в области экономики сельского хозяйства; необходимость междисциплинарного характера исследований; привлечение к дискуссии всех заинтересованных организаций; применение инновационных методов исследования.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о смещении исследовательских интересов в сторону социально-гуманитарной направленности. Особый акцент следует сделать также на привлечении внимания Международного сообщества – Европейской Ассоциации экономистов-аграрников – к применению в исследованиях проблем развития агропродовольственных систем методологии экспериментальной экономики. Соответственно первым ключевым докладом на Пленарной Сессии XVI Конгресса ЕААЕ является доклад доктора экономических наук, профессора Jason Shogren, зав. Департаментом управления и использования природных ресурсов Университета Wyomny, США, по теме «Развитие экспериментального мышления». Организаторы Конгресса считают очевидной способность экспериментальных методов представлять новые источники данных, предвидеть новые открытия и стимулировать развитие теории и практических воплощений и считают их использование важным элементом социально-экономических исследований экономистов-аграрников [2].

Экспериментальная экономика получила интенсивное развитие с начала 1980-х гг., ее методология основана на использовании экспериментальных методов для проверки обоснованности экономических теорий и исследования рыночных механизмов. Первоначально экономика считалась сложной по своей структуре наукой, изучающей естественные процессы, которые невозможно протестировать в лабораторных условиях. В дальнейшем выдвигаемые теории стали изучаться и с помощью искусственного эксперимента, создающего все необходимые условия для тестирования той или иной гипотезы. Участникам эксперимента предлагается сыграть в игру, в процессе которой они принимают те или иные экономические решения. Проведение экономических экспериментов позволяет получить представление о типичном поведении экономических агентов в контролируемых условиях лаборатории. Преимуществом такого метода является возможность четко сформулировать стоящий перед испытуемым выбор модели поведения в данной экономической ситуации, вычленив интересующие исследователя элементы этого выбора из всего многообразия рассмотрений, стоящих перед экономическим агентом в реальной ситуации. При этом, как отмечается в классической работе Дж. Кауфмана «Сам себе MBA — мастер искусства бизнеса» [3] можно выделить три ступени в применении экспериментального метода в экономических исследованиях: изучение ситуации (learning), проведение тестирования (testing) и оценка результатов (evaluating).

Таким образом, применение экспериментов позволяет охватить сущность процессов, происходящих в экономике, понять взаимосвязь факторов, взаимодействие причин и последствий, выявить стойкие тенденции и спрогнозировать вероятный ход событий. Следует отметить, что результаты тестирования поведения агентов в определенной экономической ситуации имеют не только научную, но и практическую значимость. Они могут быть полезны при разработке политических мер в сфере финансов, природопользования, торговли, сельского хозяйства и многих других отраслях.

Основателем экспериментальной экономики считают Вернона Смита, получившего Нобелевскую премию в 2002 г. за исследование альтернативных рыночных механизмов для сетевых рынков методами экспериментальной экономики [4]. О важности изучения принципов методологии экспериментальной экономики и возможностей ее применения в исследовании развития агропродовольственного комплекса свидетельствует признание и высокая оценка трудов следующих Нобелевских лауреатов в этой сфере: Майкл Кремер, Эстер Дюфло и Абхиджит Бенеджи — Нобелевская премия 2019 г. за применение экспериментального подхода к снижению глобального уровня бедности; Морис Алле — Нобелевская премия 1989 г. за тестирование новой теории поведения в условиях риска.

Тематика еще одного научного мероприятия ЕААЕ 2020 г. представляет интерес для исследователей проблем развития агропродовольственных систем. Имеется в виду 14 Международный Европейский форум (Iglis-Forum) — 176 семинар ЕААЕ (г. Garmisch-Partenkirchen, Германия) по актуальной теме «Системная динамика и инновации в продовольственных сетях».

В центре внимания участников форума такое направление в изучении сложных систем как системная динамика, исследующая их поведение во время и в зависимости от структур элементов системы и взаимодействия между ними, в том числе причинно-следственные связи, петли обратной связи, задержки реакции, влияние окружающей среды и др. Особое внимание уделяется компьютерному моделированию таких систем.

Не случайно это направление исследования находится в поле внимания экономистов-аграрников. Процессы производства и маркетинг продовольствия представляют из себя взаимозависимую динамичную продовольственную систему, которая включает в себя деятельность двух основополагающих блоков. К первому относятся предприятия, организованные в сельскохозяйственные цепочки и сети, а также переработка продовольствия и торговля. Второй блок представляют потребители, управленцы, представители средств массовой информации, политики и формирующая их деятельность институциональная и информационная среда. Между всеми этими акторами продовольственной системы и между самими продовольственными системами присутствуют постоянные взаимодействия и взаимозависимости политического, экономического, технического и социо-культурного характера. Эти внутренние и внешние интеракции в формировании продовольственных систем необходимо учитывать при разработке стратегии устойчивого развития и обеспечения конкурентоспособности как отдельных акторов продовольственных систем, так и продовольственного сектора в целом. Одним из ключевых факторов успеха в этом направлении является способность системы принять и применить инновации для обеспечения устойчивой динамики развития продовольственных систем. Применение этих инноваций в области производства, организации (внутренние процессы, логистика и маркетинг), технологии и управления зависит от гибкости этих систем, скорости и степени адаптации к изменяющимся условиям и сценариям их развития. Как считают организаторы форума, исследование проблемы системных инноваций и движущих сил (динамик) в продовольственных цепочках должно быть сконцентрировано на рассмотрении следующих основных аспектов: системы качества внутри и между предприятиями и стандарты качества; взаимодействие информационных систем организаций (управление цепочкой, контроль и отслеживание); управление рисками; региональные и глобальные системы логистики; структуры управления цепочками; новые «бизнес для бизнеса» отношения и способы удовлетворения потребительских и рыночных потребностей. При этом необходимо учитывать обеспечение координации действий акторов и принятие

рисков — элементов, которые сами по себе характеризуют степень инновационного развития.

Организаторы форума подчеркивают, что комплексный характер обсуждаемой проблемы требует применения междисциплинарного подхода в ее исследовании. Важнейшей задачей Семинара является всестороннее обсуждение вопросов динамики и взаимозависимостей между элементами формирования продовольственных систем, выявление движущих сил и механизмов их устойчивого развития в сфере принятия решений (управление цепочкой, потребление, политические решения) и распространение потенциальных системных инноваций.

В 2020 г. планируется проведение 175-го Семинара Европейской Ассоциации экономистов-аграрников (г. Gargnano, Италия) по теме «Изменение стандартов устойчивости», которая включает в себя широкий круг вопросов междисциплинарного характера.

Стандарты в области устойчивого развития оценивают нормы и сертификаты, относящиеся к вопросам охраны окружающей среды, обеспечения социальной, этической и продовольственной безопасности. Они принимаются для того, чтобы продемонстрировать эффективность деятельности организаций и качества их продукции в разнообразных областях. Стандарт обычно разрабатывается широким кругом заинтересованных сторон и экспертов в конкретной отрасли и включает в себя определенный набор методов и критериев. Тенденция их применения берет начало с конца 1980 – нач. 90-х гг. с введением экомаркировки и стандартов для органических продуктов питания и других продуктов. В настоящее время существует более 500 таких стандартов и темпы их внедрения в последнее время увеличиваются. Многочисленные стандарты принимаются, в частности, в пищевой промышленности. Большинство из них призваны соответствовать критериям триединства – обеспечению качества окружающей среды, социальной справедливости и экономического благополучия производства и торговли.

Многие из международных стандартов, направленные на обеспечение устойчивого развития сельского и лесного хозяйства, разработаны Организацией Объединённых Наций по продовольствию и сельскому хозяйству (ФАО) [5]. Некоторые из стандартов устойчивости были инициированы социальными движениями в отдельных странах, такие как Rainforest Alliance в Соединённых Штатах и Fairtrade в Нидерландах, другие – разработаны отдельными компаниями или запущены коалициями частных фирм, агентствами по развитию, НПО и другими заинтересованными сторонами. Несмотря на сходство в основных целях и процедурах сертификации, существуют различия, обусловленные историческим развитием, географическим распространением и акцентом на определенные экологические, социальные и экономические проблемы.

Организаторы Семинара считают тему «Изменение стандартов устойчивости» актуальной и рассматривают ее в контексте современных глобальных вызовов, среди которых они выделяют такие, как обеспечение продовольственной безопасности; создание рабочих мест и обеспечение конкурентоспособности Европейских стран; сокращение зависимости от невозобновляемых ресурсов; адаптацию к изменениям климата и устойчивое управление развитием природных ресурсов. Все эти вызовы диктуют новые ориентиры осуществления политики, направленной на развитие биоэкономики в Европе. Внимание потребителей всё больше обращается на экологически чистую продукцию, не оказывающую негативного влияния на здоровье, и качество продуктов питания становится важнейшим компонентом устойчивости развития продовольственного комплекса. В связи с этими тенденциями в фокусе рассмотрения участников семинара являются вопросы устойчивости экономической активности внутри производственно-сбытовых цепочек. И одними из главных регламентирующих документов в этом плане являются стандарты устойчивости. Такие стандарты являются эффективными механизмами, которые позволяют сократить рыночные информационные недочеты, повысить репутацию, лояльность и доверие среди агентов цепочек поставок. Более того они используются также в качестве рыночных инструментов для дифференциации производства.

Всё это вызывает необходимость обсудить вопросы, связанные с пониманием экономической динамики этих стандартов как в теоретическом плане, так и в плане разработки и применения конкретных документов.

Организаторы Семинара намерены в ходе дискуссии рассмотреть, как меняются стандарты устойчивости, куда клонит по их выражению «ветер перемен» и как они влияют на деятельность продовольственных производственно-сбытовых цепочек.

Работу специальных секций предполагается вести по трем основным направлениям. Первое из них связано с обсуждением экономических проблемы стандартов устойчивости: «Потребительское поведение и сертификаты устойчивости», «Модели и тренды устойчивого потребления», «Рынок, цепочки поставок и регулирующие механизмы принятия стандартов», «Рыночные ошибки, сбои и стандарты устойчивости», «Принятие стандартов в рыночных и производственно-сбытовых цепочках: оценка эффективности и экономического благосостояния» и др. Тематика ряда секций посвящена проблемам управления применительно к стандартам устойчивости: «Формальные и неформальные способы транзакционного управления в устойчивых цепочках поставок», «Горизонтальные и вертикальные отношения в сертифицированных устойчивых цепочках добавленной стоимости», «Управление инновациями в устойчивых производственно-сбытовых цепочках», «Стратегический менеджмент продовольственных стандартов в производственно-сбытовых цепочках», «Бизнес-модели для разработки стандартов устойчивости», «Нео-институциональный анализ стандартов», «Междисциплинарные подходы в управлении продовольственными цепочками». Третье направление связано с вопросами разработки политических мер, цель которых устойчивость стандартизации: «Государственная поддержка сертификации и маркировка», «Оценка политики, направленной на устойчивые стандартизацию, и анализ эффективности затрат», «Регуляторы и инновации устойчивых производственно-сбытовых цепочек», «Поведенческие инструменты как регулирующие механизмы устойчивости», «Конкуренция, доступ к рынку, права интеллектуальной собственности и принятие стандартов устойчивости».

Злободневные проблемы развития агропродовольственного комплекса выносятся на обсуждение исследователей из разных стран в рамках организации 30-й Мировой конференции Международной Ассоциации управления продовольствием и агробизнесом (International Food and Agribusiness Management Association – IFAMA). Тема формулируется емко и кратко – «Продовольствие в будущем». IFAMA организует мероприятие совместно с Роттердамским продовольственным кластером (инициатива г. Роттердам) в партнерстве с Лейденским университетом, университетом Делфта, университетом Эразма Роттердамского, Вагенинским университетом и Университетом прикладных наук Инхолланда. В конференции планируют принять участие более 1000 человек со всего мира, в том числе ученые из ведущих университетов, представители различных отраслей промышленности и сельского хозяйства, чиновники, профессионалы – от начинающих предпринимателей до крупных генеральных директоров фирм.

В результате анализа тематики данного международного форума можно выделить пять блоков проблем. Первый – «Агропродовольственные кластеры, сети для совместных инноваций и взаимодействия». IFAM определяет агропродовольственные кластеры как организованные в регионах сети, включающие в себя продовольственные бизнес-структуры, экспертов-посредников, поставщиков услуг и организаций государственной поддержки, которые обеспечивают возможности взаимодействия, взаимного обогащения и совместного распространения инноваций. Агропродовольственные кластеры образовались в большинстве случаев в урбанизированных зонах с появлением рыночных и социетальных вызовов как на национальном, так и глобальном уровнях. Второе обсуждаемое направление – «Глобальные распределительные сети и логистические центры». Отмечается, что глобализация привела к продвинутой системе отношений внутри организации торговли и продовольственных цепочек поставок, что способствует быстрому доступу к продовольствию и расширению его разнообразия, но в то же время вызывает возможности появления рисков и нестабильности поставок. Поэтому эффективность взаимодействия между акторами продовольственной цепоч-

ки поставок как на локальном, так и международном уровнях, а также появление циркулирующих замкнутых продовольственных цепочек поставок стали главными факторами в принятии логистических решений. Третий блок проблем организаторы конференции IFAMA обозначают как «Динамику агропродовольственной экосистемы». Актуальность выбора этого вектора исследования определяется тем, что агропродовольственные экосистемы обеспечивают одновременное социальное, экономическое, технологическое и культурное взаимодействие между потребителями, бизнесменами, представителями неправительственных организаций и государственными чиновниками. Изучение сложных взаимоотношений между элементами этих систем, а также характеристик инвайронментальной динамики дает возможность понять, какие механизмы управления и предотвращения рисков будут наиболее эффективными. Четвертый блок проблем – «Разумный выбор потребителей, ориентированный на улучшение здоровья и устойчивость к вирусам». Отмечается, что в настоящее время продукты питания всё чаще оцениваются с точки зрения их влияния на здоровье населения. Многие продовольственные компании сфокусировали свое внимание на производстве здоровых продуктов питания путем внедрения инновационных технологий в процессы производства и распределения, а также применения новых способов взаимодействия между акторами цепочек поставок и потребления. Изучение и обсуждение этих «case-studies» представляется крайне актуальным. И, наконец, пятый блок проблем, который выделяет международное сообщество, имеет некий обобщающий смысл и называется «Устойчивость (развивающихся) продовольственных рынков». Такие глобальные вызовы, как значительные политические и экономические изменения, социальная нестабильность, климатические изменения и экстремальные погодные условия требуют обеспечения стабильности функционирования продовольственных цепочек и формирования рыночных отношений. В этом плане крайне важным является обсуждение эффективных методов исследования, опыта применения успешных практик и распространения новых знаний.

Результаты многих исследований и разработок членов Международной Ассоциации управления продовольствием и агробизнесом опубликованы в выпускаемом IFAMA журнале «International Food and Agribusiness Review». Проведенный анализ проблематики опубликованных за последние три года статей позволяет выявить наиболее актуальные направления исследований: интеграция и вертикальная координация цепочки поставок мяса, молока, овощей и т.п. (Lu Wang, Jianti Luo, Simeon Hayer, Jefferson Andronio Ramundo Staduto, Ditrich Darr); потребление и маркировка особых видов продукции (Shang Ho Yang); гибридная форма сельскохозяйственной организации (Qao Liang, Weibin Hu, Fu Jia); применение инноваций для обеспечения жизнеспособной и устойчивой продовольственной системы (Paul T.M. Ingenbleek, Brady Spangenberg); стратегия роста коммерческой фирмы (Roberto Tara Scare, Allan Wayne Gray, Rodrigo Lourenco Farinha, Erin Chalsea); проблемы менеджмента сельскохозяйственных предприятий (Leonardo Eusslin, Vinicuis Desem, Ademar Dutra, Karine Somense); межпоколенческие фермерские трансферты (Lulia Tetter, Michael Boehlije).

Заключение.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что злободневными вопросами для обсуждения на конгрессах и конференциях, проводимых в рамках заседаний международных организаций, являются расширение исследовательских границ в области экономики сельского хозяйства; необходимость междисциплинарного характера исследований; привлечение к дискуссии как можно больше заинтересованных организаций; применение инновационных методов исследования. Исследовательские интересы всё больше смещаются в сторону социально-гуманитарной направленности.

Особый акцент следует сделать на привлечении внимания международных сообществ к применению в исследованиях проблем развития агропродовольственных систем методологии экспериментальной экономики, предполагающей использование экспериментальных методов для проверки обоснованности экономических теорий и исследования рыночных механизмов.

Необходимо также выделить такое актуальное направление в изучении развития продовольственных систем, находящееся в поле внимания экономистов-аграрников, как системная динамика, в основе которого лежит изучение сложных систем, исследование их поведения во время и в зависимости от структуры элементов системы и взаимодействия между ними. Следует отметить следующие направления, дающие импульс обсуждению данной проблемы: системная динамика продовольственных систем и окружающая среда; синергетический эффект взаимодействия элементов продовольственной системы; системная динамика продовольственных цепочек.

Важным направлением является исследование использования стандартов устойчивости, связанное с обеспечением устойчивости продовольственных производственно-сбытовых цепочек. Тема «Изменение стандартов устойчивости» рассматривается в контексте современных глобальных вызовов, среди которых выделяются, такие как обеспечение продовольственной безопасности; создание рабочих мест и обеспечение конкурентоспособности европейских стран; сокращение зависимости от невозобновляемых ресурсов; адаптация к изменениям климата и устойчивое управление развитием природных ресурсов. Все эти вызовы диктуют новые ориентиры осуществления политики, направленной на развитие биоэкономики в Европе. При этом внимание потребителей всё больше обращается на экологически чистую продукцию, не оказывающую негативного влияния на здоровье, а качество продуктов питания становится важнейшим компонентом устойчивости развития продовольственного комплекса. В связи с этими тенденциями в фокусе рассмотрения являются вопросы устойчивости экономической активности внутри производственно-сбытовых цепочек.

Внимание экономистов-аграрников за рубежом обращается на переосмысление и определение новых условий и факторов производства и переработки сельскохозяйственной продукции с ориентацией на потребление более здоровых продуктов питания. Кроме того, учитываются потребительское восприятие, выбор и принятие новых продуктов питания; стратегия развития и конкурентоспособность; применение новых технологий; маркетинг; изменение законодательства в области продовольствия; развитие новых регулирующих механизмов и разработка эффективных политических мер.

Большие перспективы в исследовании развития агропродовольственных систем ученые международных сообществ связывают с расширением применения количественных методов равновесия (equilibrium methods).

Изучение этих приоритетных трендов и использование их в практике отечественных исследований способствует поддержке глобального обмена информацией и знаниями, распространению инновационных достижений для решения проблем развития агропродовольственного комплекса России.

Список литературы:

1. Анфиногентова А.А., Фисенко Н.А. Глобальные тренды и локальные практики: современные форумы международных сообществ по аграрной тематике // Аграрный научный журнал. – 2017. – № 6. – С. 97–100.
2. Shogren J. Experimental Auctions: Methods and applications in Economic and Marketing Research. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – URL: https://link.springer.com/chapter/10.1057/9780230280786_17.
3. Kaufman J. The personal MBA: Master the Art of Business. – London: Penguin books Ltd, 2012. – 464 p.
4. Экспериментальная экономика (Комплекс исследований, по совокупности которых автору присуждена Нобелевская премия) / пер. с англ. под науч. ред. Р.М. Нуреева. – М.: ИРИСЭН: Мысль, 2008. – 808 с.
5. Sustainability Assessment in Food and Agricultural Systems: FAO, 2018.

**СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
МОЛОЧНОПРОДУКТОВОГО ПОДКОМПЛЕКСА В РЕГИОНАХ РФ,
НЕБЛАГОПРИЯТНЫХ ДЛЯ ВЕДЕНИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА¹**

Васильченко М.Я., к.э.н., Трифонова Е.Н., к.э.н., ИАГП РАН

В статье проведена сравнительная оценка состояния и динамики развития молочно-продуктового подкомплекса регионов, неблагоприятных для ведения сельского хозяйства, и регионов, схожих с ними по условиям ведения хозяйственной деятельности, по всему циклу воспроизводственного процесса: от молочного животноводства до выпуска молока и молочных продуктов для конечного потребителя. Проанализирована динамика соотношения основных показателей производства и душевого потребления молока и молочных продуктов по всем выделенным группам регионов. В целях сравнительного межрегионального анализа молочной промышленности, а также дальнейшего формирования стратегии развития региона, основанной на подходе дифференцированного управления, обоснована целесообразность применения метода кластеризации и сравнения регионов внутри одного кластера. По результатам проведенного анализа выявлено, что для ряда регионов, неблагоприятных для ведения сельского хозяйства (Волгоградская область, Республика Бурятия, Кемеровская, Иркутская области), требуется развитие связей между производителями молока и перерабатывающей промышленностью, стимуляция спроса со стороны промышленности. В Брянской, Рязанской, Ленинградской областях комплексные мероприятия по повышению эффективности молочного подкомплекса, развитию экспортного потенциала региона будут способствовать социально-экономическому развитию сельских территорий.

Ключевые слова: молочная промышленность, регионы РФ, неблагоприятные для ведения сельского хозяйства, молоко, молочные продукты, производство и переработка молока, потребление молока и молочных продуктов, стратегия, дифференцированное управление.

**STATE AND PROSPECTS FOR STRATEGIC DEVELOPMENT OF THE DAIRY
PRODUCT SUBCOMPLEX IN REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION
THAT ARE UNFAVORABLE TO AGRICULTURE**Vasilchenko M. Ya., candidate of economic sciences,
Trifonova E. N., candidate of economic sciences, IAGP RAS

The article provides a comparative assessment of the state and dynamics of the development of the dairy-product subcomplex of regions unfavorable to agriculture and regions similar to them in terms of economic activity, throughout the entire reproductive process: from dairy farming to the production of milk and dairy products for the final consumer. The dynamics of the ratio of the main indicators of production and per capita consumption of milk and dairy products for all selected groups of regions is analyzed. The feasibility of using the clustering method and comparing regions within a single cluster is substantiated for comparative inter-regional analysis of the dairy industry, as well as further formation of a regional development strategy based on the differentiated management approach. According to the results of the analysis, it was found out that for a number of regions unfavorable to agriculture (Volgograd region, Republic of Buryatia, Kemerovo, Irkutsk regions), it is necessary to develop ties between milk producers and the processing industry, and stimulate demand from industry. In the Bryansk, Ryazan, Leningrad regions, comprehensive measures to improve the efficiency of the dairy subcomplex, the socio-economic development of rural areas will contribute to the development of the region's export potential.

Key words: dairy industry, regions of the Russian Federation unfavorable to agriculture, milk, dairy products, milk production, milk processing, consumption of milk and dairy products, strategy, differentiated management.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 18-010-00433 а «Обоснование стратегии развития агропродовольственных систем в регионах России, неблагоприятных для ведения сельского хозяйства, с использованием подходов дифференцированного управления»

Введение.

Одним из стратегически важных направлений наращивания экспортного потенциала России является устойчивое интенсивное развитие агропромышленного комплекса. Базовой целью его развития является, в первую очередь, выход на уровень самообеспеченности по всем основным продуктам питания. Для субъектов Российской Федерации, признанных неблагоприятными для сельского хозяйства, развитие такой трудоемкой отрасли, как молочное животноводство, служит важным фактором сохранения рабочих мест на сельских территориях и решения их социально-экономических проблем. Немаловажную роль при этом играет устойчивое развитие молочной промышленности каждого региона РФ. Поскольку большая часть из всего ассортимента выпускаемой молочной промышленностью продукции является скоропортящейся, то молочное производство должно быть ориентированным не только на потребителя, но и на сырьевые источники, что обуславливает необходимость концентрации производства по переработке молока вблизи соответствующих сельхозпроизводств и непосредственных рынков сбыта. Учитывая тот факт, что практически ни в одном из регионов РФ не достигнуты рациональные нормы потребления молока и молочных продуктов на уровне 325 кг в год на душу населения (за исключением Республики Татарстан с уровнем среднедушевого годового потребления 359 кг в 2018 году), требуется разработка эффективной системы государственной поддержки молочной отрасли с учетом современных мировых тенденций, направленных на построение производства по инновационному типу развития.

Цель исследования.

Целью настоящего исследования является оценка состояния молочнопродуктового подкомплекса на протяжении всего цикла воспроизводства в регионах, неблагоприятных для ведения сельского хозяйства, а также обоснование необходимости применения специфических методов разработки стратегии развития отрасли с учетом региональных особенностей.

Методика исследований.

По результатам кластерного анализа [1], а также результатам анализа основных тенденций производства молока и молочных продуктов в регионах, неблагоприятных для ведения сельского хозяйства [2], описанных в более ранних работах, удалось выявить ряд макрорегионов по признакам схожести природно-климатических и социально-экономических условий ведения хозяйственной деятельности. Выявлено, что «центром» каждого макрорегиона является регион, неблагоприятный для ведения сельского хозяйства, который по основным показателям сопоставим с регионом-соседом по кластеру, не входящим в группу «неблагоприятных». Данное исследование послужило отправной точкой для выявления объективных предпосылок, влияющих на уровень развития молочной промышленности исследуемых субъектов РФ, а также для выявления возможных резервов роста промышленного производства в условиях существующих ограничений.

Результаты исследования.

Анализируя соотношение производства молока в хозяйствах всех категорий в выделенных кластерах (рисунок 1) за 2018 год, можно сделать выводы, что внутри макрорегионов между сравниваемыми субъектами РФ сохраняется приблизительно одинаковое соотношение в объемах производства. Каждый кластер имеет свои особенности. В кластере с центром в Волгоградской области безусловным лидером по производству молока является Ростовская область, которая не относится к регионам с неблагоприятными условиями ведения сельского хозяйства. Более того, в плане функционирования сельскохозяйственного производства – это очень сильный регион с выгодными условиями развития растениеводства, однако, молочное скотоводство развито достаточно слабо, поскольку около 80% молока производится в личных хозяйствах населения (рисунок 3), что во многом объясняет низкий уровень товарности молока в регионе (порядка 42%) (рисунок 2), а также один из самых высоких показателей потребления молока и молочных продуктов на душу населения (таблица 3). В Волгоградской области, являющейся центром соответствующего кластера, складывается аналогичная ситуация с молочным производством, отличие заключается лишь в более низких объемах производства и потребления. По абсолютным показателям производства выделяется 12 кластер,

центром которого является Ленинградская область, а также 9 и 7 кластеры. Однако ситуация в данных регионах отличается принципиально иным соотношением в структуре производства молока по категориям хозяйств, где превалирует доля сельхозорганизаций, а товарность молока колеблется в пределах 75-90%.

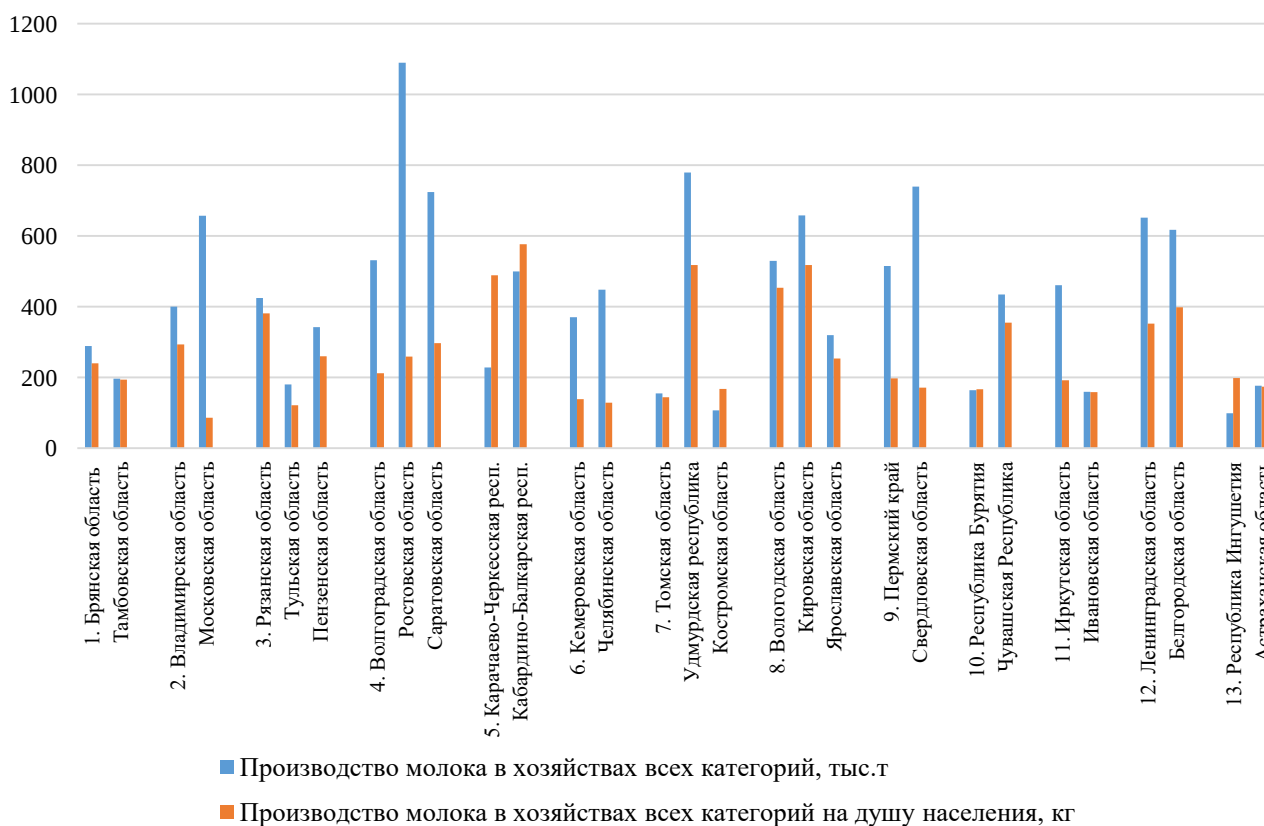

Рисунок 1 – Соотношение абсолютного объема производства молока и производства молока на душу населения в хозяйствах всех категорий в ряде регионов РФ в 2018 году [3,4]

В ходе анализа относительных показателей производства молока в хозяйствах всех категорий, пересчитанных на душу населения, ранжирование регионов меняется. Как видно из рисунка 1 и таблицы 1, условное лидерство принадлежит 5 и 8 кластерам с центрами в Карачаево-Черкесской республике и в Вологодской области. При этом именно 8 и 12 кластеры по совокупности показателей абсолютного и среднедушевого производства молока оцениваются нами, как наиболее перспективные для развития молочной промышленности. Именно в регионах, входящих в выделенные кластеры, зафиксированы наибольшие значения товарности молока (около 90%) и максимальная доля производства молока в сельхозпредприятиях. В Карачаево-Черкесской республике высокие значения производства молока достигнуты за счет личных хозяйств населения на фоне достаточно низкой товарности (53%), что существенно ограничивает развитие сферы переработки.

При этом, если оценивать динамику производства молока в хозяйствах всех категорий на душу населения (таблица 1), то становится очевидно, что практически все регионы снизили свои показатели после кризисного 2015 года, но, начиная с 2018 года, наметилась тенденция к росту. Во многом это можно объяснить тем, что молочное скотоводство приобрело статус приоритетной отрасли в Программе по развитию агропромышленного комплекса до 2025 года с соответствующим увеличением объемов господдержки из бюджетов всех уровней.

Таблица 1 – Динамика производства молока в хозяйствах всех категорий на душу населения по ряду субъектов РФ, входящих в состав выделенных кластеров, кг в год

Номер кластера	Субъект РФ	Годы						
		2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
1	Брянская обл.	279,7	267,3	253,6	237,4	240,1	242,4	240,3
	Тамбовская обл.	205,5	207,3	210,7	209,8	192,5	188,7	193,4
2	Владимирская обл.	252,1	244,3	244,3	252,7	264,1	278,9	293,2
	Московская обл.	98,3	90,3	88,1	86,2	84,7	86,4	86,5
3	Рязанская область	323,9	311,0	321,7	331,8	338,2	355,6	381,1
	Тульская обл.	120,9	108,3	111,1	118,7	117,8	107,0	121,6
	Пензенская обл.	300,2	257,3	240,9	246,0	250,4	257,9	259,9
4	Волгоградская обл.	201,8	206,2	204,5	200,8	203,4	208,6	211,9
	Ростовская обл.	253,6	254,1	254,5	255,1	257,5	258,5	259,2
	Саратовская обл.	385,3	331,0	311,8	292,7	285,4	289,0	296,8
5	Карачаево-Черкесская респ.	447,2	444,9	426,0	402,8	397,0	397,9	489,1
	Кабардино-Балкарская респ.	517,5	525,5	536,1	544,8	554,3	567,1	576,7
6	Кемеровская обл.	129,6	122,8	123,9	123,9	123,2	121,2	138,6
	Челябинская обл.	146,6	137,2	133,3	127,6	123,9	124,0	128,8
7	Томская обл.	150,5	129,3	122,9	123,2	125,2	129,9	144,1
	Удмуртская респ.	468,5	469,1	477,0	475,0	484,9	504,6	517,3
	Костромская обл.	183,6	169,7	163,5	166,1	167,0	168,6	167,7
8	Вологодская обл.	386,2	360,6	373,3	395,3	413,3	432,1	453,3
	Кировская область	405,5	399,5	415,5	446,8	472,4	500,6	517,4
	Ярославская область	205,3	207,0	214,2	220,7	231,0	244,5	253,5
9	Пермский край	180,3	171,9	176,3	180,2	180,7	184,3	197,4
	Свердловская обл.	140,4	142,0	150,8	151,0	156,1	165,9	171,4
10	Респ. Бурятия	220,8	212,8	196,0	191,8	180,6	156,3	166,8
	Чувашская Респ.	358,0	330,5	328,1	329,5	330,4	338,2	355,3
11	Иркутская область	186,5	189,5	193,5	190,7	188,2	190,5	192,0
	Ивановская область	153,8	142,3	141,7	147,3	151,5	155,8	158,9
12	Ленинградская обл.	322,4	312,1	315,3	327,8	336,3	342,0	352,6
	Белгородская область	361,9	351,5	351,6	342,9	349,4	383,0	398,5
13	Респ. Ингушетия	170,6	149,9	143,8	157,3	183,2	190,8	198,0
	Астраханская обл.	167,8	168,5	168,5	169,7	169,8	172,4	174,1

Примечание: жирным шрифтом выделены регионы, неблагоприятные для ведения сельского хозяйства, являющиеся центрами соответствующих кластеров.

Источник: рассчитано по данным [3, 4, 5].

Анализируя товарность молока в регионах, неблагоприятных для ведения сельского хозяйства (рисунок 2), можно сделать вывод, что максимальные значения показателя (около 90%) достигнуты во Владимирской, Рязанской, Вологодской и Ленинградской областях. Именно в данных регионах в структуре производства молока по категориям хозяйств преобладают объемы производства в сельскохозяйственных организациях (рисунок 3), что объясняет высокие показатели товарности в регионах. Во Владимирской области, например, ведущей отраслью сельского хозяйства является молочное скотоводство, в рейтингах по производству молока регион традиционно входит в тройку лидеров Центрального федерального округа России, а предприятия АО «Шихобалово» и ЗАО «Имени Ленина» входят в 50 крупнейших производителей молока в России. Более того, производство молока в регионе оценивается как профицитное, что обеспечивает не только полное обеспечение собственного населения молоком, но и устойчивые потоки его вывоза в соседние регионы, в частности, в Москву и Московскую область. Развитие молочного скотоводства во Владимирской области предполагает реализацию крупных инвестиционных проектов, в которые запланировано вложить порядка 7 млрд рублей [6]. Рязанская же область, хоть и уступает Владимирской по абсолютным надоям молока, но превосходит ее по относительному показателю на душу населения (381,1 кг против 293,2 кг соответственно), что также выводит ее в лидеры по производству молока в ЦФО. Молочное скотоводство региона позволяет полностью обеспечивать

внутренние потребности населения в молочных продуктах и является стабильным поставщиком сырья для крупных переработчиков других регионов.

Ленинградская и Вологодская области также достигли высоких показателей производства молока на душу населения (352,6 кг и 453,3 кг). Как и остальные регионы из данного перечня, они сохранили крупнотоварный сектор производства молока, что делает отрасль более управляемой и восприимчивой к различного рода инновационным процессам. В Ленинградской области молочное скотоводство является приоритетной отраслью сельского хозяйства, пользующейся поддержкой государства. При этом особенностью господдержки молочного скотоводства региона [7] является тот факт, что при невысоких относительных показателях господдержки, вложения в отрасль из местного бюджета сопоставимы с федеральным каналом распределения средств, что позволяет осуществлять различные программы развития молочного скотоводства регионального уровня. В Вологодской же области [8], благодаря своевременной государственной поддержке отрасли молочного скотоводства из областного бюджета в 2014 году, удалось остановить спад производства и минимизировать последствия кризиса 2015 года. Стоит отметить, что внутри соответствующих макрорегионов, где выделенные области являются «центрами», ситуация в субъектах, оцененных нами как близкие по условиям хозяйственной деятельности, складывается аналогичным образом, что, в определенной степени, подтверждает обоснованность выделенных критериев, на основе которых проводился процесс кластеризации.

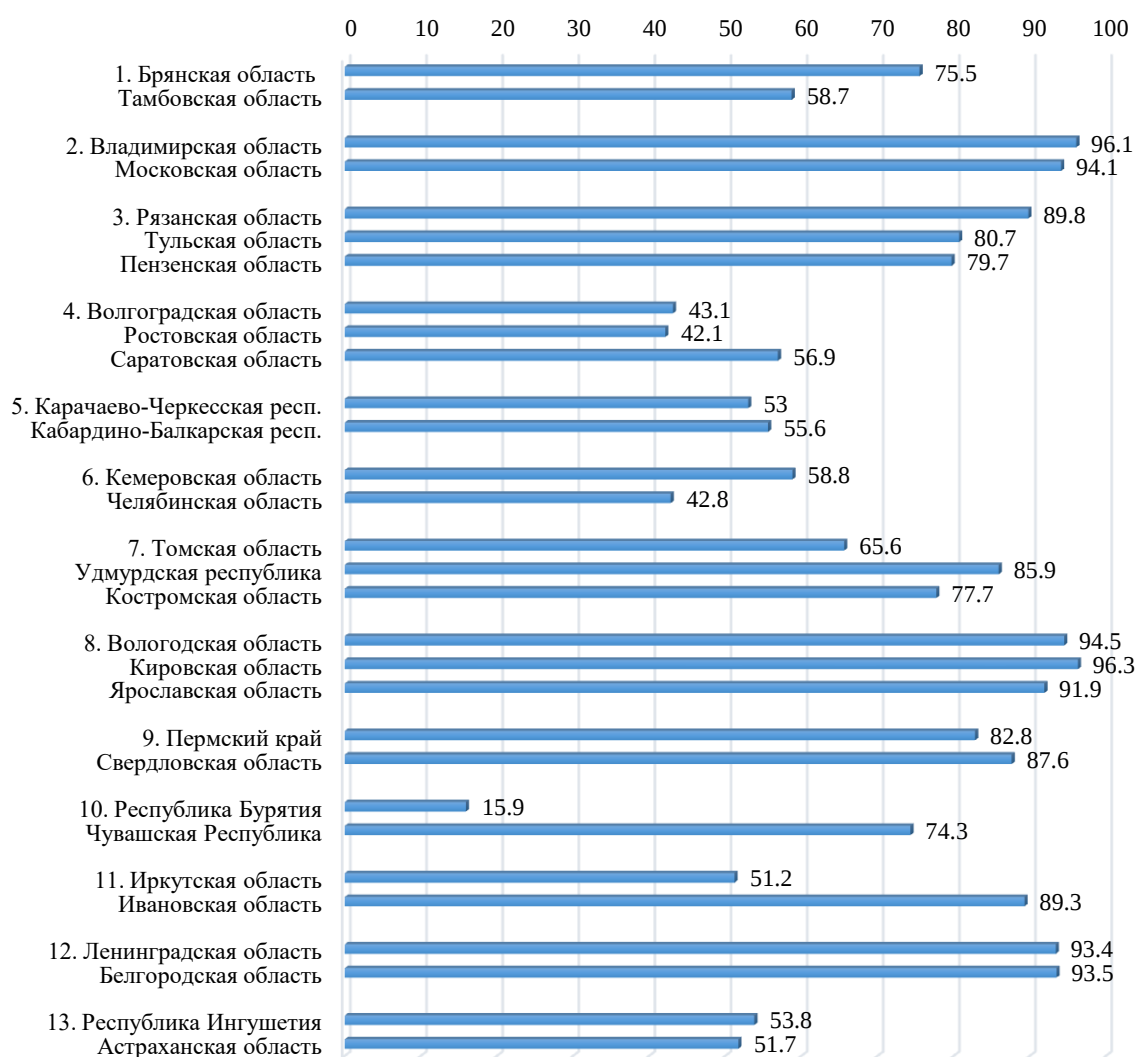

Рисунок 2 - Доля товарного молока в общем объеме производства всех категорий хозяйств в некоторых регионах РФ в 2018 году, % [9]

В качестве регионов, неблагоприятных для ведения сельского хозяйства (с наименьшим уровнем товарности производимого молока), можно выделить Республику Бурятия, а также Волгоградскую область (рисунок 2). Практически во всех регионах с низким уровнем товарности молока наибольшую долю в структуре его производства занимают личные хозяйства населения. В этом смысле «центры» 4 и 10 кластеров не являются исключениями. В Республике Бурятия молочное животноводство считается одним из рискованных и сложно управляемых направлений сельского хозяйства, что во многом связано со сложными природно-климатическими условиями большинства районов республики. Анализ динамики производства молока в хозяйствах всех категорий на душу населения (таблица 1) показал, что на протяжении всего рассматриваемого периода значение показателя снижается, даже несмотря на то, что молочное скотоводство является одним из приоритетных направлений поддержки со стороны государства. На сегодняшний день достижение значений среднедушевого годового потребления молока и молочных продуктов на уровне 201 кг происходит за счет самостоятельного удовлетворения населением своих потребностей путем ведения личного хозяйства. Более того, данный показатель также снизился по сравнению с 2012 годом на 23,8%. В Волгоградской области большая часть молока также производится в личных хозяйствах, а природно-климатические условия не слишком благоприятны для молочного скотоводства из-за жаркого засушливого лета. Однако действующие в регионе сельхозпредприятия являются вполне успешными, и если оценивать товарность молока именно по данной категории хозяйств, то значение показателя достигает 90%, что в определенной степени сглаживает значение общей низкой товарности. В частности, в регионе можно выделить два крупнейших производителя молока – СП «Донское» и ООО «Донагрогаз» [10]. Оба предприятия существенно превышают среднюю производительность по региону, при этом ООО «Донагрогаз» имеет статус племенного репродуктора по голштинской породе, а СП «Донское», построенное в 2016 году, – инновационное, отвечающее современным требованиям племенное хозяйство. Кроме того, у обоих хозяйств производство диверсифицировано за счет освоения отрасли растениеводства. Внутри обоих кластеров ситуация с «близкими» регионами по условиям ведения хозяйственной деятельности похожа.

Из рисунка 2 видно, что нетипичная ситуация складывается в 1 и 6 кластерах, где товарность молока в регионах, неблагоприятных для ведения сельского хозяйства, выше, чем в выделенных регионах-соседях, не попавших в группу «неблагоприятных». Интересная ситуация складывается в Брянской области, где основой сельского хозяйства является мясное животноводство, а излишки финансов от данного вида деятельности часто используются в качестве старта для функционирования молочного скотоводства. Рисунок 3 показывает, что в регионе достаточно высока доля сельскохозяйственных организаций в общем производстве молока, при этом самых крупных сельхозпредприятий на данный момент всего два [11], производство которых диверсифицировано: ООО «Нива», являющееся частью крупнейшего брянского агрохолдинга «Охотно», и ООО «Красный октябрь». Что касается региона-соседа по кластеру – Тамбовской области, то разница в товарности молока объясняется отличной от Брянской области структурой категорий хозяйств, производящих сырое молоко, а именно: при одинаковой доле крестьянско-фермерских хозяйств соотношение между сельхозпредприятиями и личными хозяйствами в производстве молока сдвигается в пользу последних. Что касается 6 кластера, то оба анализируемых региона характеризуется достаточно низкими показателями как абсолютного производства молока, так и производства на душу населения. В Кемеровской области наметившийся рост производства молока в 2018 году (таблица 1) можно во многом связать с увеличившейся в последние несколько лет поддержкой государства молочного скотоводства. Несмотря на некоторый рост показателей производства в Челябинской области ситуация на рынке молока достаточно напряженная. Низкий финансовый результат отрасли объясняется снижением закупочных цен на сырое молоко, поскольку недостаток сырья для сферы переработки компенсируется ввозом большого количества импортного дешёвого сухого молока.

Таким образом, можно заключить, что на уровень товарности молока в регионах помимо абсолютных значений производства продукта во многом оказывает влияние структура производства молока по категориям хозяйств. Чем выше доля сельскохозяйственных предприятий в общей структуре производства, тем в большей степени сфера переработки обеспечена местным сырьем, что является одним из важнейших условий бесперебойной и экономически эффективной работы переработчиков молока.

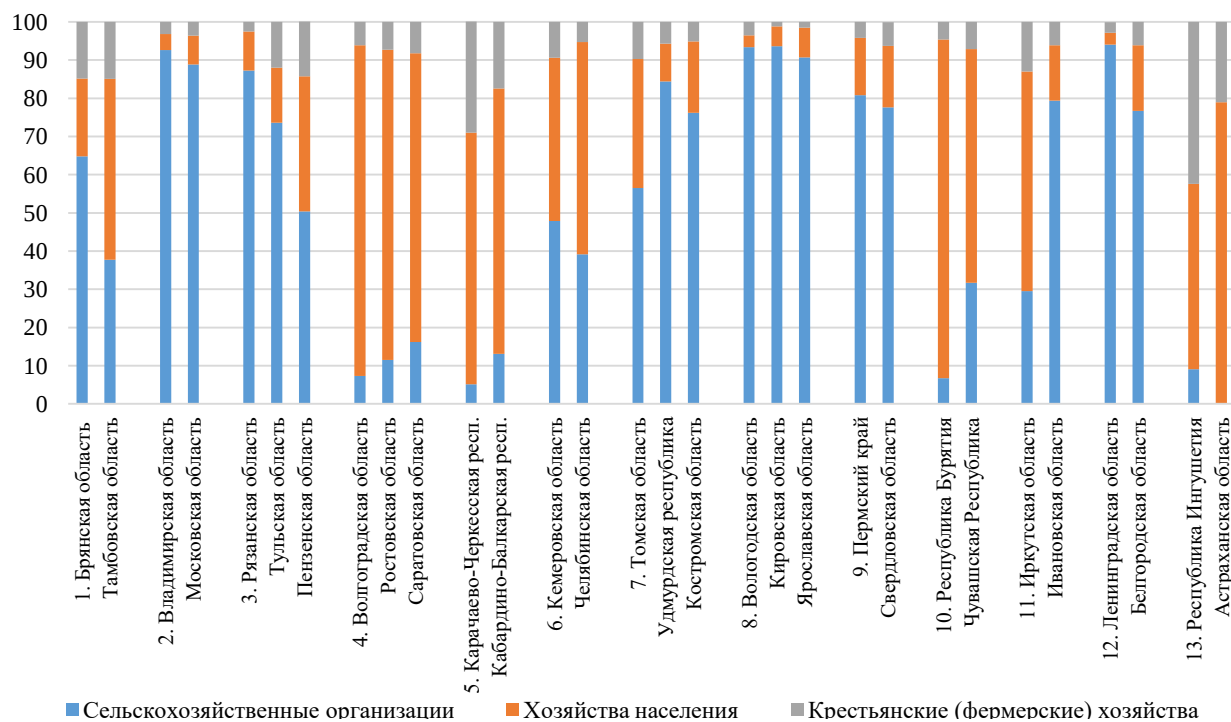

Рисунок 3 - Структура производства молока по категориям хозяйств в некоторых регионах РФ в 2018 году, % к общему объему производства в хозяйствах всех категорий [9]

Возможности дальнейшего увеличения производства молока в регионах различных кластеров во многом определяются используемыми мерами государственной поддержки, структура которой обладает ярко выраженными региональными различиями (таблица 2).

Наибольший интерес для рассмотрения представляют такие виды поддержки, как: субсидирование процентной ставки по инвестиционным кредитам, возмещение затрат на модернизацию и субсидии на поддержку племенного КРС. Субсидирование процентной ставки по инвестиционным кредитам отражает возможности расширения объемов производства. В 2018 году данная мера поддержки полностью отсутствовала в пятом и тринадцатом кластерах. Таким образом, в рассматриваемых кластерах не были охвачены данной мерой поддержки такие неблагоприятные для ведения сельского хозяйства регионы, как: Волгоградская область, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Ингушетия. Следует отметить, что в большинстве неблагоприятных регионов–центрах кластеров доля субсидирования процентной ставки значительно ниже среднероссийского уровня, который был равен в 2018 г. 11,2%. Исключение составляют Владимирская область (2 кластер), Рязанская область (3 кластер), Кемеровская область (6 кластер), Республика Бурятия (10 кластер). Особо следует отметить Республику Бурятию (32,7 %). Высокий уровень инвестиционной активности в данном регионе объясняется предоставлением дополнительных средств поддержки по программам опережающего развития приоритетных территорий, в том числе и в рамках подпрограммы «Стимулирование инвестиционной деятельности в агропромышленном комплексе». Низкий показатель в Ленинградской области, являющейся лидером на молочном рынке, как по объемам производства, так и уровню продуктивности, можно объяснить «насыщением» инвестиционными ресурсами и доминированием стратегии инновационного развития отраслей молочнопродуктового подкомплекса.

Таблица 2 – Структура государственной поддержки молочного скотоводства в субъектах РФ, входящих в состав выделенных кластеров, в 2018 году, %

Номер кластера	Субъект РФ	Виды государственной поддержки				
		Субсидии на 1 кг реализованного товарного молока	Субсидирование части процентной ставки по инвестиционным кредитам	Возмещение части затрат на создание и модернизацию объектов молочного скотоводства	Субсидии на поддержку племенного КРС молочного направления	Прочие виды поддержки
1	Брянская обл.	26,2	6,3	15,1	29,6	22,8
	Тамбовская обл.	22,8	47,7	0	14,9	14,6
2	Владимирская обл.	45,4	25,6	0	0,5	28,5
	Московская обл.	33,8	1,6	0	48,7	15,9
3	Рязанская область	35,7	22,2	1,3	15,6	25,2
	Тульская обл.	33,4	49,3	0	9,3	8,0
	Пензенская обл.	32,8	25,9	21,3	15,1	4,9
4	Волгоградская обл.	30,6	0	0	18,2	51,2
	Ростовская обл.	48,4	1,5	0	20,4	29,7
	Саратовская обл.	34,7	0	0	38,5	26,8
5	Карачаево-Черкесская респ.	11,9	0	0	60,0	28,1
	Кабардино-Балкарская респ.	42,2	0	9,5	41,9	6,4
6	Кемеровская обл.	31,3	11,4	0	36,4	20,9
	Челябинская обл.	33,5	0,9	0	33,2	32,4
7	Томская обл.	26,9	10	0	13,2	49,9
	Удмуртская респ.	50,4	3,2	0	36,1	10,3
	Костромская обл.	55,3	1,4	0	33,2	10,1
8	Вологодская обл.	39,3	0,9	39,0	20,8	0
	Кировская область	48,8	5,2	4,4	27,8	13,8
	Ярославская область	54,0	5,4	6,3	30,0	4,3
9	Пермский край	42,3	0,6	42,3	11,5	3,3
	Свердловская обл.	44,3	3,1	0	30,6	22,0
10	Респ. Бурятия	67,3	32,7	0	0	0
	Чувашская Респ.	37,5	7,0	19,4	30,7	5,4
11	Иркутская область	48,7	8,9	0	27,0	15,4
	Ивановская область	40,7	5,3	25,7	24,1	4,2
12	Ленинградская обл.	35,8	2,1	5,3	56,8	0
	Белгородская область	10,6	13,3	32,2	28,6	15,3
13	Респ. Ингушетия	45	0	51,5	3,5	0
	Астраханская обл.	59,3	0	0	40,7	0
Российская Федерация		31,6	11,2	16,8	22,8	17,6

Примечание: жирным шрифтом выделены регионы, неблагоприятные для ведения сельского хозяйства, являющиеся центрами соответствующих кластеров.

Источник: рассчитано по данным [9].

Возмещение затрат на модернизацию характеризует интенсивность процесса технического перевооружения отрасли. Среднероссийский уровень (16,8%) был превышен в таких неблагоприятных регионах (центрах кластеров), как: Вологодская область (39,0%), Пермский край (42,3%) и Республика Ингушетия (53%). Не использовалась данная мера поддержки во Владимирской области (2 кластер), Волгоградской области (4 кластер), Карачаево-Черкесской Республике (5 кластер), Кемеровской (6 кластер) и Томской (7 кластер) областях, Республике Бурятия (10 кластер) и Иркутской области (11 кластер). В целом данный индикатор характеризует «точечный» всплеск модернизации, как в регионах, неблагоприятных для развития сельского хозяйства, так и в регионах базы сравнения, что свидетельствует о нереализованных возможностях инновационного развития.

В структуре господдержки молочной отрасли значительную долю занимают затраты на поддержку племенного крупного рогатого скота молочного направления. В целом по России этот показатель в 2018 году был равен 22,8%. По данным таблицы 2 можно сделать вывод о

всестороннем охвате данной мерой поддержки как регионов, неблагоприятных для ведения сельского хозяйства (за исключением Республики Бурятия), так и регионов базы сравнения. Наибольшие значения индикатора – в Карачаево-Черкесской Республике – «центре» пятого кластера (60%), в Ленинградской области – «центре» двенадцатого кластера (56,8%). Значительная межрегиональная дифференциация индикатора свидетельствует о различном уровне обеспеченности таким важнейшим инновационным ресурсом, как племенная скот, поддержка которого способствует повышению конкурентоспособности конечной продукции в молочнопродуктовом подкомплексе.

На рисунке 4 продемонстрировано соотношение производства основных видов молочных продуктов за 2018 год. К ним отнесены: производство цельномолочной продукции, сыров и сырных продуктов, а также масла сливочного. Категория «цельномолочных продуктов» включает: молоко жидкое обработанное, кефир (без пищевых продуктов и добавок), сметана, творог, сливки, продукты кисломолочные для детского питания, ряженка и др. Для возможности сопоставления производство всех выделенных групп товаров представлены в пересчете на молоко. Из рассмотрения исключен 13 кластер в связи с отсутствием необходимых статистических данных. Для Республики Ингушетия и Астраханской области характерны низкие объемы производства молока, как по абсолютным показателям, так и по уровню производства на душу населения (таблица 1, рисунок 1), а также низкая доля в общем производстве сельхозпредприятий. При этом существующие немногочисленные переработчики молока Ингушетии делают ставку на продвижение натуральной экологически чистой продукции, что может быть использовано в качестве относительного конкурентного преимущества. К 2021 году в Ингушетии планируют запустить крупный инвестиционный проект по строительству молокоперерабатывающего завода «ЮгАгроПром» [12], предполагающий создание значительного числа рабочих мест в регионе, где зафиксирован высокий уровень безработицы. Кроме того, продукция завода должна обеспечить потребность местного населения в молочных продуктах, таких как: сметана, масло, кефир, йогурт, творог, сыр, а в дальнейшем планируется расширить производства и экспортировать сухое молоко в Китай, а сыры – в Нидерланды.

В силу особенностей климата молочное скотоводство не является отраслью специализации сельского хозяйства Астраханской области, что сказывается как на объемах производства молока, так и на объемах потребления (таблица 2). Кроме того, практически все молоко производится в хозяйствах населения и небольшая доля – в КФХ. В регионе очень низкие общие мощности переработки молока в сутки (около 10 тонн [13]), 2 тонны из которых перерабатываются крупнейшим в области переработчиком ООО «Профессор Белов» [14]. Выделяют еще два относительно крупных переработчика молока в регионе - УМП «Красноярское молоко» (находится в селе Красный Яр) и ООО ПФ «Астравита» - однако, в розничной торговле их продукция практически не представлена.

Как следует из рисунка 4, в сфере переработки молока в рассматриваемых макрорегионах обращает на себя внимание ситуация в 1 и 3 кластерах, где в регионах, неблагоприятных для ведения сельского хозяйства, общие объемы производства молочных продуктов выше, чем в регионах, близких по уровню экономического развития и условиям ведения хозяйственной деятельности. Аналогичная ситуация наблюдается и при пересчете анализируемого показателя на душу населения (рисунок 5). Не только в Брянской, но и в Рязанской области высок уровень товарности молока, а в структуре производства молока по категориям хозяйств преобладают сельскохозяйственные предприятия, что является базовыми условиями для эффективного функционирования сферы переработки. При этом, как видно из рисунков 4 и 5, в структуре переработки молока большая его часть направлена на производство сыра и сырных продуктов, производство которых является ресурсоемким и технологически сложным.

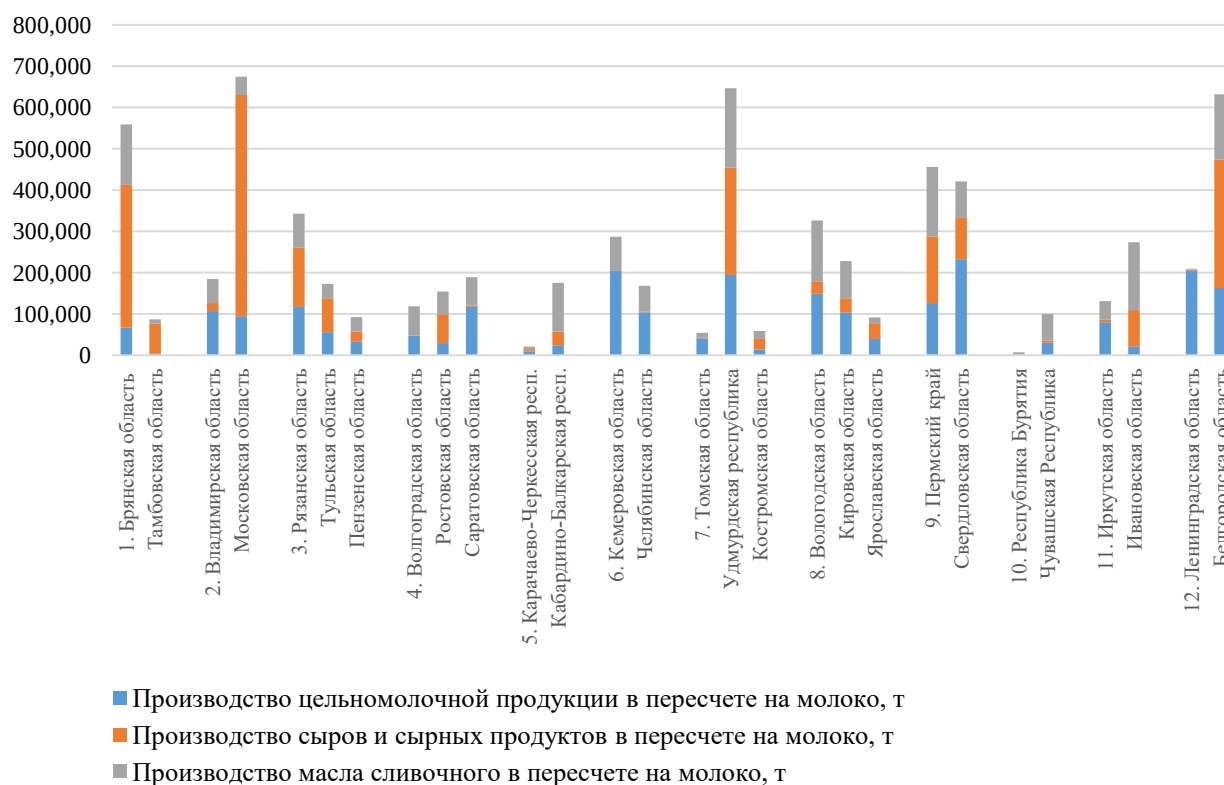

Рисунок 4 – Соотношение производства основных видов молочных продуктов в некоторых регионах РФ в 2018 году [3, 9].

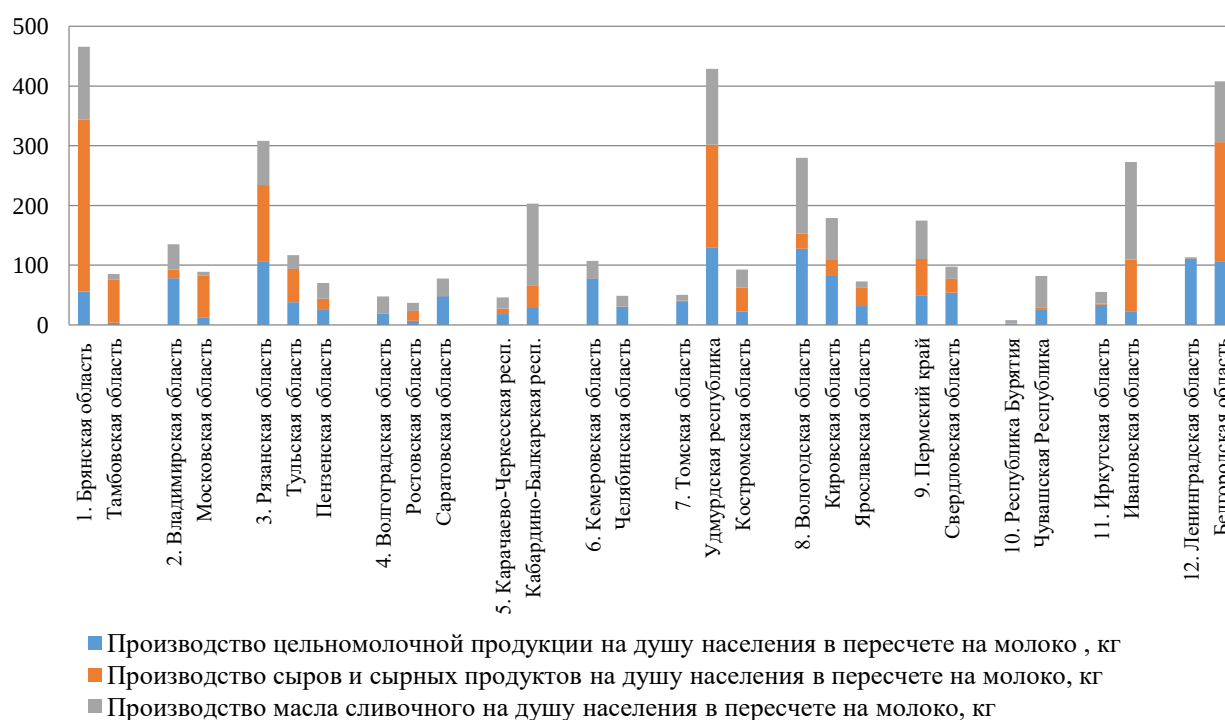

Рисунок 5 - Соотношение производства основных видов молочных продуктов, пересчитанных на душу населения, в некоторых регионах РФ в 2018 году

Источник: рассчитано по данным [3, 9].

В Брянской области выделяют три крупнейших переработчика молока [11], самым крупным из которых является ТНВ «Сыр Стародубский». Следующим по объемам переработки идет полностью государственный Брянский молочный комбинат (ОАО «БМК»), объемы переработки молока которого в два раза меньше, чем у «Сыра Стародубского», однако, у

него гораздо выше доля в госзакупках и госконтрактах. На третьем месте по объемам выручки идет ЗАО «Умалат». В Брянской области функционируют и другие вполне успешные переработчики молока, однако, как объемы переработки, так и величины получаемой прибыли не сопоставимы с тремя вышеназванными. Во многом секрет успеха молочной отрасли Брянской области кроется в диверсифицированном подходе к производству, когда необходимое финансирование отдельных производств осуществляется за счет выручки других хозяйств.

Высокий уровень развития молочного животноводства Рязанской области также играет существенную роль при формировании конкурентных преимуществ сферы переработки молока. Несмотря на то, что по абсолютным показателям производства молочных продуктов Рязанская область уступает Брянской, переработка молока здесь также является приоритетной отраслью развития региона. В частности, на сегодняшний день близок к завершению крупный инвестиционный проект по модернизации производства ООО Агромолкомбинат «Рязанский». Кроме того, в регионе функционируют такие крупные предприятия, как ОАО «Старожиловский молочный комбинат», а также молокозавод ООО «Вакинское Агро», мощность которого 120 тонн молока в сутки. Благодаря планомерным поддерживающим мероприятиям сферы переработки молока, в том числе со стороны государства, в 2018 году удалось увеличить на 9,1% выпуск сливочного масла и масляных паст, а творога - на 14,5% по сравнению с 2017 годом [15]. Как следствие, и в Брянской, и в Рязанской областях объем потребления молока на душу населения выше, чем в соседних по кластеру регионах. Например, в Пензенской области, несмотря на рост в сфере переработки за последние годы в абсолютных значениях, существенная доля произведенных продуктов вывозится в другие регионы из-за снижения внутреннего потребления. Основной проблемой молочной отрасли региона является низкое качество сырого молока личных хозяйств населения, составляющих существенную долю в структуре производства молока по категориям хозяйств. В Тульской области крупнейшими переработчиками молока являются: «Тульский молочный комбинат» и Молочный комбинат «Милавита» [16]. Большая часть остальных молочных производств являются сопутствующими при других компаниях в сфере переработки. Однако в отличие от ситуации с диверсификацией производства, складывающейся в Брянской области, молочная отрасль Тульской области не получает аналогичной поддержки. При этом стоит отметить, что в 2019 году Правительством Тульской области поддержан крупный инвестиционный проект (на сумму более 2,7 млрд. рублей и сроком реализации – 10 лет) [17], в соответствии с которым ООО «Завод глубокой переработки молока «ЛактоПром» планирует построить на ТОСЭР «Алексин» завод по глубокой переработке молока. На данном производстве планируется выпуск высококачественной молочной продукции, в том числе уникальной для российского рынка, что изменит ситуацию на региональном рынке молока и молочных продуктов в лучшую сторону.

В Тамбовской области в структуре переработки молока большая часть сырьевых ресурсов направляется на производство сыра и сырных продуктов, благодаря большому количеству дешёвого молока хорошего качества от сельхозпроизводителей, доля которых в регионе не столь существенная, как в Брянской области. Как следствие, в Тамбовской области сформировались благоприятные условия именно для сыроделов, продукция которых характеризуется высокой добавленной стоимостью. Часть крупных производителей сыра входит в состав агрохолдингов, хотя все заводы и бренды принадлежат региону [18]. К таким производителям можно отнести: АО «Новопокровский маслосырзавод» и ООО «Бондарский сыродельный завод». Таким образом, в регионе не выгодно производить цельномолочную продукцию, например, сливочное масло, спрос на которое ниже, чем на сыр, а производство также достаточно ресурсоемкое и затратное.

Аналогичная ситуация, когда в «неблагоприятных регионах» общий объем продукции переработки молока выше, чем в более «благоприятных» регионах-соседах, сложилась в 8 и 9 кластерах. Однако разрыв в значениях показателей не такой большой, как в предыдущей группе регионов. Из рисунков 4 и 5 видно, что в Вологодской области производство сыра и сырных продуктов как в абсолютных показателях, так и пересчитанное на душу населения,

занимает незначительную долю в общем объеме производства молочных продуктов, при этом произведено практически равное количество цельномолочной продукции и сливочного масла (127 и 126 кг в год на душу населения в пересчете на молоко). Развитое молочное животноводство региона позволяет обеспечивать местных переработчиков молоком высокого качества, при этом одной из самых развитых отраслей переработки молока является производство сливочного масла, пользующегося популярностью не только на внутрисоссийском рынке, но и на международном. В общероссийском выпуске сливочного масла доля Вологодской области варьируется в пределах 3,5%, а в 2019 году Вологодская область заняла 1 место среди субъектов Северо-Западного ФО, обеспечив при этом половину от всего объема производства сливочного масла в округе [19]. Бренд «Вологодское масло» известен миру уже более 100 лет. Вкус масла является уникальным, считается, что его секрет в особой кормовой базе, которое придает сырому молоку специфический привкус, переходящий в готовый продукт. При этом право использовать данный бренд законодательно закреплено только за местным бизнесом. Сегодня крупнейшим производителем «Вологодского масла» является Учебно-опытный молочный завод им. Н.В.Верещагина [20]. Благодаря удачному географическому положению и соседству с восемью вполне успешными субъектами РФ, Вологодской области удалось создать эффективные логистические маршруты для сбыта своей продукции, что позволяет обеспечить внутренние потребности в молочной продукции, а также экспортировать ее в соседние регионы.

В схожих по экономическим условиям Кировской и Ярославской областях сложилась достаточно ровная структура производства молочных продуктов. Благодаря региональной поддержке молочной отрасли, местные переработчики имеют доступ к качественному сырому молоку. В данных регионах исторически не сформировались какие-то уникальные условия для ускоренного развития сферы переработки, как в той же Вологодской области, однако, существующая, вполне стабильная ситуация в молочном скотоводстве и сфере переработки молока обеспечивает приемлемый уровень производства в данной товарной группе, способный обеспечить внутренний рынок на уровне среднедушевого потребления выше 200 кг в год. Что касается Пермского края, то, несмотря на то, что это северный регион, со сложными природно-климатическими условиями, там зафиксированы высокие показатели как по производству и товарности молока, так и по его потреблению. Переработка молока в Пермском крае также вполне развита. Совокупный показатель производства товаров переработки молока приблизительно поровну поделен между всеми основными выделенными товарными группами. При этом, например, по объемам производства цельномолочной продукции и сыров регион входит в топ-20 субъектов по России. В Пермском крае много крупных переработчиков молока. В частности, у компании PepsiCo в регионе функционирует Кунгурский завод, а известный Пермский молочный комбинат до 2014 года был в собственности у Danone, который затем продал его Маслозаводу «Нытвенский», являющемуся крупнейшим в молокоперерабатывающим предприятием с фактической мощностью 75 тыс. т молока в год (при номинальной мощности в 80 тыс. т сырья в год) [21]. Кроме того, еще одной отличительной особенностью региона является тот факт, что основным заказчиком по госзакупкам молока являются не школы, детские сады и больницы, а местные учреждения ФСИН. Ближайшая по условиям хозяйствования к Пермскому краю Свердловская область практически идентична по основным количественным показателям к анализируемому региону. Принципиальное отличие заключается в том, что Свердловская область является дефицитным регионом по самообеспеченности молоком для конечного потребления [22]. В 2016 году, например, регион занял третье место в рейтинге самых дефицитных регионов по молоку для конечного потребителя (после Московской и Ленинградской областей, включая города Москва и Санкт-Петербург). Однако региону удалось достичь баланса между спросом и предложением молока для промышленной переработки, что обеспечивает развитие перерабатывающей молоко промышленности на достаточно высоком уровне, в первую очередь, это касается производства сыров и сырных продуктов.

Во всех остальных кластерах наблюдается примерно одинаковая зависимость между уровнем развития сельского хозяйства и переработки. Чем выше уровень товарности молока и больше доля сельхозорганизаций в структуре общего производства молока в регионе, тем более благоприятная ситуация складывается для местных переработчиков. Структура же выпуска молочных продуктов по категориям зависит от региональных особенностей и условий ведения бизнеса. Из рисунков 4 и 5 видно, что нетипичная ситуация со структурой выпуска молочных продуктов складывается в Ленинградской области, объем производства сырого молока в которой сопоставим с Белгородской областью, однако, в сфере переработки в 2018 году практически отсутствует производство сыра и сливочного масла (2543 тонны и 1167 тонн в пересчете на молоко) на фоне 205548 тонн (в пересчете на молоко) цельномолочной продукции. Однако в скором времени можно будет ожидать изменения структуры производства молочных продуктов. Ленинградская область предпринимает попытки влиться в современный модный тренд по созданию сырных производств. В частности, в том же 2018 году сразу пять инвесторов запланировали развернуть производство сыра в регионе [23]: ГК «Галактика» (самый известный бренд - «Большая кружка»), ГК «Лосево», племзавод «Бугры», «Красноозерное», ТД «Зартый». Неоднозначная ситуация сложилась в Республике Бурятия, где на фоне потребления молока и молочных продуктов, сопоставимого со среднероссийским уровнем, а также достаточно развитого молочного скотоводства объемы производства анализируемых видов продукции переработки молока минимальны, поскольку переработка молока в регионе финансово невыгодна, учитывая существующий низкий уровень товарности сырья. Кроме того, обращает на себя внимание ситуация, складывающаяся в 4 кластере, где все входящие в макрорегион субъекты, можно охарактеризовать как испытывающие трудности в производстве адекватного количества молочной продукции, связанные с низким уровнем развития сферы переработки. Особо стоит подчеркнуть, что в данном случае не все проблемы сферы переработки связаны с трудностями ведения молочного скотоводства, поскольку показатели его развития варьируются между анализируемыми регионами.

Исследуя потребление молока и молокопродуктов, помимо динамики их потребления на душу населения (таблица 3) интересен анализ структуры использования молока и молокопродуктов внутри выделенных регионов. Как видно из рисунка 6, большая часть молока и молокопродуктов направляется на личное потребление, что логично, поскольку основная задача регионального молочного производства удовлетворить внутренние потребности проживающего на соответствующей территории населения. Кроме того, данный показатель зависит от доли в общей структуре хозяйств ЛПХ: чем выше доля личных хозяйств в региональном производстве молока, тем больше его направляется на личное потребление, и меньше на производственные нужды. Развитые отрасли животноводства и переработки молока с ориентацией на выпуск продукции с высокой добавленной стоимостью позволяют направлять часть продукции на экспорт, что видно на примере, в первую очередь, Брянской и Московской областей. Другая причина достаточно высокого объема экспорта заключается в неспособности переработать внутренние ресурсы сырого молока, что обуславливает его транспортировку в другие регионы.

Заключение.

Анализ молочной отрасли регионов, неблагоприятных для ведения сельского хозяйства, показал ряд специфических черт, присущих рассматриваемой группе субъектов РФ. Молочная отрасль характеризуется тесными межотраслевыми связями между сельским хозяйством и сферой переработки, поскольку молочная промышленность является не только ресурсоориентированной, но и зависимой от особенностей местного потребительского рынка отрасли. Для достижения стратегических целей, направленных на осуществление самообеспечения региона в молоке и молочных продуктах, необходимы меры, стимулирующие как производство, так и спрос на соответствующие группы товаров.

Таблица 3 – Динамика потребления молока и молокопродуктов на душу населения по ряду субъектов РФ, входящих в состав выделенных кластеров, кг в год [3, 4, 5].

Номер кластера	Субъект РФ	Годы						
		2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
1	Брянская обл.	226	219	208	193	186	179	168
	Тамбовская обл.	178	179	179	176	167	161	159
2	Владимирская обл.	209	210	202	196	198	197	199
	Московская обл.	268	271	253	240	240	242	235
3	Рязанская область	255	244	241	232	225	226	227
	Тульская обл.	147	142	141	109	108	112	117
	Пензенская обл.	240	229	214	205	200	200	198
4	Волгоградская обл.	201	203	201	197	197	195	196
	Ростовская обл.	278	278	274	261	257	254	256
	Саратовская обл.	309	284	263	247	231	231	232
5	Карачаево-Черкесская респ.	382	353	325	243	249	249	224
	Кабардино-Балкарская респ.	285	286	285	285	286	285	284
6	Кемеровская обл.	225	224	215	207	205	203	200
	Челябинская обл.	186	186	187	177	179	185	185
7	Томская обл.	264	262	258	252	252	254	254
	Удмуртская респ.	266	267	268	266	266	266	267
	Костромская обл.	201	194	192	197	198	198	199
8	Вологодская обл.	247	236	239	222	220	221	230
	Кировская область	294	294	283	275	275	265	266
	Ярославская область	248	246	240	227	223	218	217
9	Пермский край	235	233	232	233	230	230	225
	Свердловская обл.	240	240	240	240	240	239	239
10	Респ. Бурятия	264	264	251	245	222	207	201
	Чувашская Респ.	256	259	256	246	247	255	255
11	Иркутская область	202	199	200	197	193	194	195
	Ивановская область	181	181	180	175	174	174	180
12	Ленинградская обл.	293	293	293	293	289	287	279
	Белгородская область	262	262	261	260	260	259	259
13	Респ. Ингушетия	198	182	178	185	202	202	205
	Астраханская обл.	214	215	213	207	207	198	198

Примечание: жирным шрифтом выделены регионы, неблагоприятные для ведения сельского хозяйства, являющиеся центрами соответствующих кластеров.

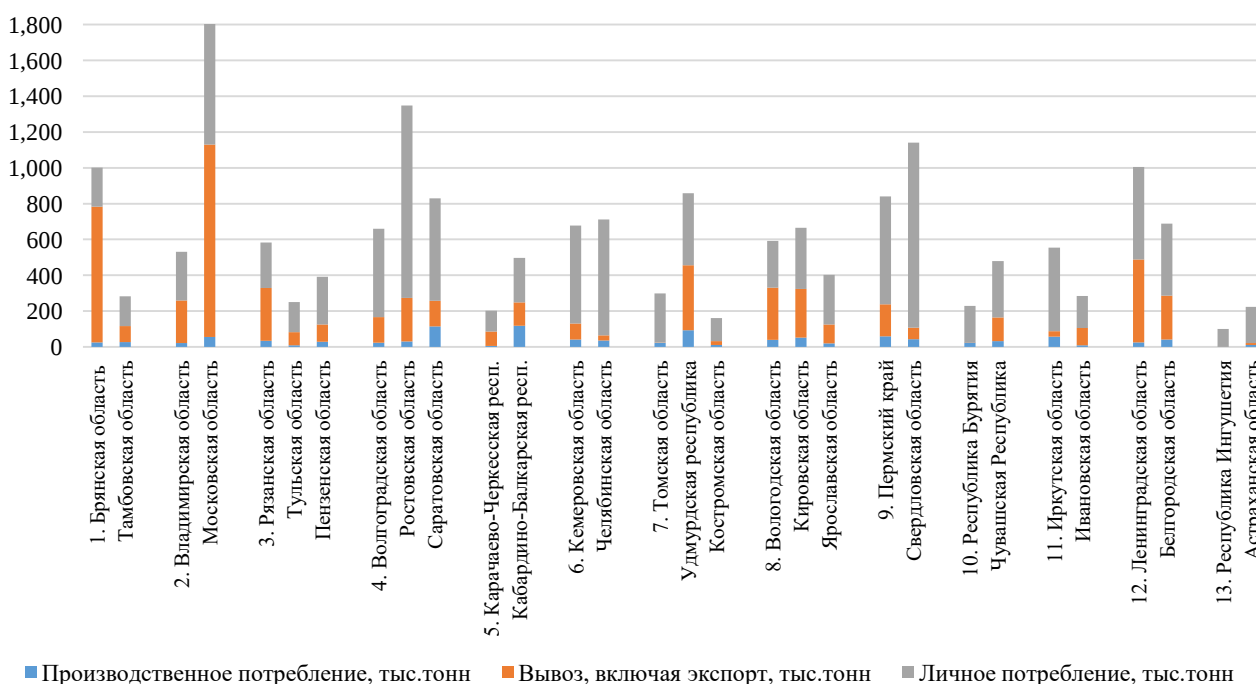

Рисунок 6 - Использование молока и молокопродуктов в ряде регионах РФ в 2017 году, тыс. тонн [24]

Ориентируясь на более ранние исследования [25], при наличии соответствующей поддержки отрасли (по базовому прогнозному сценарию развития отраслей переработки в «неблагоприятных» регионах) к 2025 году ожидаются более высокие темпы роста в данных регионах по сравнению со среднероссийскими показателями. Инновационный же сценарий развития предполагает достижение состояния внутреннего самообеспечения населения молоком и молочными продуктами. Однако помимо обоснованной субсидиарной поддержки государством сельского хозяйства, направленной на улучшение условий для простого и расширенного воспроизводства, необходимы меры поддержки отрасли переработки, а также стимулирования спроса на молоко и молочные продукты.

Учитывая особенности функционирования сферы переработки молока, такие как: низкая эффективность производства, недозагруженность, высокая степень изношенности основных производственных фондов, состояние регионального молочного животноводства - для многих регионов (Волгоградской, Иркутской областей и др.) оптимальным путем развития является не создание новых современных перерабатывающих комплексов, а модернизация существующих производств на фоне корректировки стратегии их дальнейшего развития. В первую очередь, речь идет о расширении ассортимента выпускаемой продукции, в том числе ориентированного на экспорт, а также повышении контроля качества продукции. Необходимо также создание условий для повышения инвестиционной привлекательности регионов, неблагоприятных для ведения сельского хозяйства. К подобным мерам можно отнести: корректировку критериев распределения субсидий между отраслями сельского хозяйства и переработки, усиление государственного контроля за наценками на протяжении всего производственного цикла, формирование программ модернизации и технического перевооружения перерабатывающих предприятий, а также создание условий для снижения доли импортного сырья в производстве молочных продуктов (в том числе сухого молока низкого качества). В части стимулирования уровня потребления молока и молочных продуктов необходимы: индивидуальный, прозрачный подход в каждом регионе к формированию системы государственных закупок молочной продукции; расширение пакета социальных программ, направленных на повышение потребления молочных продуктов малообеспеченными семьями; программы дошкольного и школьного питания в части потребления молока, формирование четкой государственной системы контроля качества продукции, исключающей попадание на прилавки фальсификата и т.п. Таким образом, развитие молочной отрасли регионов, неблагоприятных для сельскохозяйственного производства, должно основываться на комплексном межотраслевом подходе, учитывающем региональную специфику конкретного субъекта РФ, а разрабатываемая стратегия развития сферы переработки должна учитывать необходимость ускоренного развития регионального АПК.

Список литературы:

1. Андрущенко С.А., Васильченко М.Я., Шабанов В.Л. Оценка направлений развития агропродовольственных систем регионов России, признанных неблагоприятными для ведения сельского хозяйства // Международный сельскохозяйственный журнал. – 2019. - № 4 (370). - С.16-20.
2. Трифонова Е.Н. Тенденции производства основных продуктов пищевой промышленности в регионах, неблагоприятных для ведения сельского хозяйства // Научное обозрение: теория и практика. – 2018. - №7. - С.171-185.
3. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019: Стат. сб. / Росстат. - М., 2019. - 1204 с.
4. Агропромышленный комплекс России в 2018 году. 2019: Стат. сб. / Министерство сельского хозяйства Российской Федерации. – М., 2019. – 554 с.
5. Агропромышленный комплекс России в 2015 году. 2016: Стат. сб. / Министерство сельского хозяйства Российской Федерации. – М., 2016. – 703 с.

6. Молочное королевство. Владимирская область стала лидером ЦФО по производству молока // Вестник агропромышленного комплекса от 4 Апреля 2019. – URL: <https://vestnikapk.ru/articles/portret-regiona/molochnoe-korolevstvo/>
7. Региональный обзор. Выпуск №2: "Ленинградская область". – URL: https://www.dairynews.ru/news/regionalnyy-obzor-vypusk-2-leningradskaya-oblast.html?sphrase_id=8327641
8. Животноводство и племенное дело // Официальный сайт департамента сельского хозяйства и продовольственных ресурсов Вологодской области. – URL: https://agro.gov35.ru/deyatelnost/deyatelnost-strukturnykh-podrazdeleniy/index.php?SECTION_ID=231
9. Молочная отрасль 2018-2019: [справочник] / сост.: А.С.Белов, М.Э. Жебит, Е.А. Московская, Т.Д. Неутов [и др.] - Москва: Национальный союз производителей молока, 2018. - 388 с.
10. Региональный обзор Milknews: Волгоградская область // Агровестник от 06.07.2018. – URL: <https://agrovesti.net/lib/regionals/region-34/regionalnyj-obzor-milknews-volgogradskaya-oblast.html>
11. Региональный обзор: Брянская область // Milknews от 25 октября 2018 года. – URL: <https://milknews.ru/longridy/regiony/iz-myasa-vmoloko-bryansk.html>
12. В Ингушетии откроют молокоперерабатывающий завод с экспортом продукции в КНР и Нидерланды // Milknews - Новости молочного рынка от 17 февраля 2020 года. – URL: <https://milknews.ru/index/ingushetiya-pererabotka-moloka.html>
13. Всего 10 тонн молока перерабатывают астраханские молочные заводы / DairyNews.ru. – URL: https://www.dairynews.ru/news/vsego-10-tonn-moloka-pererabatyvayut-astrakhanskies.html?sphrase_id=8317181
14. Региональный обзор Milknews: Астраханская область. – URL: <https://agrovesti.net/lib/regionals/region-30/regionalnyj-obzor-milknews-astrakhanskaya-oblast.html>
15. В Рязанской области растет производство молока / Агровестник от 10.04.2019. – URL: <https://agrovesti.net/news/indst/v-ryazanskoj-oblasti-rastet-proizvodstvo-moloka.html>
16. Молочные заводы в Тульской области. – URL: http://www.orgpage.ru/tulskaya-obl/молочные_заводы/
17. У ТОСЭР «Ефремов» и «Алексин» появились новые резиденты // Официальный сайт Правительства Тульской области. – URL: https://tularegion.ru/presscenter/press-release/?ELEMENT_ID=167174
18. Региональный обзор: Тамбовская область // Milknews от 29 августа 2018 года. – URL: <https://milknews.ru/longridy/regiony/tambov-syr-vmesto-moloka.html>
19. В 2019 году в Вологодской области производство молочных продуктов составило почти 25 млрд рублей / DairyNews.ru от 02.03.2020. – URL: <https://www.dairynews.ru/news/v-2019-godu-v-vologodskoj-oblasti-proizvodstvo-mol.htm>
20. Региональный обзор: Вологодская область // Milknews от 29 июня 2017 года. – URL: https://milknews.ru/longridy/regiony/novosti-milk-news_12316.html
21. Региональный обзор MilkNews: «Пермский край» // Агровестник от 22.05.2017. – URL: <https://agrovesti.net/lib/regionals/region-59/regionalnyj-obzor-milknews-permskij-kraj.html>
22. Молочный рынок Свердловской области: sustainable development // DairyNews.ru от 25.09.2017. – URL: https://www.dairynews.ru/news/molochnyy-rynok-sverdlovskoy-oblasti-sustainable-d.html?sphrase_id=8451399
23. В Ленинградской области создадут пять сырных производств // Агровестник от 23.08.2018. – URL: <https://agrovesti.net/news/indst/v-leningradskoj-oblasti-sozdadut-pyat-syrnykh-proizvodstv.html>
24. Балансы продовольственных ресурсов (пересчитанные данные с учетом итогов ВСХП-2016) / Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Главный межрегиональный центр, Москва. - 2019.
25. Васильченко М.Я. Сценарные прогнозы развития отраслей агропродовольственного комплекса регионов России, неблагоприятных для ведения сельскохозяйственного производства // Экономические науки. – 2019. - №12 (181). - с.162-166.

ОСОБЕННОСТИ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ МЯСНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РЕГИОНОВ РФ, НЕБЛАГОПРИЯТНЫХ ДЛЯ ВЕДЕНИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА¹

Трифонова Е.Н., к.э.н., ИАГП РАН

Представлена сравнительная характеристика состояния и тенденций развития мясной промышленности регионов, неблагоприятных для ведения сельскохозяйственного производства, и субъектов РФ, схожих по социально-экономическим условиям хозяйствования и природно-климатическим факторам. Проведена оценка уровня душевого потребления мяса и мясопродуктов в выделенных регионах, проанализировано соотношение уровней производства и потребления мяса внутри исследуемых субъектов РФ. Показана целесообразность применения кластерного подхода для сравнительного межрегионального анализа уровня развития отдельных отраслей региональных агросистем и для разработки стратегии развития агросистем отдельных регионов с использованием подходов дифференцированного управления. Выявлено, что в ряде субъектов РФ, территория которых признана неблагоприятной для ведения сельскохозяйственного производства, таких как Волгоградская, Кемеровская, Рязанская области, требуется ускорение развития мясной промышленности, что должно оказать положительное влияние на развитие всего агропромышленного комплекса этих регионов.

Ключевые слова: мясная промышленность, пищевая и перерабатывающая промышленность, регионы РФ, неблагоприятные для ведения сельского хозяйства, стратегия.

FEATURES OF STRATEGY OF DEVELOPMENT OF MEAT INDUSTRY OF THE RUSSIAN REGIONS, UNFAVORABLE TO AGRICULTURE

Trifonova E.N., candidate of economic sciences, IAGP RAS

The article provides a comparative analysis of status and trends of development of meat industry in regions unfavourable to agricultural production, and regions of similar socio-economic conditions and climatic factors. The level of per capita consumption of meat and meat products in the selected regions was assessed, and the ratio of levels of production and consumption of meat within the studied subjects of the Russian Federation was analyzed. The expediency of using the cluster approach for a comparative inter-regional analysis of the level of development of individual sectors of regional agricultural systems and for developing a development strategy for agricultural systems of individual regions using approaches of differentiated management is shown. It was revealed that in a number of constituent entities of the Russian Federation, the territory of which is recognized as unfavorable to agricultural production, such as the Volgograd, Kemerovo, and Rязan regions, acceleration of the development of the meat industry is required, which should have a positive impact on the development of the entire agro-industrial complex of these regions.

Key words: meat industry; food and processing industry, regions of the Russian Federation unfavorable to agriculture; strategy

Введение.

Агропромышленный комплекс России имеет стратегическое значение для развития экспортного потенциала страны. В соответствии с федеральным проектом «Экспорт продукции АПК» [1] предполагается наращивание экспорта сельскохозяйственной продукции к 2024 г. в 2 раза по сравнению с 2018 г. При этом особая роль в достижении запланированных значений показателей отводится наращиванию объемов экспорта продукции глубокой переработки с высокой добавленной стоимостью, что предполагает межотраслевой подход к развитию агропромышленного комплекса с учетом интересов пищевой и перерабатывающей

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 18-010-00433 а «Обоснование стратегии развития агропродовольственных систем в регионах России, неблагоприятных для ведения сельского хозяйства, с использованием подходов дифференцированного управления»

промышленности. В условиях членства России во Всемирной торговой организации появилась возможность государственной поддержки сельского хозяйства целого ряда регионов РФ, отнесенных, в соответствии с разработанными критериями, к группе регионов с неблагоприятными условиями для ведения сельскохозяйственного производства. В соответствии с Распоряжением Правительства [2], подобный статус получили 37 субъектов РФ. При разработке протекционистских мер для регионов, неблагоприятных для ведения сельского хозяйства, не стоит забывать о разработке специфичной стратегии развития пищевой и перерабатывающей промышленности как основного потребителя сельскохозяйственной продукции с учетом особенностей функционирования регионального АПК.

Цель исследований.

Целью представленной работы является обоснование необходимости разработки специфической стратегии развития мясной промышленности регионов, неблагоприятных для ведения сельского хозяйства на основе сравнения состояния и тенденций развития отрасли субъектов РФ, входящих в выделенные кластеры.

Методика исследований.

В результате проведенного ранее кластерного анализа удалось выделить ряд, так называемых, макрорегионов [3], ядром каждого из которых является регион РФ, неблагоприятный для ведения сельскохозяйственного производства. В основу объединения субъектов РФ в единый макрорегион положен принцип схожести социально-экономических условий хозяйствования, а также природно-климатических факторов. Данный подход позволяет провести обоснованное сравнение каждого «неблагоприятного» региона с регионами, не отнесенными к данной группе, но схожими с ним по основным характеристикам ведения хозяйственной деятельности. Это дает возможность осуществить сравнительный анализ тенденций экономического развития отраслей АПК, в том числе пищевой и перерабатывающей промышленности, а также выявить и оценить резервы роста производства, что является одним из ориентиров при разработке дальнейшей стратегии развития региона.

Сравнение состояния отраслей пищевой и перерабатывающей промышленности между ядром кластера и его ближайшими «соседями», проведено внутри 13 выделенных макрорегионов на примере мясной промышленности (таблицы 1, 2). Подобный сравнительный анализ призван обосновать или опровергнуть необходимость использования специфического подхода к разработке стратегии развития отраслей пищевой промышленности регионов РФ, неблагоприятных для ведения сельскохозяйственного производства.

Проблемы обоснования стратегии развития мясной отрасли промышленности на всех уровнях управления длительное время привлекает внимание зарубежных и отечественных исследователей. Так, в настоящее время существует большое количество научных разработок стратегии развития мясной промышленности на микроуровне. В частности, исследованиями в области формирования и обоснования стратегий развития отечественных предприятий мясной промышленности занимаются А.А. Соловьев [4], И.Р. Леман [5], О.А. Данилова [6] и ряд других; выявлением ключевых факторов, влияющих на разработку стратегии развития мясной промышленности на региональном и национальном уровнях, – сотрудники Всероссийского научно-исследовательского института мясной промышленности имени В.М. Горбатова (г. Москва) [7], М.Я. Васильченко [8], Н.Ф. Небурчилова, И.В. Петрунина [9] и др. Однако проблема формирования и обоснования специфики стратегии мясной промышленности регионов, неблагоприятных для ведения сельского хозяйства, на сегодняшний день остается недостаточно разработанной.

Результаты исследований.

Мясная отрасль промышленности практически во всех регионах, неблагоприятных для ведения сельского хозяйства, уступает по объемам производства на душу населения регионам, входящим в те же кластеры, но не попадающие в группу «неблагоприятных» (таблица 1). Данную ситуацию во многом можно объяснить тем, что практически любая отрасль пищевой промышленности является ресурсозависимой от смежных отраслей сельского хозяйства. Учитывая неблагоприятную ситуацию в тенденциях развития регионального сельского хозяйства, можно предположить нехватку местных ресурсов для локальных пищевых произ-

водств. Кроме того, стоит учесть и факт сезонности производства, а также не всегда адекватное современным требованиям состояние материально-технической базы многих предприятий.

Таблица 1 – Динамика производства мяса и субпродуктов на душу населения по ряду субъектов РФ, входящих в состав выделенных кластеров, кг/год

Номер кластера	Субъект РФ	Год						
		2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
1	Брянская обл.	70,26	77,13	103,97	196,66	215,40	221,47	243,17
	Тамбовская обл.	83,46	98,60	99,81	121,81	138,17	268,93	353,74
2	Владимирская обл.	22,36	25,41	27,60	25,63	24,03	21,77	18,52
	Московская обл.	28,39	33,10	33,54	29,38	34,22	39,72	43,01
3	Рязанская область	24,13	19,37	13,30	12,92	...	7,22	...
	Тульская обл.	22,58	20,04	15,06	18,39	24,68	45,11	54,97
	Пензенская обл.	89,12	109,55	139,45	169,83	167,73	192,57	207,36
4	Вологодская обл.	27,93	21,12	17,46	15,07	16,81	16,23	12,41
	Кировская обл.	19,26	20,67	23,85	23,90	25,39	27,90	29,48
	Ярославская обл.	24,69	29,87	36,24	39,86	38,16	39,65	44,37
5	Волгоградская обл.	19,13	20,63	23,50	18,07	13,96	21,46	18,90
	Ростовская обл.	31,52	20,42	24,80	26,13	28,67	26,89	29,62
	Саратовская обл.	10,67	12,78	13,36	13,30	11,98	14,49	14,71
6	Карачаево-Черкесская респ.	8,69	9,79	12,37	8,33	10,52	3,65	...
	Кабардино-Балкарская респ.	8,15	9,90	9,76	10,67	12,14	10,52	13,86
7	Пермский край	19,70	19,65	20,52	22,40	22,80	22,23	20,53
	Свердловская обл.	27,09	31,80	32,86	34,11	35,00	35,24	36,21
8	Респ. Бурятия	4,12	4,52	14,11	17,41	17,07	17,87	...
	Чувашская респ.	25,08	23,79	27,22	38,64	43,37	48,42	47,59
9	Иркутская обл.	22,09	22,42	24,97	25,74	26,73	27,20	26,86
	Ивановская обл.	17,25	14,29	6,56	16,31	18,57	20,99	...
10	Кемеровская обл.	14,33	15,07	15,19	18,25	17,31	20,71	19,75
	Челябинская обл.	67,43	81,00	93,02	101,77	104,91	104,95	108,40
11	Томская обл.	63,72	78,79	74,30	84,40	80,54	90,63	...
	Удмуртская респ.	40,78	42,12	44,60	46,74	53,07	57,44	56,60
	Костромская обл.	19,12	16,01	13,15	13,82	13,73	17,73	15,86
12	Ленинградская обл.	128,27	135,94	139,81	142,55	146,88	160,03	159,15
	Белгородская обл.	622,97	726,17	775,00	815,03	790,53	831,87	855,23
13	Респ. Ингушетия	0,00	...	...	...	...	0,61	...
	Астраханская обл.	2,27	1,67	4,60	5,79	3,43	0,59	...

Примечание: жирным шрифтом выделены регионы, неблагоприятные для ведения сельского хозяйства, являющиеся центрами соответствующих кластеров; здесь и далее. Рассчитано автором по данным [10, 11, 12].

В более ранних исследованиях [13] было отмечено, что после кризисных 2015–2016 гг. имеет место общее снижение производства мяса практически во всех регионах РФ. Более того, если анализировать динамику производства, начиная с 2012 г., то видно, что к концу рассматриваемого периода (к 2018 г.) в большинстве регионов, неблагоприятных для ведения сельского хозяйства, снизились объемы душевого производства мяса и субпродуктов. В большинстве же регионов-соседей, ситуация обратная, демонстрирующая хоть и незначительный, но все же рост показателя. По нашему мнению, во многом на ситуацию повлияло отсутствие адекватной адресной поддержки местных производителей со стороны государства.

При этом обращает на себя внимание ситуация, сложившаяся в первом кластере, где объемы производства мяса на душу населения в Брянской области к 2018 г. по сравнению с 2012 г. выросли практически в 3,5 раза, а в Тамбовской области – более чем в 4 раза. В рейтинге регионов России по производству мяса по итогам первого квартала 2019 г. [14], Брянская область заняла 9-е место, а Тамбовская – пятое, произведя 107,9 тыс. т и 127,2 тыс. т продукции соответственно. При этом в 2018 г. в Брянской области существенный прирост

сельскохозяйственного производства обеспечило мясное скотоводство [15]. Во многом это связано с реализацией крупных инвестиционных проектов на территории области, в частности, крупнейший проект в России реализует ООО «Брянская мясная компания», входящая в агрохолдинг «Мираторг» [16], где высокими темпами наращивается производство высококачественной говядины и говяжьих полуфабрикатов. «Мираторг» является крупнейшим производителем мяса в России, а его основные производственные активы сконцентрированы в Белгородской (входит в состав 12 кластера) и Брянской областях. Тамбовская область, входящая в данный кластер, на протяжении уже довольно длительного времени занимает лидирующие позиции среди регионов России по производству мяса птицы и свинины. При этом в последние годы особой поддержкой со стороны государства, в частности, в виде грантов, пользуется мясное скотоводство. Отечественные фермеры в настоящее время не испытывают проблем со сбытом своей продукции. Существенные объемы говядины перерабатывают разделочные цеха компании «Ашан», кроме того, идет строительство крупного мясокомбината в Мичуринске. Однако при высоких объемах производства мяса в обоих регионах видна не менее заметная разница в объемах среднедушевого годового потребления (таблица 2). Так, если в Тамбовской области к 2018 г. душевое потребление мяса уже превзошло рациональные нормы (81 кг), то в Брянской области данный показатель остался примерно на уровне 2012 г., а именно, 66 кг в год и это при практически одинаковых уровнях доходов населения в обоих регионах. По нашему мнению, во многом данную ситуацию можно объяснить различиями как в структуре спроса, так и в структуре предложения. По всей видимости, в Тамбовской области потребительский спрос на мясо и мясопродукты компенсируется за счет мяса птицы и свинины, а не мяса крупного рогатого скота, что обусловлено спецификой местного производства. Основные же рынки сбыта Тамбовской области, судя по всему, локализованы внутри региона, а мясная промышленность Брянской области ориентирована на экспорт.

Нетипичная ситуация также наблюдается в 11 кластере, где в 2017 г., например, годовые объемы производства мяса в расчете на одного жителя в «неблагоприятной» Томской области превосходили Удмуртскую республику в 1,5 раза, а Костромскую область – в 5 раз на фоне достаточно низкого уровня среднедушевого годового потребления мяса и мясопродуктов во всех сравниваемых субъектах. Томская область является наглядным примером эффективности внедрения кооперации в сельском хозяйстве. Несмотря на суровые климатические условия, регион самостоятельно обеспечивает внутренние потребности в мясе птицы и свинины, что, по всей видимости, и является основными видами потребляемого мяса. С 2017 г. в области успешно реализуется проект по ускоренному развитию мясного скотоводства. При этом в качестве базовой модели для наращивания объемов производства КРС используется модель агропромышленного линейного производственного кластера [17]. В Костромской области, напротив, при достаточно благоприятных природно-климатических условиях, мясное животноводство как сырьевая база для мясной промышленности характеризуется сокращением поголовья. При этом сфера переработки мяса в регионе представлена собственными цехами, которые обеспечиваются местным сырьем, за пределы региона вывозится, в основном, переработанная продукция [18].

Объемы производства мяса и субпродуктов на душу населения в регионах 12 кластера заметно превосходят аналогичный показатель во всех других регионах. По мнению некоторых специалистов [19], потенциальный успех Ленинградской области в производстве КРС и переработанной продукции из говядины, может быть связан с превалированием индустриального типа производства над фермерским, что существенно увеличивает объемы выпускаемой продукции и снижает ее себестоимость. Однако на настоящий момент существующий потенциал перерабатывающей промышленности Ленинградской области не реализуется в полной мере, в первую очередь, из-за проблем в отраслях животноводства, что не позволяет полностью загрузить производственные мощности предприятий мясной промышленности.

Во всех остальных регионах, за исключением Пензенской и Челябинской областей, годовое производство мяса и субпродуктов на душу населения существенно ниже, чем среднегодовое душевое потребление мяса и мясопродуктов (таблица 2, рисунок). Очевидно, что разница компенсируется за счет привозных товаров. Таким образом, практически все иссле-

двуемые субъекты РФ собственным производством не обеспечивают внутренние потребности населения в мясе и мясопродуктах. При этом в большинстве регионов среднегодовые душевые объемы потребления мяса остаются ниже рекомендованных медицинских норм (73 кг [20]). Исключения составляют лишь Волгоградская, Вологодская, Ленинградская и Кемеровская области (до 2015 г.). В других же регионах, входящих в состав выделенных кластеров, ситуация с потреблением мяса и мясопродуктов более благоприятная. Практически везде уровень потребления близок к рекомендованным 73 кг, за исключением Тульской, Саратовской, Костромской областей и Кабардино-Балкарской республики, а в Белгородской и Астраханской областях потребление мяса даже выше рекомендованных норм. В отмеченных случаях-исключениях, ситуация с годовым душевым потреблением мяса и мясопродуктов всё равно остается более выгодной, по сравнению с ситуацией в «неблагоприятных» регионах, входящих в те же кластеры. Поскольку уровень потребления мяса и мясных продуктов является определенным индикатором благосостояния населения, можно предположить, что в результате того, что низкий уровень доходов сельского населения изначально заложен в методику отнесения субъекта РФ к категории неблагоприятных, то он же оказывает существенное влияние на совокупный уровень потребления мяса и мясопродуктов в регионе. Кроме того, немаловажна структура потребления как по видам мяса, так и по глубине его переработки.

Таблица 2 – Динамика потребления мяса и мясопродуктов на душу населения (включая субпродукты II категории и жир-сырец) по ряду субъектов РФ, входящих в состав выделенных кластеров, кг/год [11, 12]

Номер кластера	Субъект РФ	Год						
		2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
1	Брянская обл.	62	63	64	64	65	65	66
	Тамбовская обл.	71	74	74	74	77	81	81
2	Владимирская обл.	59	60	60	57	57	59	60
	Московская обл.	104	107	106	106	106	106	105
3	Рязанская область	62	64	60	59	58	57	58
	Тульская обл.	65	65	63	62	63	66	67
	Пензенская обл.	71	75	75	70	72	75	76
4	Вологодская обл.	73	74	72	72	74	72	74
	Кировская обл.	65	66	67	66	67	67	68
	Ярославская обл.	82	86	85	84	83	83	83
5	Волгоградская обл.	76	76	76	73	74	75	75
	Ростовская обл.	71	71	71	70	72	72	73
	Саратовская обл.	68	64	61	57	57	59	62
6	Карачаево-Черкесская респ.	66	66	66	59	57	58	56
	Кабардино-Балкарская респ.	58	62	67	69	71	68	67
7	Пермский край	61	62	61	61	62	63	62
	Свердловская обл.	77	79	78	78	78	79	79
8	Респ. Бурятия	68	68	67	64	63	66	64
	Чувашская респ.	64	68	67	67	66	68	68
9	Иркутская обл.	69	70	70	68	68	67	68
	Ивановская обл.	56	57	57	56	56	56	59
10	Кемеровская обл.	73	74	73	71	71	71	70
	Челябинская обл.	74	74	76	74	74	74	74
11	Томская обл.	67	68	68	66	67	67	67
	Удмуртская респ.	66	70	70	69	70	70	71
	Костромская обл.	43	43	43	48	50	54	57
12	Ленинградская обл.	77	78	78	78	78	78	78
	Белгородская обл.	97	98	97	95	95	96	95
13	Респ. Ингушетия	52	54	54	53	56	58	55
	Астраханская обл.	78	81	82	81	81	80	80

В 2018 г. средний уровень душевого потребления мяса в России оценивался на уровне 75 кг в год [21], из них 35 кг приходилось на мясо птицы, 25 кг – на свинину, 15 кг – на говя-

дину. Остальные виды мяса являются нетрадиционными для российского потребителя и занимают минимальную долю в его совокупном потреблении. Наибольшую долю в потреблении мяса занимает дешевое мясо птицы, которое стало уже традиционным для российского рынка. На втором месте – потребление свинины, которая также упала в цене, хотя, еще совсем недавно, цена на свинину была выше чем на говядину. Учитывая специфику производства КРС, в первую очередь, затратность и длительность производственного цикла, а соответственно, и высокую цену на говядину, становится вполне объяснимым достаточно низкий уровень потребления говядины. В последние годы наблюдается ежегодный прирост всех видов мяса, но с разными темпами. Более того, даже к концу непростого, с экономической точки зрения, 2020 г., специалисты ожидают увеличение объемов производства во всех подотраслях мясной промышленности. По оценке руководителя Национальной мясной ассоциации С. Юшина [22], прирост производства свинины к концу 2020 г. ожидается более чем 5%, а мяса птицы – около 2%. При этом, скорее всего, в ближайшее время, даже на фоне роста производства всех видов мяса в России, не произойдет сколько-нибудь существенных сдвигов в структуре спроса. Мясо птицы так и останется основным приоритетом в потреблении россиян, поскольку оно уже стало традиционным из-за его вкусовых свойств, низкой цены, а также простоты приготовления. В настоящее время российский рынок полностью обеспечивается за счет отечественного мяса птицы (в первую очередь, мяса бройлера и индейки). Логично, что излишки производства планируется направлять на экспорт, что вписывается в концепцию реализации федерального проекта «Экспорт продукции АПК». Более сложная в приготовлении и дорогая говядина не сможет переориентировать на себя спрос потребителей за счет снижения доли потребления мяса птицы и свинины. Скорее всего, рост производства говядины инициирует рост еще пока молодого на российском рынке сегмента глубокой переработки мяса. За счет говядины, возможно, будет расти потребление мясопродуктов в виде полуфабрикатов. Кроме того, перспективным для производителей КРС является рынок крупных сетевых игроков на рынке быстрого питания таких, как McDonald's, Burger King, KFC, Starbucks и ряд других, на который, например, уже вышел и наращивает обороты по реализации мраморной говядины уже упомянутый выше «Мираторг».

Анализируя структуру спроса по глубине переработки мяса, используя данные Росстата [23], можно отметить, что в настоящее время происходит смещение спроса в сторону мяса, в первую очередь, мяса птицы и свинины, при снижении потребления мясных консервов и колбасы. К примеру, в 2018 г. производство консервов в России уменьшилось по отношению к предыдущему году на 5,8%, причем динамика к снижению производства данной товарной группы наметилась еще в 2015 г. В последние годы наблюдается незначительный, но всё же рост (1–2%) производства колбасных изделий. Во многом это связано с действием социальной пропаганды здорового питания, поскольку колбасы и консервированные продукты не являются натуральными и они дороже мяса. Однако, по нашему мнению, значительным потенциалом обладает рынок мясных полуфабрикатов, продукция которого востребована, в первую очередь в крупных городах, что связано с ритмом и стилем жизни городского населения, и которые позволяют экономить время на приготовлении пищи.

На рисунке 1 представлено соотношение производства и потребления мяса и мясопродуктов на душу населения в некоторых из анализируемых кластеров за 2018 г. Видно, что во Владимирской области производится максимальный объем колбасных изделий из всех анализируемых регионов. Во многом это связано с функционированием такого градообразующего предприятия в области (г. Радужный), как МПК «Владимирский стандарт», продукция которого реализуется в большинстве регионов европейской части РФ. Во всех остальных регионах объемы производства колбасных изделий сопоставимы друг с другом, независимо от того, к какой группе относятся субъекты РФ.

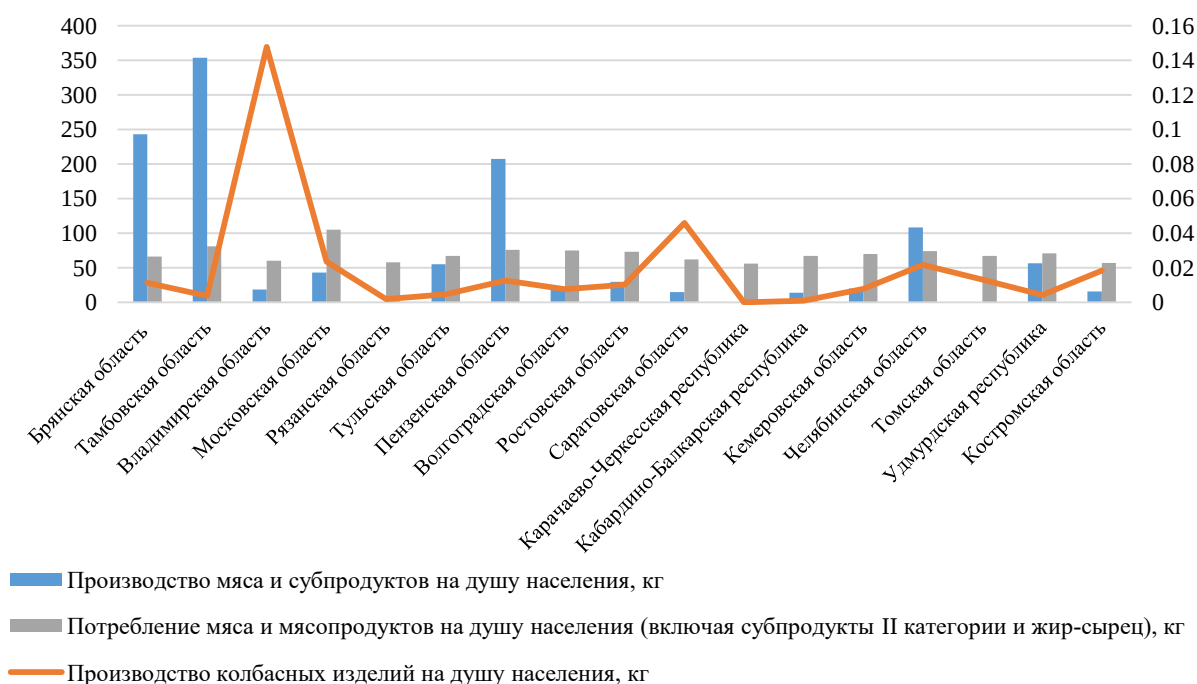

Рисунок – Соотношение производства и потребления мяса и мясопродуктов на душу населения по некоторым кластерам за 2018 г. [по данным 10, 11, 12].

Вследствие специфики производства мясных и мясосодержащих консервов не в каждом регионе осуществляется данный вид деятельности. По каждому из анализируемых «неблагоприятных» регионов данные о производстве консервов отсутствуют. Однако, судя по АПК-каталогу изготовителей сельхозпродукции, заводы по производству мясных консервов функционируют в Брянской (ОАО «Консервсушпрод») и Рязанской (ООО ПищекOMBинат «Бельковский») областях. Считается, что в относительно благополучное с экономической точки зрения время производство и сбыт консервов среди населения падает, поскольку необходимость делать запасы товаров с длительным сроком хранения снижается, что, собственно, и произошло после кризисного 2015 г., когда потребление консервов стало сокращаться.

Заключение.

Таким образом, сравнительный анализ процессов производства и потребления мяса и мясопродуктов в регионах, неблагоприятных для ведения сельского хозяйства, и регионах, схожих с ними по условиям ведения хозяйственной деятельности, но, по формальным критериям, не отнесенным к данной группе, показал наличие для них ряда характерных особенностей. В первую очередь, за некоторыми исключениями, речь идет о низком уровне потребления мяса и мясопродуктов в «неблагоприятных» регионах по сравнению с соседними субъектами РФ, а также со средним значением показателя по России, что во многом связано с существенной дифференциацией доходов городских и сельских жителей в исследуемых регионах. Кроме того, в большинстве «неблагоприятных» регионов наблюдаются более низкие объемы производства мяса и субпродуктов на душу населения, что свидетельствует о низком уровне технического состояния региональной пищевой и перерабатывающей промышленности, а также о слабой доступности необходимой сырьевой базы. При разработке стратегии развития сельского хозяйства «неблагоприятных» регионов необходимо учитывать тесные межотраслевые связи между сельским хозяйством и сферой переработки, а также приемлемые пропорции в установлении данного соотношения. По нашему мнению, особенности региональной стратегии развития мясной промышленности анализируемой группы регионов, связаны как с перспективами развития соответствующих смежных отраслей сельского хозяйства, так и с развитием инфраструктуры перемещения товарных потоков. Достаточно перспективным является подход стратегического развития мясной отрасли «неблагоприятных» регионов, предполагающий создание крупных межрегиональных отраслевых кластеров. Не-

обходимо обеспечить условия для привлечения инвестиционных ресурсов в развитие производств, осуществляющих глубокую переработку сырья, на территориях, получающих государственную поддержку, направленную на развитие соответствующих отраслей сельского хозяйства. Только комплексный подход к стратегическому развитию всех звеньев цепи производственного процесса на уровне отдельно взятых регионов способен обеспечить адекватное развитие мясной отрасли с учетом возможной трансформации, как потребительского спроса, так и актуальных потребностей экспортной политики государства.

Список литературы:

1. Паспорт федерального проекта «Экспорт продукции АПК» (утв. протоколом заседания проектного комитета национального проекта «Международная кооперация и экспорт» от 14 декабря 2018 г. № 5). – URL: <http://mcx.ru/ministry/departments/departament-informatsionnoy-politiki-i-spetsialnykh-proektov/industry-information/info-federalnyi-proekt-eksport/>
2. О внесении изменений в распоряжение Правительства РФ от 26 января 2017 г. № 104-р.: [Распоряжение Правительства РФ от 26 декабря 2017 г. № 2952-р]. – URL Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71745924/#ixzz53u7CZIwo>
3. Андрющенко С.А., Васильченко М.Я., Шабанов В.Л. Оценка направлений развития агропродовольственных систем регионов России, признанных неблагоприятными для ведения сельского хозяйства // International Agricultural Journal. – № 4 (370). – 2019. – С. 16–20.
4. Соловьев А.А. Исследование стратегий развития предприятий мясной промышленности России // Вестник Саратовского госагроуниверситета им. Н.И. Вавилова. – 2010. – № 12. – С. 91–94.
5. Леман И.Р. Формирование стратегии развития предприятий мясной промышленности: автореф. дис. ... канд. экон. наук / Рос. гос. соц. ун-т. – М., 2005. – 22 с.
6. Данилова О.А. Конкурентная стратегия – основа выявления ключевых факторов успеха предприятий мясной промышленности // Вестник Казанского государственного аграрного университета. – 2013. – Т. 8. – № 3 (29). – С. 25–26.
7. Лисицын А.Б., Никитина М.А., Захаров А.Н., Щербинина Е.О. Методы и подходы к прогнозированию в мясной промышленности // Вестник Воронежского государственного университета инженерных технологий. – 2016. – № 4 (70). – С. 261–267.
8. Васильченко М.Я. Проблемы модернизации мясной промышленности России // Экономические науки. – 2012. – № 1 (86). – С. 93–97.
9. Небурчилова Н.Ф., Петрунина И.В. Проблемы экономики мясной отрасли АПК // Всё о мясе. – 2015. – № 6. – С. 16–17.
10. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019: стат. сб. / Росстат. – М., 2019. – 1204 с.
11. Агропромышленный комплекс России в 2018 году. 2019: стат. сб. / Министерство сельского хозяйства Российской Федерации. – М., 2019. – 554 с.
12. Агропромышленный комплекс России в 2015 году. 2016: стат. сб. / Министерство сельского хозяйства Российской Федерации. – М., 2016. – 703 с.
13. Трифонова Е.Н. Тенденции производства основных продуктов пищевой промышленности в регионах, неблагоприятных для ведения сельского хозяйства // Научное обозрение: теория и практика. – 2018. – №7. – С.171–185.
14. Рейтинг регионов России по производству мяса по итогам первого квартала 2019 года. – URL : <https://meatinfo.ru/news/rejting-regionov-rossii-po-proizvodstvu-myasa-396280>
15. Мясная отрасль стала ведущей в Брянской области // Брянские новости от 15 июля 2018 года. – URL: <https://www.bragazeta.ru/news/2018/07/15/myasnaya-otrasl-stala-vedushchey-u-bryanskih-agrariev/>
16. Брянская область бьет рекорды в производстве мяса // Агровестник от 07.12.2017. – URL: <https://agrovesti.net/news/indst/bryanskaya-oblast-bet-rekordy-v-proizvodstve-myasa.html>
17. Томская область делает ставку на мясное скотоводство. – URL: <https://sfera.fm/articles/myasnaya/tomskaya-oblast-delaet-stavku-na-myasnoe-skotovodstvo>

18. В Костромской области создаются новые цеха по переработке мяса и молока // DairyNews.ru от 11.09.2014. – URL: <https://www.dairynews.ru/news/v-kostromskoy-oblasti-sozdayutsya-novye-tsekha-po-.html>

19. Экспертный анализ рынка мяса и птицы и возможностей для роста отрасли в регионах СЗФО // «Мясопортал» от 21.05.2015. – URL: <http://www.myaso-portal.ru/news/analytics/ekspertnyy-analiz-rynka-myasa-i-ptitsy-i-vozmozhnostey-dlya-rosta-otrasli-v-regionakh-szfo/>

20. Приложение к Рекомендациям по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям здорового питания, утвержденным приказом Министерства здравоохранения РФ от 19 августа 2016 г. № 614. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71385784/#1000>

21. Сколько мяса съедают в России // Аргументы и факты от 12.07.2019. – URL: https://aif.ru/food/products/skolko_myasa_sedayut_v_rossii_infografika

22. Российские производители мяса готовы наращивать производственные мощности // Официальный сайт Министерства сельского хозяйства Российской Федерации от 31 марта 2020 года. – URL: <http://mcx.ru/press-service/news/rossiyskie-proizvoditeli-myasa-gotovy-narashchivat-proizvodstvennye-moshchnosti/>

23. Федеральная служба государственной статистики. – URL: <https://www.gks.ru/>

**ДЕРЕВНЯ В УСЛОВИЯХ НЕПРЕДВИДЕННЫХ СИТУАЦИЙ:
КРИСТАЛЛИЗАЦИЯ ХАРАКТЕРИСТИК СОЦИАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА**

Великий П.П., д.филос.н., ИАГП РАН

В статье рассмотрено состояние социальных ресурсов села с позиции их способности противостоять непредвиденным негативным ситуациям в локальном и общенациональном измерении. Показано, что потенциал стойкости села по многим характеристикам ослаблен, это связано со структурными предпосылками, отстраненностью значительной части членов сельских сообществ от активного участия в обустройстве пространства своего обитания. Сделан вывод о том, что непредвиденные ситуации являются поводом для реформатирования концепций поддержки позитивных тенденций сохранения и развития села.

Ключевые слова: непредвиденные ситуации, сельские жители, хозяйствующие субъекты, жизненное пространство, смыслы, власть, противоречия.

**VILLAGE UNDER CONDITIONS OF UNFORESEEN SITUATIONS:
SUMMARY OF CHARACTERISTICS OF SOCIAL CAPACITY**

Velikiy P.P., doctor of philosophical sciences, IAgP RAS

The article considers the state of rural social resources from the perspective of their ability to withstand unforeseen negative situations in the local and national dimension. It is shown that the potential for village resistance in many respects is weakened, which is associated with structural prerequisites, as well as with the detachment of a significant part of the members of rural communities from active participation in the arrangement of their habitat space. It is concluded that unforeseen situations are a reason for reformatting the concepts of supporting the positive trends in the preservation and development of the village.

Key words: unforeseen situations, rural residents, business entities, living space, meanings, power, contradictions.

Введение.

Ситуации, относимые к непредвидимым, разделяются по масштабам, специализации, глубине и последствиям, имеют природное, рукотворное происхождение или соединяют оба эти начала. Они могут коснуться фирмы, целой отрасли хозяйства, которые, не выдержав конкуренции, обанкротились, поселения, попавшего в зону пожаров и затоплений. Во всех подобных случаях страдают люди, животные и растительный мир, происходит потеря материальных и культурных ценностей. Такие ситуации, с одной стороны, имеют завершение, возврат к нормальной жизни, а с другой - дают повод скорректировать смыслы многих устоявшихся отношений и структур, подвергшихся внешнему влиянию, и создавать механизмы предотвращения таких издержек в условиях неопределенности будущего.

Рассмотрим эти проблемы, отталкиваясь от непредвиденного наступления пандемии, которая, хотя и захватила в основном города и другие крупные поселения, коснулась и жителей деревни. В этих условиях их социальная ответственность приобретает общенациональное значение. С нашей точки зрения, ситуацию нельзя считать критичной, если из-за непредвиденного события стало меньше выпускаться машин, оборудования, одежды и других товаров, но если происходят перебои с продуктами питания, то это может грозить более серьезными последствиями. В стране еще не исчезла память о голодоморе, в том числе и среди нынешних поколений. Об этом свидетельствуют факты «подстраховки» создания запасов продуктов впрок, имевшие место в разных городах в апреле-мае 2020 года.

Цель исследования.

В ходе выбора мер противодействия пандемии об АПК и сельской местности заговорили с позиции наращивания их потенциала. Минсельхоз предлагает ввод новых площадей под пашню, увеличение объемов зерна, овощей и фруктов. Однако если рассматривать село не только с точки зрения экономических потребностей, но и с позиции стабильности благопо-

лучия его жителей и укрепления его статусных позиций в обществе, то наступление непредвиденных ситуаций выявляет многие застаревшие проблемы.

Материалы и методы исследования.

Многие эксперты считают, что будущее общества и его территориальных образований зависит от решения проблем, которые «зародились, поддерживаются и углубляются в результате столкновения трендов самодвижения мировой экономики на принципах неоконсервативной доктрины» [1, с. 204]. Население локальных территориальных общностей чаще всего не играет здесь решающей роли, оставаясь реципиентом негативных воздействий. Однако немалая часть проблем находится в той или иной степени в руках властных структур, ответственных за основные области жизненного пространства и благополучие населения. На наш взгляд, среди основных проблем относительно доступными для решения на локальном уровне являются: демографические процессы и миграция населения; бедность, нищета и социальное неравенство; экономика и общество на основе знания; природная среда и соперничество за истощающиеся природные ресурсы; позиция и роль неправительственных организаций. Доступность понимается не как позитивное реагирование сельских сообществ на вливание средств государства в разные отрасли сельской жизни (хотя такой механизм действует и помогает выйти из критических ситуаций). Необходимо переформатирование смыслов и оценок реалий села на концептуальном уровне с точки зрения того, чем является село и сельские жители для общества. Это только обитатели территориального пространства, или они выполняют некую функцию, которая присуща только им, и, следовательно, является непреложной и незаменимой для благополучия всего социума страны?

Результаты исследования.

В сложившихся условиях свободы выбора индивидами вариантов реализации себя в трудовой деятельности функциональной предзаданности ограничивается службой в военизированных структурах, транспорте, медицине, образовании. Подобные «вкрапления» функциональности имеют место быть и в агросфере, однако было бы большой смелостью утверждать, что сельское население (или хотя бы его часть) функционально ответственны за обеспечение страны продовольствием в нужном количестве и качестве. Тем не менее, такой подход присутствует в социологической науке. В системном анализе деревни позднего социализма аграрный сектор был наделен функцией удовлетворения потребностей общества в сельскохозяйственной продукции [2]. Данный подход соответствовал реалиям своего времени, поскольку фактически каждый трудоспособный житель села был включен в аграрный труд (в том числе интеллигенция, которой отводилась роль идеологического обеспечения).

С момента аграрной реформы начала 1990 годов эта функция хотя и сохранилась, но существенно изменилась, чему способствовали ряд обстоятельств. Во-первых, структура созданных сельскохозяйственных организаций новых укладов вызвала разделение сельских сообществ на занятых, полужанятых и не имеющих рабочего места внутри села, и она оказалась достаточно устойчивой. Во-вторых, одновременно шло естественное постарение сельских жителей. Подворное обследование деревень людностью 100-150 жителей (40-50 домов) свидетельствует, что в половине из них живут пенсионеры, чаще всего одинокие женщины.

Советская история помнит разные, полные драматизма механизмы «прикрепления» сельского населения к функции обеспечения страны продовольствием. Государственная власть лишала людей паспортов, жестко ограничивала пространство хозяйственной самостоятельности на подворье, регулировала трудовую нагрузку и т.д. В наше время, хотя свобода самореализации любого индивида является неукоснительным принципом, совсем не плохо, если он, живя в деревне, трудится в аграрной сфере, чем обеспечивает себе достойный уровень благополучия. Доминирующие смыслы предназначения аграрной системы общества, которые обуславливают приоритеты ее развития, анализируются с позиции социальной философии понимания противоречий, а также на основе выявления фактов самодвижения российской деревни и аграрного производства.

Вопреки победным заявлениям об успехах АПК необходимо отметить, что агросфера содержит глубинные противоречия, связанные с состоянием социальных ресурсов или интеллектуальным, духовно-нравственным, профессиональным потенциалом деревни. Инсти-

туционализация и практики включения населения в самостоятельное хозяйствование за последние десятилетия вылились в разбалансированную структуру по крупности и раздробленности хозяйственных организаций. В АПК России по этому признаку сложилось два плохо полюса: на одном - крупные агрохолдинги, на другом - сельскохозяйственные организации корпоративно-долевого, фермерского и семейного (ЛПХ) укладов. Первые способны решать масштабные задачи по производству и переработке сельскохозяйственной продукции, включая новые технологии, строительство или модернизацию перерабатывающих предприятий и портово-транспортных комплексов, обеспечивать обучение персонала. Однако они игнорируют социально значимые вопросы развития территорий. Рост безработицы, обустройство повседневной жизни населения, перспективы сохранения заселенных сельских территорий – все эти актуальные для страны проблемы чужды хозяевам агрохолдингов, смыслы которых не выходят за пределы экономической выгоды.

Другой полюс – большое количество организаций, заменивших колхозы с малочисленным персоналом, не способные предоставить рабочее место жителям сел, где они базируются. Вопрос о том, что представляет собой сельская реальность, не имеет единой оценки. Одни считают, что жизнь сельского населения требует улучшения условий быта, и это решаемо. Носители противоположной идеи считают, что приспособление к явным издержкам для села имеет пределы. Первые консервируют многие процессы в деревне и АПК и призывают сельское население к жизни в условиях все больших ограничений. Вторые привлекают внимание к тому, что их нельзя выдерживать беспрестанно, приводя в пример отходников, которые, старея, уже не могут выживать в условиях ритма трудовой нагрузки, задаваемого работодателем энергетических предприятий, бесконечными миграциями, оторванностью от семей.

Основными понятиями, которые разделяют противоположные стороны, является целеполагание в областях экономики, удобства управления ею, продовольственной безопасности страны, благополучия сельского населения. Но на смыслах целей и оценки объективных и субъективных предпосылок лежит груз влияния сиюминутных ситуаций. Например, опасение несбалансированности бюджета государства смещает смысловые акценты на предпочтение крупных хозяйственных структур, которые эффективны в одном отношении и, одновременно, их деятельность имеет социальные последствия. Смыслы другой стороны выстраиваются в несколько другой иерархии.

Смысл жизни крестьянства неизменно замыкается на возможность выживания за счет собственного труда, но для этого нужны: доступное пространство (пахотная земля, лес, водоемы), доступные и в нужном ассортименте орудия труда, а самим работающим индивидам – квалификационные компетенции. К сожалению, реализовать социальный потенциал в полной мере современному сельскому населению не получается. Репродукционные круги в демографическом, профессиональном и ценностном состоянии сельского социума по многим параметрам демонстрируют возврат к исходному уровню, то есть воспроизводство происходит без восхождения на новый, более совершенный уровень.

Полярность сторон, поддерживаемая смыслами концептуального уровня, в жизни порождает множество проблем. Одну сторону противоречия образует «организация процесса», которую олицетворяет дивизионный организм – агрохолдинг, другую – статичная, где господствует слитность трудового процесса и расселения. Первая приходит в сельское пространство со всем своим: техникой, работниками, бытовой инфраструктурой, приспособленных для того, чтобы извлечь из земельных площадей свою выгоду. Никакого общения с местным населением, как правило, им не нужно. Местное население характеризует эту ситуацию в следующем нарративе. *«Весной привезли трактора – вспахали. Летом никого не было. Пришла осень – опять привезли комбайны. Скосили, зерно куда-то увезли. К нам в село даже воды попить никто не зашел»* (мужчина, житель села).

Дивизионная структура (не обязательно агрохолдинг, это может быть горнодобывающее или энергетическое предприятие) все эти важные моменты для жизни местного населения в полной мере учесть не может. Вторая сторона отличается укорененностью в Место, где все взаимосвязано: земельные угодья, ландшафты, поселения, труд и вся социокультурная повседневность. Все эти хозяйствующие субъекты не связаны между собой, особенно дале-

кими от интеграции остаются семейные хозяйства (ЛПХ). Однако и они могут получить импульс развития, о чем свидетельствуют практики. Например, существует проект агрокомплекса «Новая деревня», разработанный в Ульяновской области, который включает 160 миниферм (по существу – ЛПХ) и специализированный комбинат, поставляющий им необходимые ресурсы, а после завершения цикла выращивания животных, обеспечивающий переработку и реализацию продукции. Такая организация соединения личных и общественных потребностей – удачный вариант стабильности, благополучия семей, их участия в решении важных социально-экономических целей. Огромный созидательный потенциал имеет (как показывает более 100-летний опыт израильских киббуцев) и коммунальная сельскохозяйственная организация.

Не менее важны устойчивость положения наемного работника и перспективы его восходящей мобильности в сельскохозяйственных организациях корпоративно-долевых укладов. Возможности восходящей профессиональной мобильности после реформирования АПК сильно сократились, оставив сельчанам только перспективы горизонтальных изменений своего статуса. Это связано, прежде всего, с раздробленной структурой сельскохозяйственных предприятий: 73,8% имеют годовую численность от 5 до 29 работников, и она жестко определяется в зависимости от среднегодового объема реализации сельскохозяйственной продукции за предшествующие 5 лет; размеров уборочной площади или количества скота, а также энергетической насыщенности предприятий. Исходя из этих критериев, выделяются 6 категорий хозяйств, имеющих различные материальные и социальные ресурсы. В мелких крупхозах, как и у мелких и средних фермеров, может вообще отсутствовать в штатном расписании агроном, инженер, экономист. Количество наемных работников физического труда также определяется наличными ресурсами, в основном площадью пахотной земли.

Гибкость в использовании работников наемного труда характерна для всех отраслей производства, но в сельском хозяйстве она приобретает ряд особенностей. Работа на земле имеет циклический характер по напряженности труда: в весенне-летне-осеннее время ее больше, зимой меньше. Это «оправдывает» работодателя при переводе в зимние месяцы части работников на пониженную зарплату или увольнении. В условиях социальной незащищенности и экономической нестабильности подавляющее число экономически активного сельского населения обеспечивает выживание семей за счет ЛПХ. Этому же способствует и невысокая численность работников, необходимых для сельскохозяйственных предприятий в их современной структуре. Структурные перестройки (когда местный крупхоз поглощается агрохолдингом), как правило, приносят новые нормативы и по количеству работников и по трудовой нагрузке. В итоге одна часть трудового коллектива бывшего крупхоза становится безработной, другая, в основном люди старших возрастов, не выдерживают трудовой нагрузки [3]. При этом они, как правило, редко отстаивают свои права, поскольку между хозяином и работником наемного труда доминируют социально-личностные связи. Достаточно сравнить две группы ответов сельских респондентов о положительном и отрицательном восприятии своей работы на всех возможных этапах ее формирования. Такие показатели, как «нетворческий характер труда» выбирают 10,4% респондентов, работающих в коллективном хозяйстве, и 7,9% – у фермера, «плохие условия» – 6,3 и 21,1% соответственно, «не устраивает зарплата» – 14,6 и 21,1%. Положительные оценки по этим же показателям дали: «хорошие условия труда» – 16,7% работающих в коллективном хозяйстве и 28,9% работающих у фермера, по условиям труда – соответственно 29,2 и 26,3%, по зарплате – 16,7 и 31,6%. Можно видеть, что ни крупное хозяйство, ни фермерское не является «лидером» негативного или, наоборот, позитивного восприятия, и что положительные оценки респонденты давали охотнее, чем отрицательные. Игрет свою роль в дифференциации ответов и мера развитости подворья: при хорошем уровне его многие положительные оценки интегрируют позитив крупхоза и ЛПХ. Социологу в полевом исследовании нужно учитывать феномен приукрашивания респондентом реальных ситуаций из опасения того, что негативные оценки дойдут до непосредственного работодателя и будут иметь для него негативные последствия.

Все эти тенденции, в контексте способности села противостоять непредвиденным ситуациям и угрозам, можно расценить далеко не оптимистично. Сельские поселения все

больше превращаются в место жительства, не привязанные ни к организации трудовой занятости, ни к способам обеспечения семей материальными благами. Такой порядок сложился на основе реализации идей аграрной реформы, скорректированных практиками отношений между хозяйственными организациями и населением, спецификой управления сельским хозяйством и социальной сферой. Неизбежность дальнейшей деформации демографической структуры, старения населения и низкой рождаемости из-за отсутствия групп женщин репродуктивного возраста еще более обостряют проблему стойкости села в контексте противостояния непредвиденным ситуациям. Последствия такого положения многообразны. Особенно ярким проявлением пореформенного состояния села является утрата его мобилизационного потенциала, о чем свидетельствует неспособность локальных сообществ противостоять стихии пожаров. Горят не только деревни, окруженные лесом, но и расположенные в чистом поле и не только по причине отсутствия противопожарной инфраструктуры, но и из-за неспособности к самоорганизации индивидуальных и коллективных акторов: населения, органов власти, НКО. Например, в 2015 году полностью сгорел райцентр Шира в Хакасии, где было уничтожено более 400 домов. *«Не было ни пожарных, ни подключенной воды, люди выбегали из домов не в силах что-то предпринять и горестно смотрели, как гибнет все нажитое»* (очевидец пожара).

На восстановление поселения государством выделено миллиарды рублей, между тем как для предотвращения прихода палов (весеннее выгорание пустошей) требуется совсем немного: создать полосу пахоты на его пути, что сделает один тракторист за короткое время. Это трудно решаемая задача для крупных населенных пунктов и непреодолимая проблема для средних и мелких поселений, где отсутствует производственная инфраструктура, нет даже единственного трактора. Фермеры, живущие, как правило, в крупных селах, имея пахотные земли вокруг таких деревень, защищают от пожаров свои посевы, но не поселения.

Заключение.

Сельская реальность настолько деформирована, что надеяться на ее будущее самоисправление - нелепо. Поэтому необходимо переосмысление подхода к деревне на концептуальном уровне. Исходя из этой цели, задачи деревни можно разделить на: а) общенациональные: поддержание безопасности, мира и бесконфликтности в масштабе государства; б) внутренне, направленное на воспроизводство собственных ресурсов, демографических, социоструктурных, материальных и духовных. В целях безопасности, включая военную, государство не только поддерживает стратегический запас продовольствия, но и создает страховые запасы. Сельское население своим трудом должно обеспечивать выполнение той и другой цели. Обе задачи важны и взаимно обуславливают друг друга. На наш взгляд, российская деревня объективно и субъективно подошла к рубежу возврата ей функции обеспечения страны продовольствием, опираясь на совокупный потенциал сельских жителей, а не на узкий круг наемных работников в корпоративно-долевом и фермерском укладах. Признание критичности сложившейся ситуации требует реформирования смыслов институционализации проектов, программ, текущей аграрной политики от частичного «ремонта» отдельных сторон обустройства жизни села к подлинно комплексному их решению.

Список литературы:

1. Колодко Гжегож В. Куда идет мир: политическая экономия будущего. Пер. с пол. – М.: Магистр. 2014. 526 с.
2. Методология и методика системного изучения советской деревни. Под. ред. Т.И. Заславской и Р.В. Рывкиной. Новосибирск. Наука, 1980.
3. Фадеева О.П. «Дело было в Пенькове»: как агрохолдинги завоевывают сельские районы Сибири // Крестьяноведение: Теория. История. Современность: ученые записки: под ред. А.М. Никулина, М.Г. Пугачевой, Т. Шанина / Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте РФ. – Москва: Дело, 2015. – С. 197-233.
4. Яницкий О.Н. «Мусорная культура» / Новые идеи в социологии: монография /отв. ред. Ж.Т. Тощенко. –М.: ЮНИТИ- ДАНА, 2013. – С. 419.

ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ СЕЛА: ФЕНОМЕНОЛОГИЯ И ВЕКТОРЫ РОСТА¹

Виноградский В.Г., д.филос.н.,
Виноградская О.Я., с.н.с., РАНХиГС

Статья посвящена обсуждению важной проблемы современной эволюции российской деревни, а именно - проблемам роста привлекательности села. В чем заключается феномен данного свойства поселенческой территории, как сельской, так и городской? Могут ли исключительно одни только формы материально-технической оснащенности и энергетической насыщенности той или иной территории рассматриваться в качестве некой самоценности и завершенности процесса обживания места, а не выступать как частный случай проблематики иного уровня, обусловленной задачами осуществления человека как творящей целостности? Эти и смежные с ними вопросы рассматриваются в данной статье.

Ключевые слова: привлекательность села, сельские локальности, сельские жизненные миры, сельское семейное домохозяйство, хозяйственные практики, ревитализация, неформальные хозяйственно-экономические практики

ATTRACTIVENESS OF THE VILLAGE: PHENOMENOLOGY AND VECTORS OF GROWTH

Vinogradskiy V. G., doctor of philosophical sciences,
Vinogradskaya O.Ya., senior researcher, RANEPa

The article is devoted to the discussion of an important problem of the modern evolution of the Russian countryside, namely, the problems of growing attractiveness of the village. What is the phenomenon of attractiveness of the settlement territory, both rural and urban? Can only the very forms of material and technical equipment and energy saturation of one or another territory be considered as some self-worth and completeness of the process of settling in a place, and not be a special case of problems of a different level, problems caused by the tasks of realizing a person as creating integrity? These and related issues are addressed in this article.

Key words: rural attractiveness, rural localities, rural life worlds, rural family households, economic practices, revitalization, informal household-economic practices

Введение.

Российская деревня не обладает сегодня свойствами безусловной и универсальной притягательности для повседневного человеческого существования. Она, действительно, «на краю ойкумены». Резоны для довольно скептических оценок касательно состояния нынешних и, в особенности, в отношении перспектив будущих сельских миров в своих основных чертах уже найдены, систематизированы и сформулированы в их определенности. В их составе наличествуют факты ликвидации целого ряда предприятий, связанных с аграрным производством и осуществляющих акции по первичной переработке местной продукции (молокоприемные пункты, молокозаводы, сыроварни, пекарни, крупорушки, местные мельницы, обеспечивающие потребителей мукой различных помолов и качества, а местные домохозяйства — набором элементарных комбикормов, дерти, дроблѐнки и пр.), а также швейных и разнообразных ремонтных мастерских (обувь, металлоремонт, слесарные услуги и т. п.). В результате такой ликвидационной кампании из глубинки постепенно вытеснился значительный отряд работников — носителей, на первый взгляд, скромных и незамысловатых занятий, непременно требующих сосредоточенного опыта, профессий и ремѐсел, которые можно было приобрести только в процессе живого и длительного общения с крестьянскими стариками. Начиная с 1990-х годов, произошло заметное свертывание на селе учреждений

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС 2020 г. — «Неформальная экономика сельских домохозяйств: возможности и ограничения хозяйственных практик в повышении потенциала и общей привлекательности сельских территорий».

социальной инфраструктуры. Это привело к осязаемому оскудению ресурсов возобновления социально-экономической активности населения и, как его неизбежный результат, — усилению привлекательности города как пространства, дающего возможность заняться разнообразными, как сложными, так и рутинными, не требующими специализированной подготовки и высоких профессиональных знаний, видами труда (строительство, ремонт, обслуживание, охрана и т. п.). Таким образом, норма пространственного порядка жизни искажена и требует специальной заботы, в том числе и научной.

Цель исследования.

Формулируя целевую установку исследования, следует исходить из того, что в настоящее время сельские поселения, в их традиционном понимании, как места проживания определенных социальных групп, так или иначе связанных с сельскохозяйственной деятельностью, практически перестали существовать. Многолетний исследовательский, а также экспедиционный опыт авторов дает возможность сформулировать исходные предпосылки самого феномена привлекательности села и попытаться обозначить некоторые траектории дальнейшей трансформации российских сельских миров. Цель исследования заключается в попытке ответа на следующие вопросы. В чем заключается феномен привлекательности села? Как могут выглядеть контуры понимания тех свойств деревни, которые, выражаясь языком А. Пушкина, делают ее «прелестным уголком», придают ей черты очаровательности, заманчивости и приятства? Каковы ближайшие и неотложные способы достижения хотя бы начальных стадий подобного состояния?

Методика исследования.

Методическая установка, принятая в данном тексте, носит философско-социологический характер и придерживается феноменологической аналитической традиции. В исследовательском пространстве сельской социологии существует весьма содержательная позиция, в рамках которой базовые понятийные связки суммарно обозначают тот совокупный объем наблюдаемых вещей, которые рассматриваются исследователями в феноменологической проекции. Примеры: «локальные сообщества», «сельские локальные сообщества», «внегородские локальности», «жизненный мир российских регионов», «жизненный мир крестьянства», «жизненный мир сельчан», «российский сельский мир», «сельский мир». Продуктивность подобного рода аналитической «разметки» в том, что она дает возможность не только панорамного обзора, но и позволяет (когда задействована «полевая социология») достаточно уверенно спуститься к «лицам вещей». Как известно, «феноменология — это искусство видеть вещи в лицо» [1, с. 313]. Работая в пространстве указанных ключевых терминов, исследователь, хочет он этого или нет, вынужден аналитически сближать, в частности, «сельские локальности» и «сельские жизненные миры». Феномен привлекательности села непосредственно входит в перечень указанных аналитических проекций.

Результаты исследования.

К практическим результатам исследования можно отнести вывод о невозможности пролонгации сложившейся на сегодняшний день ситуации в сельской подсистеме общества с ее социально-экономическими практиками в будущих вариантах развития сельских территорий. Разумеется, этот вывод требует развернутого обоснования. Сельскими социологами, а также специалистами по социально-экономической географии (А.И. Алексеевым, А.С. Ахиезером, П.П. Великий, В.Г. Виноградским, Т.И. Заславской, Т.Г. Нефедовой, А.М. Никулиным, В.В. Пациорковским, Н.Е. Покровским, О.П. Фадеевой, Т. Шаниным и др.) были подробно рассмотрены важнейшие линии, определяющие характер и мощность миграции сельского населения, подвергнута анализу ситуация, характеризующая картину размещения трудовых ресурсов на обширных территориях сельского проживания. Были также прослежены разнообразные изменения, которые произошли в сфере занятости в сельском хозяйстве, — в особенности те из них, которые были вызваны значительными трансформационными сдвигами, характерными для первых постсоветских десятилетий.

Результаты исследований позволили исследователям сформулировать выводы, в соответствии с которыми стало окончательно понятно: потоки сельско-городской миграции в

постсоветский период продолжали и усиливали сложившийся в начале 1960-х годов урбанизационный вектор. Причем в тех регионах, которые ощутили наибольшие потери населения, в частности, в Нечерноземной зоне, количественная убыль сельских жителей параллельно сопровождала очевидное падение качества физического и человеческого капитала. Начался отчаянно-стремительный отказ как от базовых, так и вспомогательно-сопровождающих видов сельскохозяйственной деятельности, и как его закономерный итог — сжатие и полное запустение площадей пахотных земель, а также снижение совокупного качества трудовых ресурсов в сельской местности, наблюдаемое в большинстве российских регионов.

«Великое переселение» сельских жителей, — начиная от выпускников сельских школ, уезжающих на учебу или в поисках городской работы, и заканчивая стариками, неохотно, но вынужденно перебирающимися в городские квартиры уехавших ранее детей — спровоцировало систематическую трудовую миграцию из сельской местности. Мужчины молодого и среднего возраста вновь освоили давно, со времен крепостного и пореформенного русского крестьянства, забытый образ и навык повседневного существования — отходной промысел. Доля отходников из сельской местности оказалась особенно заметной в Центральной России, где места их занятости в большинстве своем сосредоточены в крупнейших городских агломерациях, в которых в достаточном количестве имеются разнообразные виды труда и, что существенно, несравнимо более высокие, чем в местах их постоянного проживания, заработки.

Рассмотренная в географической проекции [2], эта картина решительно обновляет исторически сложившиеся контуры сельской местности. Это выражается в том, что и население, и трудовые ресурсы, не покинувшие сельскую местность, сосредотачиваются на небольших, наиболее пригодных для интенсивного ведения сельского хозяйства территориях страны. Они становятся в определенном смысле приписанными к крупнейшим агломерациям. Видимо, сложившаяся ситуация предопределила несколько скороспелый и в целом, как нам представляется, не вполне дальновидный вывод, говорящий о том, что на территории России «в сельской местности проживает сегодня условно лишних 15 млн человек, которые для производства сельскохозяйственной продукции с учетом новых технологий производительности на селе, по большому счету, не нужны» [3]. Очевидную безапелляционность данной оценки несколько смягчает употребленная автором этого тезиса понятийная связка «условно лишних 15 миллионов». При соблюдении научно обоснованных правил освоения и обустройства сельских территорий, в том числе с использованием ресурсов неформальной экономики, «условно лишним» сельским жителям не грозит фатальная перспектива стать окончательно «безусловными».

Следует отдельно подчеркнуть: продолжающиеся и, очевидно, не ослабевающие со временем тенденции преимущественно урбанизационной по своему характеру эволюции социального пространства отличаются стабильностью и устойчивостью. Однако всё чаще можно наблюдать пока что малочисленные, спорадические, подверженные возвратным движениям, но со временем всё более весомые событийные сгущения, суть которых непосредственно соотносится с идеологией дезурбанизационных процессов, уже около столетия остающихся на международной повестке дня. И совершенно не случайно, что городские жители разного достатка и профессиональной подготовленности всё чаще и всё настойчивее начинают «пробовать» село. Пока что переезды в сельскую местность России осуществляются преимущественно с намерениями несельскохозяйственного свойства, в частности, регулярные передвижения сезонных городских дачников в сельскую местность, о чем подробно говорится в недавно осуществленном довольно крупном исследовании [4].

Однако чем дальше, тем отчетливее просматривается тенденция, в соответствии с которой оседающие на селе горожане пытаются реанимировать типовые хозяйственные акции российского крестьянского двора. Причем такая реанимация не является следствием желания обеспечить себя элементарным пропитанием, — горожане, как правило, располагают достаточными финансовыми ресурсами. К тому же в современной деревне торговля продовольственными продуктами в состоянии обеспечить население в круглогодичном режиме. Дело в

том, что традиционные хозяйственные практики семейного домохозяйства, являясь по своей сути достаточно элементарной системой традиционных крестьянских занятий, представляют собой благодарный материал для усложнения и обогащения их извечного технологического схематизма. Идеалы здорового, экологического питания (organic food), потребность в продуктах произведенных методами, которые соответствуют стандартам «органического земледелия», побуждают городских жителей укореняться в сельских сообществах и на собственной земле в буквальном смысле этого слова.

Перемещение жителей деревни из одного жизненного пространства в другое, радикально иное по способам, привычкам и темпам повседневного существования, переезд их в города и пригородные зоны, а также временное (сезонное либо вахтовое) десантирование сельчан ради стабильных и ощутимых приработков — все эти феномены оказываются значимыми не в качестве ситуативных народных инициатив, диктуемых потребностью неотложного экономического ремонта структур повседневного существования сельских жителей. Об этом выразительно свидетельствует факт повсеместности подобных передвижений, наблюдаемых и в депрессивных, и в относительно благополучных сельских регионах. Дело в том, что традиционное производственно-экономическое пространство деревни, сформировавшееся в позднесоветских условиях (возникновение и рост мощности хозяйственных практик колхозно-совхозных институций), произвело на свет необычный и весьма изобретательный в своих действиях симбиотический организм, основными органами которого стали два главных деревенских актора — сам колхоз и отдельный крестьянский двор. Это симбиотическое существование обеспечивало возможности не только элементарного выживания, но и вполне полноценной, достаточной жизни. Именно при колхозах времен Л.И. Брежнева крестьяне смогли реально обновить свои порядком обветшавшие со времен Мировой войны жилые дома и хозяйственные постройки, построить отдельные дома для взрослых детей, поголовно обзавестись крупной и мелкой скотиной, бытовой техникой, получили возможность выучить детей и внуков в городских вузах. Начало девяностых годов прошлого века нарушило это динамическое равновесие и наглядно продемонстрировало его принципиальную экономическую бесперспективность и внутренний, каждодневно пропитывающий все без исключения структуры повседневного существования, аморализм.

Коллективные хозяйства вступили в полосу реформирования, в результате чего заметно изменились прежние производственно-экономические характеристики пространства сельской жизни. В частности, произошла радикальная специализация сельскохозяйственного производства, в ходе которой ушли в историю целые массивы вспомогательных, неосновных, укорененных в прошлом, традиционных сельских занятий (промысловых, непрофильных, обусловленных местными условиями — ягодники, пчельники, шелкопрядные производства, сады и парниковые комплексы). Началась интенсивная модернизация основных производственных процессов, была приобретена импортная сельскохозяйственная техника, высвободившая большое количество прежде стабильно занятых в многолюдных колхозных бригадах людей. Стремительно возникли своего рода привилегированные высокооплачиваемые трудовые, гораздо более малочисленные, профессиональные ячейки и группы (механизаторы, операторы сложных доильных установок, администраторы IT-служб и т. д.), войти в состав которых можно было только по рекомендациям, после прохождения специальной подготовки, а также по неформальным связям. Как итог, — на селе возникла качественно новая ситуация, реперными точками которой стали: весьма скудно оплачиваемая и малопрестижная официальная наемная занятость, атрофия прежних семейных хозяйственных занятий, ориентированных на городские колхозные рынки.

Указанные два фактора привели к обрушению привычных симбиотических по их «органике» жизненных порядков. Это существенно усилило мотивацию, хотя и неохотного, но вынужденного расставания с традиционными перечнями и объемами хозяйственных занятий («кому нужна наша домашняя свинина, сливки и творог, если этого добра по дешевке вдоволь в «Пятерочке»»). Данное обстоятельство с новой силой подтолкнуло к переезду на постоянное жительство в города людей молодого возраста («в городе я хотя бы охранныком

пристроюсь или в стройбригаду наймусь»). Люди постарше и поопытней, с точки зрения различных профессиональных умений, начали систематически практиковать отходничество. Характерно то, что обозначенные процессы стали типичными даже для благоприятных по части ведения разнообразных отраслей сельского хозяйства, в частности, южнорусских (Кубань, Ставропольский край, Белгородчина) регионов. Даже в тех местах России, где аграрная отрасль экономики заведомо выгодна, прибыльна и перспективна, невостребованность местных трудовых ресурсов — очевидный и массовый факт. И это совсем неудивительно, поскольку для работы в технологически продвинутых агрохолдингах, в изобилии оснащенных новейшей и весьма сложной техникой, большое количество работников не требуется. Существенно затормозить или же развернуть вспять миграционные движения сельчан в города не представляется возможным с помощью принятия лишь административных мер (запретов, ограничений, отказа в трудоустройстве, контроля и пр.). Здесь необходим новый взгляд, иное обоснование и проектирование ситуации, причем непременно не ограниченное рамками конкретной ситуации, то есть специализированное, узкоотраслевое, а напротив, объемлющее, опирающееся на идеалы общечеловеческого порядка, — такое обоснование, основной целью и практическим результатом которого должна стать программа дальновидных организационно-экономических действий, направленных на выстраивание новых порядков жизни на земле, то есть вполне самодостаточных сельских миров.

Исходя из целевых задач настоящего исследования, необходимо самым подробнейшим образом разобраться в следующей проблеме — каковы основные (а также второстепенные, в разных аспектах и направлениях детализированные) как научные, так и организационно-политические представления о том, как должна выглядеть базовая модель привлекательности села (и вообще — деревни, сельской местности, глубинки, периферии, провинции, низовой расселенческой системы).

Если подобного рода представления обрабатываются сознанием в плоскости, так называемого «принятия мер», и выступают, как правило, в виде перечня элементарных технологических действий и сосредоточиваются в основном на оснащении сельских территорий различными видами инфраструктуры (как это предусмотрено программой «Комплексное развитие сельских территорий» на 2020-2025 годы [5], имеющей общегосударственный статус), то это тот уровень осмысления и понимания, на котором проблема привлекательности территории (а ведь по существу данное понятие содержит в себе целый спектр нематериальных, ненаблюдаемых феноменов) не имеет окончательного и полноценного решения. В лучшем случае оно может быть расценено как необходимая промежуточная подоснова будущих, уже гораздо более сложных по составу и целям, действий.

Очевидно, что в данной ситуации необходим переход (на первых порах — познавательный, аналитический) на новый уровень понимания феномена привлекательности территории. Именно такого понимания, в пространстве которого большинство специализированных технологических, носящих преимущественно инфраструктурный профиль, усилий по дооснащению сельской глубинки модернизированными «машинами для жилья» (Ле Корбюзье) окажутся в принципе подчиненными, уведенными на второй план. Кроме этого, эти мероприятия окажутся во многом переосмысленными, — с точки зрения их объемов, видов, функций.

Дело в том, что феномены привлекательности территории (причем территории любого типа и вида — городские, сельские, природные, рекреационные, охраняемые), ее заведомо позитивные качества и свойства начинают (особенно в обстановке нынешней переоценки целого ряда жизненных условий и процедур) измеряться по совершенно иным шкалам, индикаторам и целевым установкам. В частности, формы материально-технической оснащенности и энергетической насыщенности той или иной территории начинают рассматриваться уже не в качестве некой самоценности и завершенности процесса обживания места, а лишь как частный случай проблематики иного уровня, проблематики, обусловленной задачами осуществления человека как творящей целостности. То есть той, исторически не прерывающейся социально-культурной традиции, в рамках которой идет поиск таких условий и форм

жизненного процесса, которые в состоянии обеспечить подлинную универсальность человеческого присутствия.

Несмотря на то, что проблематика, связанная с вопросами привлекательности сельских территорий, размещается в актуальном общественно-значимом дискурсе далеко не на первых позициях, ее отзвуки непрерывно продолжают наличествовать в коммуникативном пространстве времени. Иногда в довольно причудливых контекстах. Так, возникший не так давно в языке общеизвестный слоган «Москва похорошела» немедленно приобрел в пространстве общения, в частности, в социальных сетях, изрядный налет ироничности. Данное выражение, которое наверняка призвано было суммировать весь грандиозный объем усилий московских властей по наведению столичного лоска, обернулось лингвистической конструкцией, в которой общественный слух тотчас опознал явные сигналы изощенного лукавства и очевидного притворства. Ведь именно на фоне экстерьеров «похорошевшей Москвы» немедленно и контрастно высветились, стали физически ощутимыми факты разобщенности горожан, их неконтактности, заведомой подозрительности, раздражающей суматохи и толчеи их повседневных передвижений, давящей рутины их будничных занятий — как бытовых, так и служебных. Приятная глазу чистота, общая опрятность и «однообразная красивость» (А.С. Пушкин) столичных и других крупногородских пространств, невольно напоминающая лаконичную эстетику партийно-правительственных зданий, интерьеров, сдержанных манер, вплоть до внешнего облика (одежды, причесок, ухоженности) отечественной элиты, — все эти сверкающие декорации вдруг разительно высветили монотонность и социально-культурную запущенность «нутра» городской повседневности. Особенно ярко подобного рода контрасты выходят наружу во время новогодних гуляний — роботизированность и предзаданность праздничных практик, взятых в их как устроительных, так и потребительных проекциях была живописно проявлена в многочисленных потоковых видеотрансляциях и репортажных сюжетах.

Привлекательна ли такая жизненная среда в полном смысле данного представления? Каковым является подлинное качество такой привлекательности? И может ли она выступить в роли фундаментального, включающего в себя фундаментальные бытийные основания, ориентира для реконструкции сельских жизненных миров?

Как нам представляется, именно подобного рода вопросы могут и должны быть поставлены как в самом начале, так и в самом процессе рассмотрения проблематики повышения потенциала и общей привлекательности сельских территорий. И в данном случае не следует ограничиваться одними лишь частно-научными исследовательскими проекциями и, на основе этих соображений, уклоняться от попыток подчеркнутой обобщенности соответствующего анализа, от его, так сказать, «философичности». Именно в данном случае необходимо, как нам представляется, нащупать контуры общей теории изучаемого процесса. И тогда указанная проблематика неизбежно обернется частным случаем именно расширенного, теоретического, философского подхода к обсуждаемой проблеме.

Основные параметры государственных мероприятий, связанных с задачами повышения потенциала и общей привлекательности сельских территорий, в общем виде сформулированы в двух основополагающих документах: «Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» [6] (далее Стратегия) и программе «Комплексное развитие сельских территорий» на 2020-2025 годы [5], принятой в 2019 году (далее — Программа). Данные документы, взятые в их содержательной взаимодополнительности, обозначают принципиальные направления в деле целенаправленной реорганизации жизненной среды. Так, разработчики Стратегии, достаточно реалистически констатируя специфику современной ситуации в данном вопросе, отдают себе отчет в том, что «общемировыми тенденциями пространственного развития в начале XXI века являются концентрация населения и экономики в крупнейших формах расселения, среди которых ведущие позиции занимают крупнейшие городские агломерации» [6]. Однако данное обстоятельство не может противоречить и тем более отменять фундаментальные задачи общей ревитализации и дальнейшего развития сельских территорий и, следовательно, повышения их привлекательности, причем в

самом широком истолковании данного понятия, в которое (если иметь в виду семантический размах этого слова) входит весьма широкий спектр представлений — от «заманчивости» и «прелести» до «аттрактивности» и «престижа».

Эти позитивные свойства должны базироваться на солидной социально-экономической и экономико-географической основе. Учитывая данное обстоятельство, Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года предусматривает следующие оценки и позиции: «приоритетами пространственного развития Российской Федерации до 2025 года являются: опережающее развитие территорий с низким уровнем социально-экономического развития, обладающих собственным потенциалом экономического роста, а также территорий с низкой плотностью населения и прогнозируемым наращиванием экономического потенциала; развитие перспективных центров экономического роста с увеличением их количества и максимальным рассредоточением по территории Российской Федерации; социальное обустройство территорий с низкой плотностью населения с недостаточным собственным потенциалом экономического роста» [6]. В Программе эти общие установки приобретают дальнейшую конкретизацию.

Как справедливо отмечает доктор экономических наук, профессор В. В. Пациорковский: «в сложившихся условиях для села опора на собственные силы скорее всего остается основным источником развития» [7, с. 21]. Иначе говоря, речь идет о верной расстановке акцентов в сложном процессе обновления сельской подсистемы общества. Поэтому целый ряд специалистов имеют основания полагать, что большинство политико-экономических и иных институций, как-то: государственных структур, агентов корпоративного сектора, кооперативных образований, практик меценатства, благотворительности, волонтерства и ряд других организационно-управленческих устройств — следует рассматривать как обрамляющие, внешние для специальных и чрезвычайно многообразных, многосложных целей сельского развития.

Следует подчеркнуть, что тезис об «опоре на собственные силы» — это вовсе не свидетельство какой бы то ни было автаркичности сельского развития. Речь идет о решительном и безотлагательном совершенствовании возможностей и механизмов местного самоуправления и, в еще большей степени, — активизации участия граждан, жителей, «хозяев» в различных сегментах сельского развития. Это — действительно важный и вполне осмысленный вектор деятельности активности. И вполне справедлива установка, имеющая место в «Стратегии...» и указывающая на то, что «параметры сельского развития при такого рода ориентации следует истолковывать как совместную деятельность: 1) активных в экономическом отношении владельцев, 2) сообществ самостоятельных хозяев и 3) наличия практик территориального самоуправления во всех значимых аспектах жизни села, а также в согласованном решении проблематичных ситуации местного характера» [6].

Подобного рода позиционирование векторов сельского развития опирается на взаимосвязанное единство трех перечисленных выше составляющих (владельцы, хозяева, практики самоуправления), которые обладают хотя и различными по характеру, но бесспорно продуктивными ресурсом эволюционных процессов, способных определить судьбы российского села. В роли базового, основополагающего, действенного актора сельского повседневного существования должно полагать конкретное сельское домохозяйство. В свою очередь, главу домохозяйства, его фактического хозяина, организатора следует признать в качестве его главного (как физического, так и психоэмоционального) агента продуктивного и целесообразного действия. Цифры, опубликованные в материалах сельскохозяйственной переписи 2016 года, говорят о том, что в сельской России насчитывается более 15 млн сельских домохозяйств [8, с. 92]. Следовательно, перед нами весьма многочисленные отряды людей, способных заняться реализацией задач совершенствования и развития сельских территорий России.

Со времени принятия Программы в нашей стране многое изменилось в сторону востребованности потенциала сельских территорий, чему в последнее время общество в немалой степени обязано, как это ни казалось противоестественным и ненормальным, драма-

тическому распространению по всему миру инфекции COVID-19. Так, например, по утверждению «Российской газеты» (далее «РГ»): «До трети жителей России после окончания пандемии коронавируса могут перебраться из мегаполисов в загородные территории. Льготная сельская ипотека в настоящее время начала пользоваться буквально ажиотажным спросом у населения. Желающих приобрести под 3 % годовых полноценный дом или земельный участок по объему запрашиваемых финансовых средств сейчас в пять раз больше ранее предусмотренного лимита» [9]. В статье (о ссылке на Министерство сельского хозяйства РФ) сообщается, что льготную сельскую ипотеку, которая была анонсирована в Программе «уже получили жители 35-ти регионов. Кредиты по Программе пока выдает лишь один Россельхозбанк, но аналогичные соглашения Министерство сельского хозяйства подписало со Сбергательным банком, банками “Центр-Инвест”, “Левобережный” и “АК Барс”» [9]. Минсельхоз называет цифру в 41 тысячу заявок на сумму более 91 млрд рублей по программе этой ипотеки, поступивших с начала 2020 года в Россельхозбанк, пока это единственный банк, допущенный к такого рода операциям [9].

Заключение.

Актуальность и научная значимость исследования социально-экономического поведения сельских домохозяйств (начиная с использования традиционных, давно устоявшихся способов хозяйствования и вплоть до внедрения разнообразных инноваций, диктуемых современными технологическими и социально-политическими сдвигами) с течением времени становится всё более ощутимой и настоятельной. Причина этого заключается в очевидной, произошедшей в течение жизни только одного крестьянского поколения, перекройке основополагающих обстоятельств повседневного деревенского существования. Встает очередной исследовательский вопрос: как наиболее продуктивно организовывать изучение и документировать происходящие на селе изменения, связанные с проблематикой хозяйственно-экономических практик в свете перспектив привлекательности сельских территорий? Ответ на него будет дан в очередных публикациях.

Список литературы:

1. Биbihин В.В. Энергия. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2010.
2. Нефедова Т. Г., Мкртчян Н. В. Миграция сельского населения и динамика сельскохозяйственной занятости в регионах России // Вестник Московского университета. – Серия 5. – 2017. – №5. – С. 58-67.
3. Материалы 5-го Общероссийского гражданского форума. – URL: [https:// www. rbc.ru/ politics/25/11/2017/5a19830a9a7947c5662c64fc](https://www.rbc.ru/politics/25/11/2017/5a19830a9a7947c5662c64fc).
4. Между домом и ... домом. Возвратная пространственная мобильность населения России / Ред. Т.Г. Нефедова, К.В. Аверкиева, А.Г. Махрова. М.: Новый хронограф, 2016.
5. Государственная программа Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий» на 2020-2025 годы. Утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 31 мая 2019 г. № 696.— URL: <http://government.ru/docs/36905/>.
6. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 13 февраля 2019 года № 207-р. — URL: <http://government.ru/docs/35733>.
7. Сельское развитие // Сельские территории в пространственном развитии страны: потенциал, проблемы, перспективы. М.: ВИАПИ имени А.А. Никонова, 2019.
8. Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года. М.: ИИЦ «Статистика России», 2018. – Т1. – Кн. 1.
9. Карабут Т. К селу — не к городу. Российская Газета. 22.04.2020. - URL: <https://rg.ru/2020/04/22/pochemu-v-razy-vyroslo-chislo-zhelaiushchih-priobresti-dom-i-zemliu-potgotnoj-ipoteke.html>.

ДЕПРИВАЦИОННАЯ БЕДНОСТЬ: МЕТОДЫ ИСЧИСЛЕНИЯ И ОЦЕНКИ

Шабанов В.Л., д.социол.н., ИАГП РАН

Показана недостаточная разработанность методики исчисления депривационной бедности как в Росстате, так и Евростате, приводящая к некорректным и несопоставимым ее оценкам. Установлено, что состав групп абсолютной и депривационной бедности пересекается незначительно, а факторы обоих типов бедности различны. Абсолютная бедность детерминируется низкими доходами, местожительством, наличием детей и многодетностью, в то время как депривационная – статусами неработающего пенсионера, семейного индивида, инвалида. Для сельского населения характерен повышенный риск как абсолютной, так и депривационной бедности, причем, абсолютной – в большей степени. Показано восприятие собственных доходов среднестатистическим домохозяйством РФ как «минимально достаточных», отражающее ситуацию снижения возможностей в условиях отсутствия положительной социально-экономической динамики в стране.

Ключевые слова: монетарная бедность, депривационная бедность, сельская местность, лишения, факторы депривированности, домохозяйство, доход

DEPRIVATION POVERTY: METHODS OF CALCULATION AND EVALUATION

Shabanov V.L., doctor of sociological sciences, IAgP RAS

The insufficient development of the methodology for calculating deprivation poverty both in Rosstat and Eurostat is shown. It leads to incorrect and incomparable estimates. It was established that the composition of the groups of absolute and deprivation poverty overlaps slightly, and the factors of both types of poverty are different. Absolute poverty is determined by low incomes, domicile, the number of children, while deprivational poverty is determined by the status of a non-working pensioner, a familyless individual, and a disabled person. The rural population is characterized by an increased risk of both absolute and deprivation poverty, moreover, absolute - to a greater extent. The perception of own income by the average household of the Russian Federation as “minimally sufficient” is shown, which reflects a situation of reduced opportunities in the absence of positive socio-economic dynamics in the country.

Key words: monetary poverty, deprivation poverty, rural areas, deprivation, deprivation factors, household, income

Введение.

В исследованиях бедности выделяются два концептуальных подхода – объективистский монетарный, основанный на анализе объективных показателей, чаще всего доходов, и субъективистский, основанный на анализе самоидентификации индивида в заданной шкале его финансовых, потребительских возможностей. Согласно объективистскому подходу, бедными (малоимущими - по терминологии Росстата) считаются индивиды, доходы которых не превышают установленного порога – черты бедности, равной величине стоимости потребительской корзины (абсолютный подход) или заданной доле медианы в распределении среднедушевого денежного дохода (относительный подход) [1; 2].

Субъективистский подход к оценкам бедности связан с самоощущениями человека и является качественно иной характеристикой бедности, так как объективное положение индивида внизу шкалы доходов и субъективное восприятие индивидом своих низких финансовых возможностей отражают, по сути, разные типы бедности.

Одна из разновидностей субъективной бедности – депривационная бедность или бедность по лишениям. Депривационный подход в большей степени, чем монетарные, ориентирован на объяснение социального поведения людей, поскольку испытываемые лишения определяются не одними только доходами. Так, небедное в монетарном смысле домохозяйство, имеющее доходы выше прожиточного минимума или другого установленного порога, может

оказаться бедным по лишениям из-за специфики своих расходов, определяемой, например, завышенными долями лекарств, спиртного, каких-либо услуг [3; 4; 5]. Образ жизни индивидов, составляющих такое небедное по доходам домохозяйство, скорее всего, будет соответствовать усредненным представлениям о бедности, сложившимся в данном обществе в данное время.

Целью исследования является получение оценок уровня депривационной бедности по различным критериям и выявление ее факторов.

Методы исследования.

Для исчисления депривационной бедности используются подходы Евростата и Росстата, основанные на выборе определенного набора лишений и способа их обработки. Эмпирическая база включает ряд статистических обследований Росстата за 2016-2018 гг.: микроданные Выборочного наблюдения доходов населения и участия в социальных программах, Выборочного наблюдения качества и доступности услуг в сферах образования, здравоохранения и социального обслуживания, содействия занятости населения [6], Выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств [7].

Результаты исследования.

Одной из основных методических задач при исследовании депривационной бедности является выбор списка лишений. Евростат выделяет список из 9 лишений, отражающих: финансовые возможности домохозяйства справиться с неожиданными тратами; обеспечить хотя бы раз в 2 дня потребление пищи с протеинами; поддерживать жилье в тепле; уезжать в отпуск хотя бы на неделю в году; платить в срок по кредиту, за квартиру, ЖКУ; иметь (при желании) автомобиль, телевизор, телефон, стиральную машину. Бедным по депривациям считается население, живущее в домохозяйствах с количеством лишений 4 и больше из данного списка. Подход Евростата по формированию списка лишений реализуется Росстатом с 2016 года в ряде обследований – в комплексном наблюдении условий жизни населения, в выборочном наблюдении доходов населения и участия в социальных программах, в выборочном наблюдении качества и доступности услуг в сферах образования, здравоохранения и социального обслуживания, содействия занятости населения. Списки лишений, предложенных Росстатом и Евростатом, заметно различаются: во всех обследованиях совпадают только 2 вида лишений – по питанию и по проведению отпуска вне дома, которые, по-видимому, всюду считаются наиболее характерными и обоснованными для оценок депривационной бедности. Остальные виды лишений в российских статистических наблюдениях связаны с невозможностью замены мебели, покупки одежды и обуви, приема гостей.

Сложность выбора единого списка лишений выражается в сверхвысоком разбросе значений депривированности между наиболее и наименее развитыми странами, не позволяющими оценить и сравнить между собой реальные уровни депривационной бедности в разных странах. По данным Евростата в 2014 году не имели возможности хотя бы раз в 2 дня питаться пищей, содержащей протеин, только 1% домохозяйств в Швеции и Дании, но в Болгарии данный показатель составлял 40%, в Венгрии - 27%, в Румынии и Словакии - 22%. Возможности при желании купить автомобиль не имели только 2-3% домохозяйств в Швеции, Люксембурге, Франции, когда как в Румынии - 37%, в Болгарии, Латвии и Венгрии - 25% [8].

Результаты обследований Росстата по итогам 2016 года позволили установить довольно высокий уровень деприваций, сопоставимый с данными по странам Восточной Европы: 17-22% (в зависимости от конкретного обследования) населения не имеет возможности покупать мясо (рыбу) через день, более 40% не имеют возможности (при желании) купить автомобиль [6].

Расчеты показывают также высокую депривированность и по другим отслеживаемым позициям: 39-51% населения не имеет возможности оплатить недельный отпуск вне дома, 56-64% не могут заменить старую мебель, 18-25% не могут купить новую верхнюю одежду, 23-41% не могут позволить себе две пары хорошей обуви, 5-12% не имеют финансовой возможности хотя бы раз в год дарить подарки и раз в месяц принимать гостей [6].

Если применить к данным по конкретным лишениям методику измерения депривационной бедности Евростата, то ее оценка составит 22-33%, что представляется завышенным, учитывая, что уровень абсолютной бедности в 2016 году составлял 13,3%.

В то же время получить более реалистичную оценку уровня лишений можно, используя другие показатели, изначально не связанные непосредственно с измерением депривационной бедности. Один из таких показателей, присутствующих в обследовании бюджетов домашних хозяйств (Росстат) в неизменном виде по крайней мере с 2004 года, представляет собой список из пяти финансовых возможностей, усиливающихся по мере продвижения к концу списка – от нехватки денег на еду до возможности любой покупки. К числу бедных обычно относят респондентов, оказавшихся по самооценке возможностей в первых двух градациях – «доходов не хватает даже на еду» и «затруднительно покупать одежду и оплачивать жилищно-коммунальные услуги». Анализ показывает, что уровень депривационной бедности, определяемой таким образом, в течение 2004-2018 гг. в целом снизился с 41,4% до 16,3%, однако, ее рост наблюдался в 2009, 2015 и 2016 гг. [6].

2016-й год был последним годом, когда Росстат по итогам выборочного наблюдения доходов населения и участия в социальных программах публиковал оценки респондентами своего финансового положения и величины минимально достаточных доходов. По оценкам городских и сельских респондентов минимальный среднедушевой доход, необходимый домохозяйству для оплаты всех ежедневных платежей, составлял в 2016 году соответственно 23,4 и 18,1 тыс. руб., что в 2,4 и 1,8 раза превышало величину прожиточного минимума, равную 9,8 тыс. руб. При этом их собственный среднедушевой располагаемый денежный доход составлял 23,1 и 15,2 тыс. руб.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что прожиточный минимум не воспринимается людьми как минимально достаточный доход, способный обеспечить базовые потребности в пище, непродовольственных товарах и услугах. Для большинства респондентов (71% по городу и 80% по селу) собственный доход также не представляется достаточным для покрытия необходимых расходов, хотя, как можно видеть, его средневывборочное значение близко к величине, названной респондентами минимально достаточной. Такое критическое восприятие собственных доходов характерно для ситуации снижения возможностей в условиях отсутствия положительной социально-экономической динамики, без которой депривированность во многих сферах ощущается людьми очень остро.

Полученные данные напрямую связаны с распределением оценок городскими и сельскими респондентами собственных возможностей «свести концы с концами» (таблица 1).

Таблица 1 – Распределение ответов респондентов на вопрос о возможности «свести концы с концами», %

Возможность «свести концы с концами»	город	село
с большими затруднениями	16,2	21,1
с затруднениями	30,1	31,3
с небольшими затруднениями	32,7	30,7
сравнительно легко	17,0	13,6
легко	3,6	3,0
очень легко	0,4	0,3
всего	100,0	100,0

Следует также отметить, что восприятие собственных возможностей по обеспечению минимального уровня жизни горожанами и сельскими жителями не сильно различается, как можно было бы ожидать, исходя из данных по монетарной бедности. Очевидно, здесь играет значительную роль психологический фактор, отсутствующий при объективных оценках.

Рассмотрим далее, как депривационная бедность населения связана с его доходами. Такая связь, как можно было предположить, обратная, однако, она менее выраженная, чем в случае монетарной бедности (таблица 2).

Таблица 2 - Группировка населения России по оценке своих финансовых возможностей, 2018 г.¹

Группа	Распределение численности, %	Денежные доходы, тыс. руб. на чел. в месяц
1-2. Бедные по депривации: доходов не хватает даже на еду & затруднительно покупать одежду и оплачивать жилищно-коммунальные услуги	16,3	14,6
3. не могут позволить покупку товаров длительного пользования	49,3	20,0
4. не хватает денег на покупку автомобиля	23,7	30,6
5. не хватает денег на покупку квартиры, дачи	7,6	38,0
6. средств достаточно, чтобы купить все, что считают нужным	3,1	38,1

Удельный вес наименее депривированных групп 5 и 6 составляет 10,7%, то есть почти совпадает с удельным весом самых богатых – с численностью верхнего дециля в упорядоченном распределении по величине среднедушевых располагаемых ресурсов в статистическом наблюдении Росстата. Согласно его данным, денежный доход самых богатых, составляющих верхний дециль, равен 71,3 тыс. руб. на чел. в месяц [7], то есть почти в 2 раза больше, чем доход 10% наименее депривированных индивидов.

Удельный вес бедных соответствует численности первого и примерно половине второго дециля. Денежный доход индивидов, составляющих эти два нижних по уровню благосостояния дециля, равен 6-9 тыс. руб. в месяц [7] – в 1,5-2 раза меньше, чем доход бедных по депривации.

По сельскому населению влияние доходов на депривационную бедность выражено слабее, чем по городскому. Доходы сельского населения распределены более равномерно, чем городского, по группам разной самооценки финансовых возможностей. И, наоборот, по группам самооценки сельское население распределено гораздо менее равномерно, чем городское (таблица 3).

Таблица 3 - Группировка сельского и городского населения России по оценке своих финансовых возможностей, 2018 г.

Группа	Распределение численности (село), %	Ден. доход, тыс. руб. на чел. в месяц (село)	Распределение численности (город), %	Ден. доход, тыс. руб. на чел. в месяц (гор.)
1-2. Бедные по депривации: доходов не хватает даже на еду & затруднительно покупать одежду и оплачивать жилищно-коммунальные услуги	19,4	12,6	15,3	15,4
3. не могут позволить покупку товаров длительного пользования	54,1	16,0	47,7	21,6
4. не хватает денег на покупку автомобиля	20,7	19,7	24,7	33,7
5. не хватает денег на покупку квартиры, дачи	4,2	23,2	8,7	40,4
6. средств достаточно, чтобы купить все, что считают нужным	1,6	25,9	3,6	40,5

Таким образом, доходная дифференциация индивидов, сгруппированных по степени депривированности, гораздо ниже, чем индивидов, сгруппированных по монетарному показателю – по величине располагаемых ресурсов. Доходы играют основную роль в формировании абсолютной и относительной, но не депривационной бедности. Так, группы, составляющие абсолютную и депривационную бедность, лишь на 1/3-1/4 пересекаются по своему составу (рисунок). В целом только 26% депривированных являются также и бедными по доходам, и 36% бедных по доходам являются депривированными.

¹ Здесь и далее депривационная бедность ассоциируется с населением, оценившим свои финансовые возможности на уровне 2-х нижних градаций списка из 5 градаций в бюджетном обследовании Росстата. Все расчеты сделаны на основе микроданных по итогам 2018 г. [7]

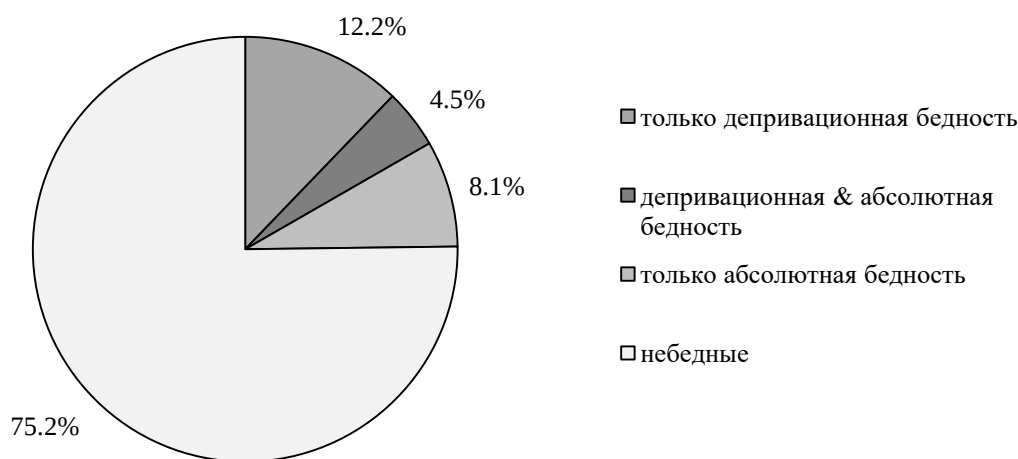

Рисунок – Уровни различных типов бедности
(по отношению ко всему населению РФ), %

Таким образом, показатель доходов не является основным фактором депривационной бедности. Не относятся к числу ее основных факторов и такие социально-демографические показатели, как размер домохозяйства и число детей в семье, являющиеся факторами абсолютной бедности. В частности, это заметно при расчетах на сельском массиве данных: распространение депривационной бедности в группах домохозяйств разного размера различается слабо – в отличие от абсолютной бедности, распространение которой напрямую связано с размером домохозяйства. Детность также играет заметную роль в абсолютной, но не в депривационной бедности. При этом одиночки оказываются группой в наибольшей степени подверженной риску депривационной бедности, и в наименьшей – риску абсолютной бедности (таблица 4).

Таблица 4 – Удельный вес численности индивидов, составляющих группы абсолютной и депривационной бедности, в массиве сельских домохозяйств, сгруппированных по размеру и по числу детей в них, 2018 г., %

Группы	Размер домохозяйства, чел.					Число детей в домохозяйстве			
	1	2	3	4	5 и более	0	1	2	3 и более
абсолютная бедность	4,1	10,1	17,1	24,0	38,8	11,9	21,7	29,6	53,3
депривационная бедность	22,5	15,5	16,3	16,6	21,7	16,8	19,5	20,1	28,6

Статусы молодой и многодетной семьи, а также показатели размера домохозяйства и детности в абсолютной бедности выражены сильнее, чем в депривационной. Так, по данным 2018 года 23,1% индивидов, составляющих молодые семьи, и 36,2% – многодетные семьи, относятся к малоимущим (по методике абсолютной бедности) и только 18,8 и 28,3% – к депривированным. По неполным семьям и семьям, в составе которых есть инвалиды, риск депривированности несколько выше, чем риск абсолютной бедности: доли депривированных и малообеспеченных в этих группах – соответственно 32,4 и 29,3%, 18,7 и 15,5% [7].

Не является заметным фактором депривационной бедности и местожительство индивида. С 2004 года уровень депривационной бедности в сельской местности превышает ее уровень в городе на 5-31%. В то же время по уровню абсолютной бедности разница в последние годы составляла 3,1-4,3 раза [8, с.23]. То есть концентрация депривированного населения в сельской местности гораздо меньшая, чем малоимущего, а риск попадания в категорию бедных по доходам у сельского населения заметно выше, чем риск попадания в категорию бедных по лишениям.

В то же время факторами депривационной, но не абсолютной бедности, являются статус неработающего пенсионера и инвалидность. Доли неработающих пенсионеров и инвали-

дов в общей численности абсолютной бедности составляют 6,3 и 11,0%, а в общей численности депривационной бедности – около 26 и 30% [7].

Заключение.

Субъективное восприятие собственных финансовых возможностей определяются не только уровнем доходов, но, прежде всего, социально-психологическими факторами. Ощущения депривированности усиливаются в семьях, состоящих из одиночек, инвалидов, неработающих пенсионеров. Оба показателя бедности – абсолютной и депривационной – различаются на концептуальном уровне и формируют две слабо пересекающиеся по составу группы индивидов. Доход, будучи основным дифференцирующим показателем в монетарных концепциях бедности, в депривационной концепции играет косвенную роль. Основным для нее оказывается показатель субъективного восприятия индивидами своих финансовых возможностей в сфере потребления, которое связано с доходами достаточно сложно и неоднозначно. Для сельского населения характерен повышенный риск обоих видов бедности – как абсолютной, так и депривационной.

Список литературы:

1. Овчарова Л.Н. Предложения для стратегии сокращения бедности современной России // Уровень жизни населения регионов России. - 2012. - №10-11. – С. 78-89;
2. Фролова Е.Б., Великанова Т.Б. Методика измерения относительной бедности // Уровень жизни населения регионов России. - 2012. - №10-11. – С. 89-98.
3. Гришина Е.Е. Динамика депривационной бедности в России // Вектор экономики (электронный научный журнал). – 2019. – № 4 (34).
4. Тихонова Н. Е. Феномен бедности в современной России // Социологические исследования. - 2014. - № 1. – С. 6-19.
5. Давыдова Н.М. Депривационный подход в оценках бедности // Социологические исследования. - 2013. - № 6. – С. 88-96.
6. Итоги федеральных статистических наблюдений по социально-демографическим проблемам / Росстат. - URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/inspection/itog_inspect1.htm/
7. Выборочное обследование бюджетов домашних хозяйств / Росстат. - URL: <https://obdx.gks.ru/>.
8. Социально-экономические индикаторы бедности в 2013-2018 гг.: Стат. бюллетень / Росстат. – М., 2019.

СЕЛЬСКО-ГОРОДСКИЕ РАЗЛИЧИЯ В ФОРМИРОВАНИИ НЕРАВЕНСТВА ПО ОТНОШЕНИЮ К ЗДОРОВЬЮ¹

Вяльшина А.А., к.социол.н., ИАГП РАН

В статье анализируются предпосылки формирования неравенства по отношению к здоровью между жителями городов и сельской местности. На основе данных официальной статистики выявлены объективные факторы подобных различий (демографические и социально-экономические особенности сельского и городского населения, инфраструктурная и ресурсная обеспеченность систем городского и сельского здравоохранения). Результаты Выборочного наблюдения качества и доступности услуг в сферах образования, здравоохранения и социального обслуживания, содействия занятости населения, проведенного Росстатом в 2017 году, позволили выявить факторы, влияющие на уровень удовлетворенности оказанием медицинской помощи в городской и сельской местности. Сделан вывод, что при разработке текущих и стратегических мероприятий в сфере здравоохранения необходимо учитывать поселенческие особенности потребления медицинской помощи.

Ключевые слова: сельско-городские различия, неравенство в отношении здоровья, сельское здравоохранение

RURAL-URBAN DIFFERENCES IN FORMING INEQUALITY IN RELATION TO HEALTH

Vyalshina A.A., candidate of sociological sciences, IAGP RAS

The article analyzes the prerequisites for the formation of inequality in relation to health between residents of cities and rural areas. On the basis of official statistics, objective factors of such differences have been identified (demographic and socio-economic characteristics of the rural and urban population, infrastructure and resource provision of urban and rural health systems). The results of a sample observation of the quality and accessibility of services in the fields of education, health care and social services, employment promotion conducted by Rosstat in 2017, revealed the factors affecting the level of satisfaction with the provision of medical care in urban and rural areas. It is concluded that when developing current and strategic measures in the healthcare sector, it is necessary to take into account the settlement characteristics of the consumption of medical care.

Key words: rural-urban differences, health inequalities, rural medical care

Введение.

Обеспечение доступности медицинской помощи является основным приоритетом развития системы здравоохранения в России. Совершенствование механизмов управления системой медицинской помощи населению на основе учета пространственных особенностей демографической ситуации, состояния здоровья разных типов населения (городского и сельского), ресурсного обеспечения учреждений здравоохранения, уровня доступности медицинских услуг становятся важными задачами в их реализации. В настоящее время территориальные особенности медицинской помощи слабо учитываются не только в России, но и многих других странах [1]. Сохраняются значительные сельско-городские различия в обеспеченности жителей объектами и услугами сферы здравоохранения, а также в уровне потребления медицинских услуг [2]. Для системы оказания медицинских услуг сельскому населению России характерна низкая эффективность медико-социальных и профилактических мероприятий и ограниченная доступность медицинской помощи. Оснащенность сельских медицинских учреждений значительно хуже, чем городских, а квалификация персонала ниже, чем в среднем по стране.

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ в рамках проекта «Моделирование факторов ожидаемой продолжительности жизни сельского населения России: оценка межрегиональных различий» (проект № 19-010-00229).

Неравенство по отношению здоровью определяется положением в социальной иерархии, выражается в дифференцированном доступе к ресурсам образования, занятости, жилья, различным уровням участия в гражданском обществе, что сказывается на скорости процесса освоения соответствующих моделей поведения. Социальные группы населения, находящиеся в уязвимом положении (бедные, безработные, не имеющие образования, пожилые, одинокие), нередко испытывают высокие риски для здоровья, имеют меньше возможностей для его сохранения. Лица с низким социально-экономическим статусом больше подвержены воздействию психологического стресса из-за негативных жизненных событий (финансовые трудности), дисбаланса «усилия-результаты» (высокий уровень усилий без соответствующей материальной и/или нематериальной выгоды) [3]. Кроме того, они имеют меньше социальных связей, низкий уровень социальной поддержки, определяющие слабый уровень контроля над своей жизнью [4]. Данное неравенство провоцирует значительные экономические издержки в виде чрезмерных затрат на систему здравоохранения и социальное обеспечение, снижение производительности труда, препятствуя успешному социально-экономическому развитию экономики России. По мнению экспертов ВОЗ, разрывы в показателях самооценки здоровья и благополучия являются ранними предикторами неравного риска утраты здоровья. Без эффективных целенаправленных мер такие разрывы в показателях здоровья сохраняются и увеличиваются на более поздних этапах жизни. Доступ к качественной медицинской помощи должен быть обеспечен любому гражданину страны, независимо от его места проживания.

Основной целью исследования является выявление факторов формирования неравенства по отношению к здоровью между жителями городов и сельской местности. Для осуществления этой цели поставлены следующие задачи: 1) анализ демографических и социально-экономических особенностей сельского и городского населения, создающих предпосылки формирования неравенства по отношению к здоровью; 2) оценка инфраструктурных и ресурсных особенностей систем городского и сельского здравоохранения; 3) оценка различий в состоянии здоровья и уровне удовлетворенности отдельными аспектами оказания медицинской помощи (неотложной помощи).

Методология и информационная база исследования.

Информационную базу исследования составляют официальные статистические данные Росстата, а также результаты Выборочного наблюдения качества и доступности услуг в сферах образования, здравоохранения и социального обслуживания, содействия занятости населения, проведенного Росстатом в 2017 году. Выборка репрезентативная, всего опрошено 115 155 человек, в том числе 11 063 жителя сельской местности (с численностью жителей до 1 000 человек) (9,6%) и 77 881 житель городов (с численностью населения 50 000 и более) (97,6%). В составе респондентов 37 851 мужчин (4 932 на селе и 32 919 в городе) и 51 093 женщин (6 131 на селе и 44 962 в городе). Расчеты осуществлялись с помощью пакета прикладных программ SPSS 17.0.

Главной гипотезой исследования является предположение о существовании системных (объективных) и поведенческих (субъективных) механизмов, определяющих предпосылки формирования неравенства по отношению к здоровью между жителями городов и сельской местности. В научной литературе существует несколько концепций, объясняющих механизмы формирования неравенства по отношению к здоровью и его влияние на социально-экономическое положение домохозяйств. Гипотеза социальной причинности объясняет состояние здоровья промежуточными факторами, напрямую связанными с социальным положением. Важное значение имеют факторы физической среды обитания индивида (качество жилья, условия труда, состояние окружающей среды). Отдельный аспект влияния связан с недостатком экономических ресурсов, ограничивающих доступ к средствам укрепления здоровья и ресурсам здравоохранения.

Гипотеза социального отбора показывает возникновение зависимости социально-экономического положения индивида от состояния его здоровья, предполагая различия в возможностях его социальной мобильности, обусловленных здоровьем. Лучшее состояние здоровья городских жителей предоставляет им преимущества в восходящей социальной мо-

бильности по сравнению с сельчанами. Отдельное внимание в рамках этой гипотезы уделяется использованию ресурсов здравоохранения, таких как: количество обращений за медицинской помощью, число и эффективность взаимодействия с врачами, частота и продолжительность госпитализации. С этой точки зрения социально-экономические различия в состоянии здоровья могут объясняться неравным доступом к услугам здравоохранения для лиц с разным социально-экономическим статусом, что оказывает несомненное влияние на процесс формирования сельско-городских неравенств в состоянии здоровья населения.

Гипотеза жизненного пути объясняет неравенство в состоянии здоровья через теорию «аккумулирующегося риска», подразумевающую концентрацию различных форм материальных и нематериальных факторов риска у одного и того же индивида. Один неблагоприятный фактор повышает вероятность возникновения другого, обуславливая кумулятивный эффект влияния на здоровье. Особую роль в этом контексте играют «кризисные периоды» в жизни индивида, а также стадии жизненного цикла, когда он особенно подвержен факторам риска (период раннего детства, пожилой возраст). Сельско-городские различия в уровне и качестве жизни семей с детьми, установках и предпочтениях, связанных с их воспитанием и развитием, создает предпосылки для формирования неравенства в состоянии и сохранении здоровья, как в детском возрасте, так и во взрослой жизни. Независимо от типов факторов и механизмов их влияния на состояние здоровья, очевидно, что неравенство в состоянии здоровья населения между жителями городов и сельской местности обуславливает различия в качестве и уровне развития человеческого капитала страны.

Идентификация неравенства по отношению к здоровью между социальными группами осуществляется на основе выявления различий, относящихся к состоянию здоровья, уровню ресурсной и инфраструктурной обеспеченности, а также к уровню доступности медицинской помощи между жителями городов и сельской местности, обладающими разными уровнями базовых социальных преимуществ. Выявленные различия между базовыми показателями, относящимися к здоровью, между горожанами и сельчанами обуславливает необходимость совершенствования принципов оказания медицинской помощи и принятия во внимание пространственных различий в ее потребностях и доступности.

Результаты исследования.

Российское село переживает период неблагоприятных демографических изменений, связанных со спадом рождаемости, сокращением численности населения трудоспособного возраста, старением возрастной структуры села [5]. По данным статистики, в сельской местности выше естественная убыль населения (- 2,9 в 2018 г. по сравнению с - 1,0 в городе), ниже ожидаемая продолжительность жизни как для мужчин (66,75 лет на селе и 68,11 в городе), так и для женщин (76,93 лет на селе и 78,09 в городе). Как показывают данные Росстата, лица старше трудоспособного возраста представляют собой стабильно растущую социально-демографическую группу в структуре как сельского, так и городского населения. Только за последние десять лет (2008–2018 гг.) доля городского населения старше трудоспособного возраста выросла с 21,0% до 25,2%, сельского – с 21,4% до 26,2% соответственно [6]. По мнению экспертов, в России основной причиной демографического старения возрастной структуры населения является спад рождаемости, характерный как для городского, так и сельского населения, который не обеспечивает замещения поколений, формируя предпосылки сокращения лиц трудоспособного возраста, увеличения доли пенсионеров, ограничивая развитие экономики страны [7, 8, 9]. Демографические тенденции последних десятилетий в значительной степени обуславливают особенности развития системы здравоохранения как в городе, так и на селе. Кроме того, наблюдаются значительные различия между жителями городов и сельской местности по совокупности социально-экономических показателей, обуславливающих, с одной стороны, образ, стиль, качество и уровень их жизни, а с другой – особенности состояния их здоровья и возможности самосохранительного поведения. По данным Росстата в 2018 году уровень занятости городского населения составлял 67,5%, в то время как сельского – 53,9%, уровень официальной безработицы – 4,1% и 7,3% соответственно [10]. Уровень образования сельских жителей ниже, чем у горожан. Например, в соста-

ве занятого городского населения доля лиц с высшим образованием составляет 37,9% (на селе только 21,6%), со средним профессиональным – 20,5% и 22,5% соответственно [11]. При этом среди работающих горожан удельный вес лиц, не имеющих профессионального образования (а только среднее общее и ниже), составляет 17,3%, а в сельской местности – 31,6%. Более низкий уровень образования и занятости, а также высокий уровень безработицы сельчан обуславливают низкий уровень и качество их жизни. По данным Выборочного наблюдения доходов населения и участия в социальных программах (Росстат, 2018) среднедушевые денежные доходы городских семей составляют 21 690 руб. или двукратную величину прожиточного минимума, а на селе – 16 640 руб. (1,6 ВПМ) [12]. Среди сельского населения почти в два раза выше доля тех, кто относится к малоимущему населению (с доходами ниже величины прожиточного минимума) – 21,0% по сравнению с 12,2% среди горожан. При этом экономическая уязвимость влияет на здоровье посредством каскадного воздействия на способность приобретать ресурсы, значимые для здоровья: качественное питание, комфортное жилье, транспорт, медицинское страхование и услуги здравоохранения, время и ресурсы для регулярных занятий спортом. Именно поэтому расходы на здоровье и ведение здорового образа жизни создают барьеры для уязвимых категорий населения, снижая их шансы на получения профилактической помощи и помощи в лечении.

Важным объективным фактором формирования сельско-городских различий в состоянии здоровья населения является ресурсная обеспеченность системы здравоохранения. По мнению многих исследователей, интегративным фактором потребления медицинских услуг является их доступность, при этом зачастую особое внимание уделяется изучению ресурсных возможностей потребителей или рассмотрению географической и физической доступности медицинской помощи [13, 14]. Главной целью реализации программы модернизации здравоохранения стало создание условий для эффективного лечения и профилактики заболеваний, укрепления материально-технической базы медицинских организаций. Планировалось формирование единой системы оказания медицинских услуг населению, которая должна состоять из трех уровней: амбулаторно-поликлинические медицинские учреждения; межмуниципальные центры, оказывающие специализированную амбулаторную и стационарную медицинскую помощь; специализированная помощь в областных консультативно-диагностических центрах [15]. Результатом реформирования системы здравоохранения стало сокращение числа медицинских организаций, в том числе ФАПов в сельской местности. Число амбулаторно-поликлинических организаций в городе с 2005 г. по 2010 г. сократилось на 10,7%, затем выросло на 20,3% в 2018 г., показав к этому времени совокупный прирост на 7,3% по отношению к 2005 г. В сельской местности с 2005 г. по 2010 г. также произошло сокращение амбулаторно-поликлинических организаций на 60,3%, затем наблюдался рост в 1,6 раза (в 2018 г.), но уровень 2005 г. достигнут не был (65,2%) (таблица). Изменилась и мощность амбулаторно-поликлинических организаций, увеличившись за 2005–2018 гг. в городе на 3,3% и на 21,0% на селе. Число больничных организаций также значительно сократилось, причем в городе на четверть, в то время как в сельской местности – в 3,7 раза. В значительной степени это снижение произошло за счет смены ведомственной принадлежности, когда число ЦРБ и участковых больниц резко сократилось, параллельно увеличив число районных больниц в городе в 1,5 раза и в 1,6 раза на селе. Однако число коек в больницах сократилось на 28,9% в городе и 25,7% в сельской местности. Число ФАПов, оказывающих первичную доврачебную помощь сельским жителям, с 2005 по 2016 г. уменьшилось на 20,5%, численность медицинского персонала в них – на 37,3%, в том числе фельдшеров на 27,0%. Вырос удельный вес фельдшеров с 53,5% в 2005 г. до 62,3% в 2016 г. Численность врачей увеличилась, в то время как среднего медицинского персонала – уменьшилась. Удельный вес врачей, работающих в сельской местности на протяжении ряда лет, не превышает 10,0% от общей численности врачей в стране, хотя доля сельского населения составляет около 25,4% населения. Обеспеченность врачами в среднем по России в 2018 г. составляла 37,4 на 10 тыс. населения, а на селе – 14,5%. Доля врачей, имеющих квалификационную категорию, в среднем по стране составляла 42,2%, а на селе 29,7%.

Таблица - Индикаторы состояния системы здравоохранения в зависимости от места нахождения

	город				село			
	2005	2010	2015	2018	2005	2010	2015	2018
Число амбулаторно-поликлинических организаций, всего	14 288	12 753	13 815	15 337	7 495	2 979	4 749	4 891
Мощность амбулаторно-поликлинических организаций, на 100 тыс. насел	300,9	308,2	304,2	310,9	131,8	116,4	146,6	159,5
Число больничных организаций, всего	5 820	4 959	4 397	4 275	3 659	1 349	1 036	982
Число коек в больничных организациях, на 100 тыс. насел.	130,9	112,5	97,6	93,1	55,6	40,9	42,7	41,3
Число ЦРБ	1 046	1 027	829	801	688	727	597	560
Число районных больниц	148	112	230	224	119	79	185	194
Число участковых больниц	40	18	4	5	2 591	382	65	42

Источник: Здравоохранение в России – 2019. - URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_34/Main.htm

Состояние здоровья сельских жителей хуже, чем горожан. Данная тенденция наблюдается во всех возрастных группах за исключением самых старших. Так, среди городской молодежи 16-30 лет 70,8% оценивают свое здоровье как хорошее (на селе 64,1%); лица в возрасте 31-45 лет из города – 60,0% (на селе 48,3%); в составе лиц в возрасте 46-60 лет, проживающих в городе, около 31,5% оценивают свое здоровье как хорошее, в то время как на селе – только 26,1%. Однако в возрастной группе 61-80 лет ситуация в городе и на селе выравнивается, в то время как в группе старше 80 лет – переворачивается. В составе сельских жителей старше 80 лет выше доля тех, кто оценивает свое здоровье как удовлетворительное (61,0% по сравнению с 50,8% среди городских), в то время как среди горожан старше 80 лет больше тех, кто считает свое здоровье плохим и очень плохим (46,2% по сравнению с 36,2% среди сельчан того же возраста). У 32,1% из них имеют одно хроническое заболевание, 23,4% – два и 30,5% – более двух. На селе два и больше заболеваний имеют 17,9%, а около 27,1% лиц старше 80 лет указывают на отсутствие хронических заболеваний. Данный факт объясняется, вероятно, большим вниманием к своему здоровью со стороны городских жителей, обусловленных, как лучшим доступом к услугам системы здравоохранения, так и более высоким предпочтениями относительно качества услуг и возможностями самосохранительного поведения.

Оказание неотложной медицинской помощи является первоочередным и наиболее значимым направлением оказания медицинских услуг населению. Около 29,0% опрошенных за последний год вызывали скорую помощь вне зависимости от места проживания. Удовлетворенность вызовом скорой помощи выше в сельской местности, хотя ею удовлетворен только каждый четвертый пациент, столкнувшийся с необходимостью ее вызова (24,1%); в городе – только 18,3%. Среди городских жителей совершенно недовольны вызовом скорой 37,5%, на селе – 32,4%. Приблизительно 8-9 % опрошенных столкнулись с трудностями при ее вызове. Большинство недовольных, как в городе, так и на селе указывают на длительность ожидания приезда бригады в качестве основной причины недовольства (64,4-67,6%). При этом скорость приезда бригады скорой помощи для детей еще ниже, чем для взрослого, как в городе, так и на селе. Значимыми причинами в сельской местности является отсутствие свободной бригады (23,1%) и невозможность связаться с диспетчером (19,4%), в то время как в городе обратившиеся жаловались на то, что вместо оформления вызова им были предложены некие рекомендации для дальнейших действий (14,6%). Жители сельской местности выше оценивают оснащенность бригады скорой помощи необходимыми лекарственными препаратами, в то время как городские жители – способность бригады доставить в хорошую больницу (на селе с этим больше проблем). Наихудшие оценки удовлетворенности работой скорой помощи связаны со скоростью приезда бригады, причем в сельской местности ситуация значительно сложнее, чем в городе.

Выводы.

Результаты проведенного исследования показывают, что в современной России существуют объективные предпосылки формирования неравенства по отношению к здоровью населения, проживающего в городах и сельской местности. Главными из них является демографическое старение села и связанные с ним проблемы обеспечения медицинского и социального обслуживания сельских жителей. Сельчане характеризуются худшими показателями здоровья по сравнению с горожанами, хотя и отличаются более низкими уровнями обращаемости за медицинской помощью. За годы реформ учреждения сельского здравоохранения стали менее доступны для многих сельских жителей, у них сократилась ресурсная и инфраструктурная база. Слабая территориальная доступность медицинских учреждений обуславливает поведенческие модели обращения сельских жителей за медицинской помощью только в серьезных случаях, что негативно отражается на будущем состоянии их здоровья. Горожане не только чаще обращаются за медицинской помощью, но и предъявляют более высокие запросы к системе здравоохранения. Они больше сельчан не удовлетворены длительностью ожидания приезда бригады скорой помощи и качеством оказания неотложной помощи. Субъективные оценки уровня удовлетворенности оказанием медицинских услуг лиц, обращавшихся за медицинской помощью, содержат возможности для анализа потенциальных направлений совершенствования деятельности медицинских учреждений с учетом реальных потребностей пациентов. При разработке мероприятий совершенствования оказания медицинской помощи населению необходимо учитывать поселенческие различия не только в социально-демографическом и социально-экономическом составе проживающего там населения, но и различия в их потребностях, ожиданиях и запросах к системе здравоохранения.

Список литературы:

1. Щербаков Д.В. Проблемы планирования и оценки потребности населения в специализированной (в том числе высокотехнологичной) медицинской помощи // Российская академия наук. Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья. — 2014. — № 1. — С.327—329.
2. Богачёв А.И., Полухина М.Г., Студенникова Н.С. Обеспеченность услугами здравоохранения сельских жителей Центральной России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. - 2016. - т. 12. - вып. 7. - с.166—177.
3. Siegrist J, Marmot M. Health inequalities and psychosocial environment - two scientific challenges. Soc Sci Med 2004; (58):1463-73.
4. Кислицына О.А., Ферландер С. Роль социальных отношений в объяснении социально-экономических различий в состоянии здоровья россиян. Социальные аспекты здоровья населения. – 2015. - 44(4). - URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/694/30/lang.ru/>
5. Блинова Т.В. Демографические угрозы и ограничения развития сельских территорий России // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. - 2018. - № 2. - С.14—19.
6. Блинова Т.В. Демографическое старение российского села и ресурсы развития «серебряной экономики» // Островские чтения, 2018. - С. 14
7. Вишневский А.Г., Щербакова Е.М. Демографические тормоза экономики // Вопросы экономики. – 2018. – №6. – С. 48—70.
8. Архангельский В.Н., Зинькина Ю.В., Шульгин С.Г. Демографический потенциал половозрастной структуры как фактор динамики численности населения // Статистика и экономика. - 2018. – том 15. - №6. - с.69-79.
9. Русановский В.А. Демографический фактор долгосрочного экономического роста: возможности, ограничения, асимметрия // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. - 2015. - № 5 (59). -С. 41-46.
10. Итоги выборочного обследования рабочей силы, 2018. - URL: <https://www.gks.ru/compendium/document/13265>

11. Выборочное наблюдение качества и доступности услуг в сферах образования, здравоохранения и социального обслуживания, содействия занятости населения, Росстат, 2017.
12. Выборочное наблюдение доходов населения и участия в социальных программах. - URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/vndn-2018/index.html
13. Вялых Н.А. Факторы воспроизводства социального неравенства в сфере потребления медицинских услуг // Социс. - 2015. - № 11 - с.126-132;
14. Панова Л.В., Русинова Н.Л. Неравенства в доступе к первичной медицинской помощи // Социологические исследования. - 2005. - № 6. - С. 127–136.
15. Общественное здоровье и здравоохранение // Национальное руководство. Под ред. В.И. Стародубова, О.П. Щепина и др. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2013. - 624 с.

ОБОСНОВАНИЕ ОСНОВНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ РАБОТНИКОВ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В УСЛОВИЯХ ОБЩЕМИРОВЫХ ВЫЗОВОВ

Бочарова Е.В., к.социол.н., ИАГП РАН

Определены основные глобальные тренды, определяющие будущее рабочих мест и профессиональных компетенций в долгосрочной перспективе, особое внимание уделено анализу основных приоритетов кадрового обеспечения аграрного сектора российской экономики. Результативные выводы строятся автором на основе анализа данных доклада «Будущее работы: работа и навыки в 2030 году» (The Future of Work: Jobs and skills in 2030), в котором описаны изменяющие привычную трудовую среду тенденции, а также ключевые навыки, которыми в будущем обязательно должны обладать успешные сотрудники.

Ключевые слова: компетенция, сельское хозяйство, работники, тенденции.

SUBSTANTIATION OF THE BASIC TENDENCIES FOR FORMING AND DEVELOPING PROFESSIONAL COMPETENCES OF AGRICULTURAL WORKERS UNDER CONDITIONS OF WORLDWIDE CHALLENGES

Bocharova E.V., candidate of sociological sciences, IAgP RAS

The main global trends that determine the future of jobs and professional competencies in the long term are identified; special attention is paid to the analysis of the main priorities for staffing the agricultural sector of the Russian economy. The author draws conclusions based on the analysis of the report "The Future of Work: Jobs and skills in 2030", which describes trends that change the usual work environment, as well as key skills that will be used in the future successful employees must possess.

Key words: competence, agriculture, workers, trends.

Введение.

В настоящее время выявлены тенденции формирования и развития мирового рынка труда на основе усиления и распространения процессов социально-экономической, политической и культурной интеграции. Они особым образом воздействуют на развитие профессиональных компетенций работников аграрной отрасли нашей страны.

Затрагивая тему новых тенденций в области изменения профессиональных компетенций сотрудников необходимо понимать, что предсказать будущее невозможно. Наша жизнь протекает в динамичном и беспокойном мире, где изменения происходят постоянно и с большой скоростью. Тем не менее важно учитывать долгосрочную перспективу, особенно в вопросах инвестирования в инновации. Развитие профессиональных компетенций является важной проблемой в нескольких аспектах. Во-первых, работодателям для достижения конкурентных преимуществ требуется международная база навыков и компетенций. Во-вторых, в области профессионального образования целесообразно обратить внимание на потенциальные потребности рынка труда, чтобы гарантировать полноту приобретаемых в рамках обучения компетенций, которые обязательно потребуются в будущем. В-третьих, необходимо понимание того, что решение работника об уровне профессиональных компетенций, который он стремится достичь, в значительной степени определяют его карьеру на протяжении всей трудовой деятельности.

Цель исследования состоит в обосновании новых тенденций формирования и развития профессиональных компетенций работников сельского хозяйства с целью предотвращения наступления или углубления существующих вызовов и ограничений.

Методика исследования построена на материалах 27 волны «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)», проведенного в 2018 году (N=294, ограничена респондентами, работающими в агропродовольственном

комплексе), а также экономико-статистических и аналитических материалах Федеральной службы государственной статистики РФ, оценке аналитических материалов зарубежных исследовательских ресурсов.

В представленном исследовании применены методы статистического и сравнительного анализа. В статье использованы данные доклада «Будущее работы: работа и навыки в 2030 году» (The Future of Work: Jobs and skills in 2030), в котором описаны изменяющиеся привычную трудовую среду тенденции, а также ключевые навыки, которыми в будущем обязательно должны обладать успешные сотрудники.

Результаты исследования.

Понятие «тенденция» (от лат. *tendere* – направляться, стремиться) можно перевести как «направление развития, склонность, стремление» [1, с. 977]. На фоне общепринятой терминологии более рациональна позиция исследователей, которые раскрывают суть тенденции развития явлений через связь с действием законов, которым эти явления подчинены [2]. Такую позицию отстаивает И. К. Беляевский: «Тенденция развития рынка – экономическое и статистическое понятие, характеризующее закономерность изменения его основных параметров во времени» [3, с. 234]. По нашему мнению, тенденции развития профессиональных компетенций представляют закономерности изменения знаний, умений, навыков и способов осуществления трудовой деятельности работников до заданного уровня в условиях изменений внешней среды. Тенденция – это процесс развития, которое длится несколько лет и подтверждается эмпирически; движение проходит устойчивым курсом, и циклические изменения и колебания не влияют на него. Как правило, тенденции следуют четкому направлению, и их курс является устойчивым.

Комиссия по навыкам и занятости Великобритании (UK Commission for Employment and Skills), специализирующаяся на прогнозировании, опубликовала доклад «Будущее работы: работа и навыки в 2030 году» (The Future of Work: Jobs and skills in 2030) [4], в котором описаны глобальные и местные тенденции, указывающие на предстоящие изменения в бизнесе и обществе. Описанные тенденции, по мнению авторов, трансформируют привычную трудовую среду и соответствующие навыки в долгосрочной перспективе. Остановимся на содержании тех глобальных тенденций, которые, по нашему мнению, оказывают определенное влияние на изменение будущих рабочих мест и профессиональных компетенций работников сельского хозяйства РФ.

1. *Демографические изменения (Demographic change)*. По данным Организации Объединенных Наций самой быстрорастущей возрастной группой в мире являются пожилые люди старше 65 лет. В 2018 г. впервые за всю историю их количество превзошло число детей до 5 лет, по прогнозам к 2050 г. мир столкнется с проблемой, когда число молодых людей от 15 до 24 лет будет меньше чем пожилых. Как ожидается, по мере увеличения средней продолжительности жизни, люди пенсионного возраста будут играть более значительную роль в социально-экономической сфере.

Возрастная структура населения нашей страны и рабочая сила также испытывают процесс старения, поскольку поколение «бэби-бума» достигает государственного пенсионного возраста, а пожилые люди дольше участвуют в трудовой деятельности. Например, каждый десятый сотрудник в сельском хозяйстве старше 60 лет. Доля молодых специалистов (до 30 лет) в возрастной структуре занятых уменьшилась с 17,8% в 2017 г. до 16,2% в 2018 г. [5, с. 48, 50, 54; 6, с. 31]. Занятость в аграрном секторе экономики в 2018 г. по сравнению с 2017 г. снизилась с 7,1% до 6,9% [7, с. 122]. Это связано в том числе с тем, что число молодежи, желающей посвятить свою жизнь сельскохозяйственной деятельности, уменьшается, а работники среднего возраста переходят в другие сферы деятельности.

Сложившаяся ситуация будет иметь определенные последствия для развития профессиональных компетенций. Количество людей с более высокой квалификацией увеличивается незначительно. Однако в долгосрочной перспективе ожидается постоянное повышение уровня квалификации во всех возрастных группах. Поскольку люди живут и работают дольше, им потребуется обучение на протяжении всей жизни. Как работодатели, так и работники

будут обязаны обновлять и изучать новые компетенции, поскольку требования к работе со временем меняются и усложняются. Поскольку технологические изменения происходят всё более быстрыми темпами, приобретение новых компетенций станет повседневной необходимостью в трудовой жизни каждого сотрудника. Важным фактором успеха становится способность учиться как когнитивный навык.

2. *Растущее разнообразие (Growing diversity)* означает, что глобальная мобильность трудовых ресурсов, новые технологии объединяют разные, а иногда и противоречивые культуры, религии, расы и языки. В нашей стране ежегодно происходит увеличение иностранцев, имеющих действующий патент на осуществление трудовой деятельности. Так, если в 2016 г. иностранных работников с патентом было 1543,4 тыс. чел., в 2017 г. – 1649,1 тыс. чел., то в 2018 г. уже 1661,9 тыс. чел. [8]. Следовательно, существует растущая потребность в признании иностранных квалификаций (сертификатов, дипломов, степеней) и компетенций, которые сигнализируют о необходимости проведения специальных курсов обучения для мигрантов с целью устранения любых пробелов в знаниях. Работодателям необходимо будет обновить, а в некоторых случаях даже переосмыслить кодексы поведения, чтобы обеспечить среду, свободную от дискриминации, включая положения, поощряющие интеграцию работников из разных культурных и религиозных групп. Увеличение числа иностранных работников в аграрной отрасли будет способствовать росту многокультурных социальных и коммуникативных компетенций. Особенно это актуально для работодателей. Становится очевидной растущая потребность в знаниях языка, культуры и религии, а также умение налаживать и поддерживать внутри и межколлективные взаимодействия, лидерство и креативность мышления.

3. *Неопределенность дохода (Income uncertainty)* характеризуется невозможностью определения будущих перспектив развития. Во всем мире за последние десятилетия произошли существенные изменения в структуре экономики (в частности, значительное смещение акцента на финансовый сектор) и изменения в уровне заработной платы в разных отраслях. В России цена труда работника сельского хозяйства традиционно очень низкая. Так, среднемесячная номинальная начисленная заработная плата агрария равна 28 699 руб. [9], это по сравнению со среднероссийским уровнем составляет немногим более 60%, что является неприлично низким. Рассчитывать на существенные изменения в оплате и стимулировании труда в аграрной сфере вряд ли стоит. Нынешний нестабильный финансовый климат заставил многих людей беспокоиться о безопасности своего дохода. Система денежных выплат выступает как один из показателей удовлетворенности трудом. На вопрос анкеты о степени удовлетворенности оплатой труда 35,4% ответили, что их устраивает размер заработной платы. Не довольны нынешним заработком 28,2% опрошенных. Тех, кого оплата труда отчасти устраивает, а отчасти нет – 34% [10].

Неопределенность дохода оказывает влияние на развитие будущих профессиональных компетенций работников отрасли. Для того чтобы оставаться привлекательными на рынке труда, работникам необходимо знать, какие навыки им необходимы. В этой ситуации может потребоваться дополнительная поддержка и обучение навыкам soft (гибкие, мягкие), которые помогают выполнять свою работу и являются важными для продвижения карьеры. В современном мире происходит стремительное развитие технологий, что приводит к быстрому устареванию многих полученных ранее знаний. В связи с этим особенно ценными становятся умения быстро обучаться, находить нестандартные решения, эффективно приспосабливаться к новым условиям. Таким образом, работодатель платит сотруднику не только за продуктивность, но также и за креативность, стрессоустойчивость, умение работать с информацией, самоорганизацию и умение работать в коллективе. Однако общая финансовая нестабильность в мире и России приводит к тому, что у части работодателей будет меньше возможностей инвестировать образование.

4. *Изменение рабочей среды (Changing work environments)*. В последние годы рабочие места во всем мире становятся всё более нестабильными, претерпевая частые и значительные организационные изменения. Благодаря стремлению повысить производительность и гиб-

кость как компании, так и отдельные работники постоянно находятся в двойственном процессе изменений и адаптации.

В этой постоянно меняющейся среде те, кто демонстрирует способность и готовность к адаптации, в конечном итоге будут иметь более высокую устойчивость к преодолению кризисов. Рабочие места в организациях будут становиться всё более подвижными и мобильными по мере того, как люди переходят от проекта к проекту. Менеджеры должны будут уделить дополнительное внимание разработке индивидуальных пакетов для сотрудников, а также поиску эффективных способов перехода от мониторинга на основе времени к мониторингу на основе результатов.

Необходимость определения и развития новых навыков для рабочих мест в будущем очевидна. В докладе представлены следующие десять навыков как наиболее необходимые для успеха в изменяющейся рабочей среде: расстановка приоритетов в работе, командная работа, организационная осведомленность (способность ориентироваться в жизни организации), готовность решать возникающие проблемы, самосознание, проактивность (способность действовать, не реагируя на воздействия извне), влияние, принятие решений, гибкость обучения, экспертиза. Ключевыми качествами успеха на рабочем месте в будущем будут способность быстро адаптироваться к изменениям в рабочей среде, превосходство в режимах совместной работы и сильные аналитические навыки для оценки проблем и принятия решений. По мере роста требований к проектным навыкам и по мере того, как люди чаще меняют работу и, следовательно, нуждаются в разнообразном портфеле компетенций, образовательные структуры всё в большей степени вынуждены предоставлять новые методы обучения. Дистанционное обучение прекрасно помогает осваивать навыки работы с информационными технологиями, которые необходимо регулярно обновлять. Однако с помощью онлайн-обучения невозможно развить многие компетенции, необходимые на рабочем месте. По-прежнему актуальны традиционные формы обучения.

По результатам проведенного исследования лишь 0,3% респондентов прошли обучение на курсах повышения квалификации в течение последних 12 месяцев, 64% ответили, что не обучались, 35,4% опрошенных данный вопрос не задавался. Длительность обучения составляла 50 дней, все из которых были учебными. Обычный день обучения на данных курсах составлял 4 часа. Специальность не совпадала с той, которую они имели до прохождения курсов. Оплата за обучение производилась полностью из личных средств сотрудников. Эти факты подтверждаются цифрами, полученными в ходе опроса, проведенного в 2017 г. в двух субъектных ПЭО. Более 38% опрошенных из 170 респондентов посчитали, что навыки, необходимые для выполнения почти всех видов труда можно получить на рабочем месте [11]. Нам представляется очевидным тот факт, что для нормализации ситуации в сфере доступности и более широкого использования дополнительного образования и профессиональной подготовки, необходимо активизировать сотрудничество с данным сектором для получения доступа к важнейшим компетенциям, поскольку способность к инновациям становится в современном обществе первостепенной.

5. *Растущее стремление к балансу между работой и личной жизнью (Growing Desire for a Better Work-life Balance)*. В современном мире наблюдается снижение разграничения между трудовой деятельностью и частной жизнью из-за перехода к дистанционной работе. Дисбаланс между работой и личной жизнью увеличивает уровень стресса и неудовлетворенности, что, в свою очередь, влияет на здоровье в долгосрочной перспективе. Согласно зарубежным исследованиям, 57% работников Великобритании сообщают о правильном соотношении обязанностей между домом и работой, а 41% сообщают о чрезмерном давлении на работе один или два раза в неделю или ежедневно [12]. Всё большее число сотрудников выбирает частичную занятость и самозанятость по сравнению с традиционным рабочим днем с девяти до пяти пять дней в неделю, чтобы максимизировать баланс между работой и личной жизнью и воспользоваться предоставляемыми преимуществами для здоровья, включая снижение стресса, депрессии и выгорания. Рабочие дни становятся менее жесткими и менее ориентированными на традиционный рабочий день. В экономически развитых странах, на-

пример Великобритании, 77% сотрудников работают в организациях, которые имеют гибкий график работы [13]. Прогнозируется, что количество работающих неполный рабочий день и трудящихся не по найму работников будет продолжать расти.

В России 48,3% опрошенных работников сельского хозяйства заявили, что продолжительность рабочего дня составляет 8 часов. Почти 14% указали, что трудятся в среднем 9–10 часов в сутки, около 11% респондентов заняты на рабочем месте 11–12 часов. О ненормированном рабочем дне заявили 3% трудящихся, затруднились подсчитать количество отработанных часов в день 7% тружеников отрасли. Каждый десятый аграрий занят менее 7 часов в день на своем рабочем месте. Увеличение неполной занятости может привести к снижению производительности, падению реальной заработной платы, если отсутствуют меры социальной поддержки на местах. В этих условиях работникам, особенно тем, с которыми заключены краткосрочные контракты, необходимо будет иметь более широкий спектр профессиональных навыков и умений. Для повышения своих профессиональных компетенций им необходимо больше полагаться на инициативы в области дополнительного образования и обучения на протяжении всей жизни.

6. *Конвергентные технологии и междисциплинарные навыки (Converging technologies and cross-disciplinary skills)* создают новые области применения. Сетевое взаимодействие и сотрудничество агропромышленных и исследовательских учреждений на международном уровне будет играть всё более весомую роль в создании междисциплинарного инновационного потенциала. Конвергенция технологий, особенно на пересечении нанотехнологий, биотехнологий, информационных технологий и когнитивных наук, создает совершенно новые рынки и новые области применения, что приведет к существенному росту спроса на высококвалифицированную рабочую силу, особенно ученых и инженеров, а также специалистов по трансформации полученных знаний в успешные бизнес-идеи. В нашей реальности хорошие коммуникативные навыки необходимы для обеспечения бесперебойной работы и сотрудничества в многопрофильных командах. Непрерывные научные и технологические разработки требуют умения постоянно быть в курсе последних научно-прикладных разработок. Руководители сельскохозяйственных предприятий должны быть достаточно осведомлены, чтобы иметь возможность распознавать и оценивать потенциал новых технологий. Кроме того, они должны быть хорошими коммуникаторами, поощряющими сотрудничество, открытость и инновации внутри своей организации, а также быть готовы эффективно взаимодействовать с другими организациями, чтобы по-настоящему использовать потенциал конвергентных технологий.

7. *Цифровизация производства (Digitalisation of production)*. В последние десятилетия активно идет процесс автоматизации и роботизации всё более сложных производственных задач на основе разработок в области электроники и использования информационных технологий. К 2024 г. доходы отрасли сельскохозяйственной робототехники вырастут примерно до 5,7 млрд долларов. По мнению аналитиков, через 20 лет умные машины смогут заменить человека с вероятностью в 76% [14]. Во всем мире наблюдается устойчивый и непрерывный рост автоматизации производственных процессов: активно применяются сельскохозяйственные дроны, машины для мониторинга и анализа состояния растений, опрыскивания, внесения удобрений, удаления сорняков и уборки урожая многих культур. К сожалению, наша страна ощутимо отстает от промышленно развитых стран в этой области. Роботы точно применяются немногим более чем на ста предприятиях исключительно для доения коров и уборки урожая. Эти модернизированные комплексы расположены в Краснодарском крае, Ростовской и Калужской областях [15]. Высокотехнологичное производство выступает двигателем для высококвалифицированных рабочих мест, что будет иметь определенные последствия для развития профессиональных компетенций. В условиях постепенной и непрерывной автоматизации основная ценность заключается не в процессах, которые можно роботизировать, а в уникальном аналитическом или интерактивном вкладе личности, который приводит к открытию, инновациям, объединению в команду. Особое значение приобретает объединенная группа инновационных компетенций. К их числу можно отнести желание и

готовность принимать активное личное участие в процессе внедрения нововведений; понимание сущности модернизационных механизмов; способность к выработке новых предложений по усовершенствованию сельскохозяйственного производства; новаторство и созидательность мышления.

8. *Развитие информационно-коммуникационных технологий и эпоха больших данных (ICT development and the age of big data)*. За последние десятилетия информационные технологии быстро распространились по всему миру, что связано с ростом вычислительной мощности и количества пользователей. В настоящее время в мире насчитывается 4,39 млрд пользователей Интернета, что на 366 млн (9%) больше, чем в январе 2018 г. В России насчитывается 109,6 млн интернет-пользователей, это значит, что уровень проникновения интернета находится на отметке 76% [16]. По данным проведенного исследования в сельском хозяйстве лишь 40% сотрудников использовали Интернет для работы в течение последних 12 месяцев. Наша страна находится на 45-м месте в мире по индексу развития информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). В АПК дело обстоит еще хуже: если в мире на 1000 человек, занятых в сельскохозяйственной сфере, приходится 25 ИТ-специалистов, в РФ этот показатель в пять раз ниже. В среднем предприятия инвестируют в данную отрасль не больше 10 руб. на 1 гектар [17]. Таким образом, постепенное развитие ИКТ и их распространение требуют подготовки специалистов, обладающих компетенциями в области информационно-коммуникационных технологий. Российским работодателям необходимо сосредоточиться на сокращении разрыва в ИТ-навыках своих и зарубежных специалистов. В этой связи важны инвестиции в развитие профессиональных компетенций персонала – от математики и статистики до визуального дизайна и отчетности. Растущий спрос на моделирование и более широкое использование, например, биоинформатики, так же увеличивает спрос на людей с навыками программирования и общим пониманием специализированной области исследования. Вследствие постоянного развития информационных технологий люди должны постоянно обновлять свои знания и навыки, чтобы оставаться привлекательными на рынке труда. Это относится не только к высококвалифицированной рабочей силе. Становится необходимо повышать уровень цифровой компетенции и изучать новые компетенции практически для всех категорий работающих.

В настоящее время наступает десятилетие, в конце которого представленные тенденции проявятся в большей степени. В нашей стране уделяют внимание происходящим изменениям, о чем свидетельствует создание «Атласа новых профессий» [18]. Особенностью представленного исследования является то, что в нем указаны возможные новые профессии, а также необходимые для них навыки и умения. К сожалению, такой важный сектор экономики, как сельское хозяйство не вошел в представленную разработку. Как обещают авторы, в ходе дальнейших исследований в «Атлас новых профессий» будут вноситься изменения.

Заключение.

Для того чтобы идти в ногу с новыми тенденциями развития профессиональных компетенций, всем возрастным группам работников потребуется вкладывать средства в постоянное повышение квалификации. Разные поколения должны понимать друг друга, т.к. укрепление солидарности поколений на рабочем месте чрезвычайно важно для эффективности бизнеса.

Поэтапная интеграция работодателей, работников, системы образования и представителей власти является ключом к подготовке высококомпетентных специалистов агросферы. Представителям бизнеса в современных реалиях важно активизировать сотрудничество с сектором образования и профессиональной подготовки для получения доступа к важнейшим навыкам, поскольку способность к инновациям становится первостепенной. Работникам предстоит изменить свой взгляд на работу, так как она становится менее узкоспециализированной и более технологичной. Сельхозтруженникам в ближайшей перспективе важно взять на себя большую личную ответственность за приобретение и постоянное обновление профессиональных компетенций, невзирая на ограниченные инвестиции со стороны работодателей и правительства. В этой связи можно воспользоваться преимуществами новых подходов

к обучению, например, самостоятельного, взаимного обучения и обучения с использованием интернет-технологий. Уровень образования является наиболее важным компонентом человеческого капитала, обуславливающим значительную отдачу в будущем с точки зрения оплаты труда и продвижения по службе [19, 20].

В будущем первостепенное значение будут иметь следующие компетенции: устойчивость, адаптивность, находчивость, предприимчивость, когнитивные навыки, бизнес-навыки [21]. Представителям сферы образования важно своевременно выявлять разнообразные требования, которые работники предъявляют к способам обучения и профессиональной подготовки, и разрабатывать гибкие программы обучения и переобучения [22]. Представители властных структур должны поддерживать создание гибкой и динамичной инвестиционной среды, позволяющей людям и организациям наращивать свои возможности для инноваций и конкуренции.

Список литературы:

1. Толковый словарь русского языка: с включением сведений о происхождении слов / Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М.: ИЦ «Азбуковник», 2008. – 1175 с.
2. Удальцов В.Г., Мрочко Л.В. Анализ тенденций развития исторических процессов: социально-философский подход // Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2017. – № 4 (16). – С. 93.
3. Беляевский И.К. Маркетинговое исследование: информация, анализ, прогноз. – М.: Финансы и статистика, 2005. – 318 с.
4. The Future of Work: Jobs and skills in 2030. – URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/303334/er84-the-future-of-work-evidence-report.pdf
5. Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). – М.: Росстат, 2018. – С. 48, 50, 54.
6. Труд и занятость в России. 2019: стат.сб. / Росстат. – М., 2019. – С. 31.
7. Российский статистический ежегодник. 2019: стат.сб. / Росстат. – М., 2019. – С. 122.
8. Численность иностранных граждан, имевших действующий патент на осуществление трудовой деятельности // Труд и занятость в России. 2019: стат.сб. / Росстат. – М., 2019. – С. 80.
9. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций по видам экономической деятельности // Труд и занятость в России. 2019: стат.сб. / Росстат. – М., 2019. – С. 108.
10. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE). – URL: <http://www.hse.ru/rlms>.
11. Великий П.П., Мореханова М.Ю. Идентичность современного аграрного социума с крестьянской традиционностью как социальный ресурс функционирования аграрного сектора // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2019. – № 1.
12. Employee Outlook Series. Chartered Institute of Personnel and Development, London. – URL: <http://www.cipd.co.uk/binaries/6205-EmpOutlook-spring-2013-per cent28WEB per cent29.pdf>
13. Thompson J. and Truch E. The Flex Factor: Realising the Value of Flexible Working. RSA, Action and Research Centre, London. – URL: http://www.thersa.org/__data/assets/pdf_file/0011/1526708/RSA_Flex_report_15072013.pdf
14. Мнение экспертов исследовательской компании Global Industry Analysts Inc. – URL: <https://www.cfo-russia.ru/issledovaniya/index.php?article=49186>
15. Когда роботы начнут собирать урожай в России? – URL: <https://www.cfo-russia.ru/issledovaniya/index.php?article=49186>
16. Вся статистика интернета на 2019 год – в мире и в России. – URL: <https://www.web-canape.ru/business/vsya-statistika-interneta-na-2019-god-v-mire-i-v-rossii/>

17. «Умное» сельское хозяйство: состояние и перспективы. – URL: <http://bujet.ru/article/332134.php>
18. Атлас новых профессий. Агентство стратегических инициатив – МШУ «Сколково». – М., 2014. – URL: <http://www.skolkovo.ru/public/media/documents/research/sedec/>
19. Вяльшина А.А. Семейные факторы формирования миграционных намерений выпускников сельских школ // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2019. – № 2. – С. 100.
20. Вяльшина А.А. Механизмы преодоления экономической уязвимости сельских домохозяйств с детьми // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2019. – № 3. – С. 164–172.
21. Бочарова Е.В. Система компетенций работников агропромышленного комплекса // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2017. – Т. 9. – №5/1. – С. 133–140.
22. Бочарова Е.В. Непрерывное образование как фактор повышения профессиональной компетенции работников сельского хозяйства // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2019. – Т. 19. – № 2. – С. 131–135.

ГЛОБАЛЬНЫЕ СОЦИОСТРУКТУРНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ТРАНСФОРМАЦИИ МАЛОГО ФЕРМЕРСКОГО СЕКТОРА

Нечаева И.В., к.социол.н., ИАГП РАН

В статье рассматриваются глобальные социоструктурные изменения в малом фермерском сегменте страны. Показаны межстрановые различия удельного веса фермерского сектора в агропромышленном производстве. В сфере ротации крестьянско-фермерских хозяйств наблюдаются как негативные тенденции, связанные с уменьшением количества фермерских хозяйств и замедлением темпов прироста новых, так и положительные, обусловленные формированием оптимальной структуры, содержащей равные части «молодых» и существующих уже длительный период фермерских хозяйств. Полученные данные дают основания констатировать сохранение социальной устойчивости фермерской деятельности на основе традиционного ведения сельскохозяйственного производства и начало оптимизационных социоструктурных тенденций в данном секторе. Социально-функциональный контекст фермерского лидерства, служащий проводником внедрения нового жизненного опыта в социальную ткань общественных систем, способствует глобальным изменениям общественного сознания.

Ключевые слова: фермерский сектор РФ, структурные пропорции, социоструктурные тенденции, социальная устойчивость.

GLOBAL SOCIO-STRUCTURAL TRENDS OF TRANSFORMATION OF THE SMALL FARMING SECTOR

Nechaeva I.V., candidate of sociological sciences, IAgP RAS

The article considers global socio-structural changes in the small farming sector of the country. Cross-country differences in the share of the agricultural sector in agricultural production are shown. In the sphere of rotation of peasant farms, there are both negative trends associated with a decrease in the number of farms and a slowdown in the growth rate of new ones, as well as positive ones due to the formation of an optimal structure containing equal parts of “young” and existing long-term farms. Obtained data give reason to state the preservation of the social sustainability of farming on the basis of traditional agricultural production and the beginning of optimization socio-structural trends in this sector. The social and functional context of farm leadership, which serves as a vehicle for introducing new life experiences into the social fabric of social systems, contributes to global changes in public consciousness.

Key words: Russian farming sector, structural proportions, socio-structural trends, social sustainability.

Введение.

В современный период сегмент малого фермерства страны демонстрирует ряд позитивных динамических сдвигов. В общероссийском масштабе фиксируется рост доли сельского хозяйства в структуре ВВП до 4,5%, что подчеркивает глобальную тенденцию сохранения общей устойчивости сельскохозяйственного сектора в текущих неблагоприятных условиях, а доля занятого в сельском хозяйстве населения составляет порядка 10% трудоспособного населения страны [1, с. 4].

В пространстве социальных систем, в которую вписаны малые фермерские хозяйства, разворачивается множество процессов, имеющих как разнонаправленные векторы движения, так и развивающиеся по близким (типичным) траекториям, соединяющиеся в глобальную социальную тенденцию. Выявление типичных траекторий в сфере функционирования малых фермерских хозяйств возможно по ряду социальных признаков (индикаторов), показывающих либо схожие направления социальных процессов (сохраняющиеся в течение длительного периода), либо различные пути трансформационных изменений в сфере малых форм хо-

зяйствования. Знание о принципах выявления и фиксации преобладающих глобальных тенденций в сфере функционирования малых форм хозяйствования чрезвычайно важно с научно-практической точки зрения, поскольку позволяет прогнозировать развитие социальных ситуаций, опосредованных их влиянием, использовать адекватный инструментарий оценки их воздействия на направленность и динамику выявленных тенденций с целью возможной коррекции и уточнения механизма формирования основных социальных трендов сферы малого аграрного предпринимательства.

Цель исследования состоит в выявлении глобальных социоструктурных тенденций малого фермерского сектора.

В качестве основных **методов исследования** использовались принципы системного и структурно-функционального анализа.

Результаты исследования.

Анализ статистических данных позволил выявить основные векторы развития глобальных социоструктурных тенденций в аграрном секторе малого фермерства.

Сравнение аграрной производственной структуры России и мирового сельского хозяйства показывает их значительное различие. В большинстве развитых зарубежных стран аграрная экономика представлена малым фермерским сектором, он же производит основную долю сельскохозяйственной продукции. По данным за 2015 г. семейные фермы составили 97,6% всех хозяйств США, они же обеспечивали 85% сельскохозяйственного производства [2]. Вклад российского малого фермерского сектора в экономику сельского хозяйства по доле произведенной сельскохозяйственной продукции является довольно низким.

Отчетливая глобальная контрастность анализируемой тенденции состоит в том факте, что в пореформенный период были созданы крупные сельскохозяйственные предприятия (агрохолдинги), и сейчас на их долю приходится 53% производства сельскохозяйственной продукции. Данный процент не меняется уже длительный период – с 1995 г. он колеблется в пределах 50%. На долю же малых форм хозяйствования, включающих КФХ, ИП сельскохозяйственного профиля, хозяйства населения, в общей сумме приходится около 35% производства продукции. Персональная доля КФХ в данной сумме составляет 12,5% [1, с. 26]. Между крупными и малыми предприятиями агрокомплекса страны практически нет предприятий со средними параметрами (по количеству занятых и объемам производства). В отличие от РФ, в странах с развитой экономикой (США, Канада, Великобритания и др.) наблюдается постепенный и равномерный рост как общего количества агропредприятий разного размера, так и доли производимой ими сельскохозяйственной продукции [3, с. 65-69]. На крупные формы агропроизводства в США приходится только 28% товарной продукции. По мнению ряда авторов, данная структурированная равномерность обусловлена историческим контекстом развития сельского хозяйства в США [2]: длительность исторического периода сельскохозяйственного освоения территории, наличием социального опыта сельскохозяйственной деятельности у инициативных переселенцев, отсутствие значимых социальных потрясений.

Таблица 1 - Доля продукции сельского хозяйства по категориям хозяйств (%)

Год	КФХ и ИП сельскохозяйственного профиля	Хозяйства населения	Сельскохозяйственные организации
1990	-	26,3	73,7
1995	1,9	47,9	50,2
2000	3,2	51,6	45,2
2005	6,1	49,3	44,6
2010	7,2	48,3	44,5
2016	12,5	34,7	52,8

Источник: Данные Росстата РФ за период 1990-2016 гг.

Анализ современной структуры производства продукции сельского хозяйства РФ по категориям хозяйств за 2010-2016 гг. позволил отметить начало трансформационного процесса «смягчения» проявления контрастности аграрной производственной структуры из-за

постепенного перемещения сельскохозяйственного производства из хозяйств населения в крестьянско-фермерские хозяйства и сельскохозяйственные организации (табл. 1). Позитивным моментом является рост доли производства сельскохозяйственной продукции в КФХ (доля ЛПХ сократилась на 10,9%, доля КФХ увеличилась на 7%) [1, с. 26]. Однако доля крупных сельскохозяйственных предприятий также растет, что является следствием монополизации аграрного рынка крупными аграрными производителями.

Отмеченные динамические изменения дают возможность выделить тенденцию зарождения процессов медленного эволюционного перехода к более оптимальной структуре российского аграрного сектора с возрастающим значением малого фермерского сектора при сохранении экономического превосходства крупных аграрных предприятий. Такая крайняя поляризация структур российского фермерского сектора, на наш взгляд, объясняется как историческим наследием прошедшей эпохи, когда производство сельскохозяйственной продукции в стране осуществлялось сельскохозяйственными предприятиями (колхозами, совхозами), так и преобладающим мировоззрением, слабо сориентированным на использование рыночных возможностей жизнедеятельности [4].

Анализ процесса создания и выбытия из экономики крестьянско-фермерских хозяйств свидетельствует о существенных трансформационных изменениях. Так, структура распределения КФХ по годам создания в 2006 г. и 2016 г. имеет существенные различия [5, с. 69; 6, с. 108]. Анализ структуры создания хозяйств в 2006 г. показал, что более половина хозяйств (50%) были созданы до 1995 г. В современной же структуре – таких хозяйств осталось только 20%. За период с 2001 г. по 2006 г. фиксировались самые низкие темпы прироста хозяйств – по несколько процентов в год. Однако хозяйства, созданные в данный период, сохранили наибольшую социальную устойчивость – процент таких хозяйств одинаков в двух данных структурах (табл. 2).

Таблица 2 - Распределение КФХ по годам создания в 2006 и 2016 гг. (%)

Хозяйства, созданные в периоды:	2006 г.	2016 г.
до 1995 г.	50,0	20,9
1995-2000 гг.	31,0	12,2
2001-2006 гг.	14,0	14,0
2007-2010 гг.	-	15,6
2011-2013 гг.	-	16,2
2014-2016 гг.	-	18,0

Источник: Данные Росстата РФ, Всероссийских сельскохозяйственных переписей 2006; 2016 гг.

Современная структура распределения КФХ по годам возникновения содержит негативную составляющую – уменьшение общей численности хозяйств из-за того, что новых хозяйств организуется меньше, чем выбывает. В основном она связана с сокращением «старых» хозяйств, созданных в период до 2000 г. - их количество уменьшилось в 2,5 раза (с 81% до 32%) [5, с. 69; 6, с. 108]. Причиной, на наш взгляд, могут выступать два основных обстоятельства. Первое, экономический фактор ухода (банкротство) и закрытие хозяйства. Второе – естественное выбытие руководителей хозяйств из фазы активного трудоспособного возраста. Если в период создания хозяйства (до 1995 г.) возраст руководителя приближался к 50-ти годам, то в современный период он не может продолжать хозяйственную деятельность по естественным причинам [7, с. 33].

Позитивными моментами следует признать движение по оптимизационному вектору, показывающему практически равные части относительно «молодых» фермерских хозяйств, созданных в 2006-2016 гг. (50,8%), и существующих уже длительный период, созданных до 2005 г. (47,2%). Вместе с тем следует отметить некоторое замедление темпов прироста относительно «молодых» хозяйств, начиная с 2014 г., что связано как с общим истощением социально-демографического потенциала [8, с. 116] и сокращением сельского населения, так и с уменьшением уровня государственной финансовой поддержки и слабой доступностью рыночных институтов оборотных средств.

Несмотря на абсолютное уменьшение количества фермерских хозяйств за 2006-2016 гг. с 285,1 тыс. хозяйств до 174,8 тыс., в данном секторе происходят качественные трансформационные изменения. Малая фермерская группа сегодня демонстрирует социальную устойчивость деятельности, достигаемую за счет продолжения традиционного ведения сельскохозяйственного производства [9, с. 136]. По данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи, в 2016 году в РФ насчитывалось 174,6 тыс. КФХ и ИП, ведущих сельскохозяйственную деятельность, в которых трудилось 367,2 тыс. чел. [6, с. 128-130]. Динамика в период с 2006 по 2016 гг. показывает снижение количества зарегистрированных КФХ в сельском пространстве России (табл. 3) и внушительный рост обрабатываемых сельхозугодий в фермерском сегменте. Так, площадь фактически используемых земель за 10 лет увеличилась вдвое – с 17903,4 тыс. га в 2006 г. до 32368,4 тыс. га в 2016 г. [5, с. 30; 6, с. 40]. По данным Минсельхоза РФ около 60% КФХ владеют земельными наделами от 10 до 500 га [1, с. 139], что означает начало тенденции укрупнения и повышения эффективности фермерских хозяйств.

Таблица 3 - Число зарегистрированных КФХ в РФ (тыс.)

1998 г.	2000 г.	2002 г.	2004 г.	2006 г.	2016 г.
270,2	261,7	264,0	261,4	285,1	174,6

Источник: Данные Росстата РФ за 1998 -2016 гг.

В современный период сохраняют свою устойчивость тенденция предоставления финансовой поддержки малым фермерским хозяйствам, которые важны для роста производства аграрной продукции и обеспечения занятости сельского населения.

Благодаря привлечению в отрасль дополнительных финансовых ресурсов посредством получения кредитных средств, субсидирования (дотаций) на погашение процентной ставки по кредитам, компенсации части затрат на приобретение техники и оборудования, семян, молодняка животных, происходит стимулирование частной инициативы на селе. Однако статистические данные позволили выявить значимую диспропорцию в направлениях финансовых потоков, предназначенных крупным и малым формам аграрного производства (табл. 4) [6, с. 421].

Таблица 4 - Число КФХ и СХО получавших кредитные средства и субсидии в 2015 г. (%)

Структура распределение кредитных средств	КФХ	СХО
Число хозяйств, получавших кредитные средства (всего)	11,7	37,4
из них:		
на пополнение оборотных средств	4,7	26,0
на приобретение земельного участка	0,3	1,1
на приобретение техники, машин, механизмов	4,3	13,8
на строительство новых объектов	0,5	3,2
на реконструкцию модернизацию производства	0,4	2,1
на приобретение сельскохозяйственных животных	1,7	3,7
на другие цели	2,0	5,4

Источник: данные Росстата РФ, Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 г.

Данные таблицы 4 показывают, что большую часть государственной поддержки получают крупные агрокомпании (преимущественно агрохолдинги), благодаря лоббированию собственных интересов в правительственных кругах, ответственных за ее распределение. А малые фермерские хозяйства оказываются практически ее лишены.

Для государственной политики характерно предоставление финансовой и административной поддержки лишь избранному кругу агрогигантов, что изначально ставит малые формы хозяйствования российской аграрной экономики в неравные условия, подрывая социально-воспроизводственный потенциал небольших КФХ. Такая направленность вектора финансовой поддержки имеет ряд негативных побочных явлений. Например, банкротство нескольких агрогигантов может угрожать продовольственной безопасности всей страны. При этом не происходит повсеместного подъема аграрного производства в малых формах хозяйство-

вания, и остается незадействованным социально-трудовой потенциал села, потому что в крупных формах аграрного производства используются завозные трудовые ресурсы [10, с. 37]. В ряде случаев аналитиками отмечается сворачивание основных направлений сельскохозяйственной деятельности в малом секторе аграрного производства, если она конкурирует с основной специализацией холдинга. Ряд фермерских хозяйств Тамбовской, Липецкой, Белгородской областей, занимающихся свиноводством, вынуждены были остановить производство с появлением агрохолдингов свиноводческого направления.

Именно хозяйственная деятельность фермера в сочетании с ее социальными проявлениями имеет первостепенное значение для подъема сельской экономики и улучшения социальной жизни села, т.к. она выполняет опорно-каркасную функцию сохранения сети сельских поселений и повсеместности социально-экономического развития сельских территорий. Агрохолдинги же не могут справиться в данной задаче, их деятельность ведет лишь к «арельному» оживлению сельскохозяйственного производства.

Заключение.

В современных условиях развитие малого фермерского сектора обусловлено исключительно личностными стремлениями и титаническими трудовыми усилиями инициативных аграриев. Социальный контекст данного лидерства выражается, прежде всего, в демонстрации новаторского способа жизнедеятельности, служащего проводником осознания новых жизненных возможностей. Данный вывод подводит нас к формулировке важного аналитико-методологического вывода о том, что хозяйственная и социально-функциональная деятельность представителей малого фермерства способствует глобальным социальным изменениям социальной сферы общественных систем, эволюционно видоизменяя общественное сознание сельского социума, делая его более восприимчивым к социально-хозяйственным инновациям.

Список литературы:

1. Шагайда Н.И., Узун В.Я. Тенденции развития и основные вызовы аграрного сектора России (аналитический доклад). - М.: Центр стратегических разработок РАНХиГС, 2019. – С. 4; 26; 139.
2. Иншаков А.А. Роль фермерских хозяйств в аграрном комплексе США и России. Региональная экономика и управление. – 2018. - № 2 (54). - URL:<https://eee-region.ru/article/5412/>
3. Воронин Б.А., Воронина Я.В. Состояние и тенденции развития фермерских хозяйств в зарубежных странах // Аграрный вестник Урала. – 2015. - № 10 (140). - С. 65-69
4. Мореханова М.Ю., Нечаева И.В. Динамика ценностных факторов экономического поведения крестьянства // Региональные агросистемы: экономика и социология.- 2009. - № 2.
5. Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006. - URL: https://www.gks.ru/storage/mediabank/tab1_t2.pdf
6. Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016. - URL: https://www.gks.ru/storage/mediabank/VSXP_2016_T_2_web.pdf
7. Бочарова Е.В. Удовлетворенность трудом работников старшего возраста // Проблемы и перспективы инновационного развития мирового сельского хозяйства: сборник статей VI Международной научно-практической конференции, 2016. - С. 33-34.
8. Нечаева И.В. Основные стратегические направления развития малых форм хозяйствования в аграрной сфере // Проблемы и перспективы развития сельского хозяйства и сельских территорий: сб. ст. VI Международной научно-практической конференции, 2017. - С. 115-117.
9. Бочарова Е.В. Система компетенций работников агропромышленного комплекса // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2017. - Т. 9 - №5/1. - С. 133-140.
10. Мельников А.Б., Сидоренко В.В., Михайлушкин П.В. Формирование концепции системы государственного регулирования АПК // Международный сельскохозяйственный журнал. - 2017. - № 4. - С. 37-40.